ЛЕ
И25
Ивин А
Китай и
Советский Союз
М. 1924

А. ИВИН

КИТАЙ И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

ПРЕДИСЛОВИЕ Л. КАРАХАНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1924

50241/

1-й [illegible] фонда

ЛЕ
И25

А. ИВИН

327 (47 : 51)

КИТАЙ
И
СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
Л. КАРАХАНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР

50241/80

Гиз № 8323. Главлит № 28500. Москва. Напеч. 10.000 экз.

Госиздат. 1-я Образцовая типогр. Москва, Пятницкая, 71.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Очерки, собранные в настоящем сборнике, представляют собой некоторые из статей т. Ивина, частью уже опубликованные в наших толстых журналах, частью видящие свет впервые. Все эти статьи не были рассчитаны для отдельного издания. Автор предполагал переработать их и дополнить и только после этого издать книгу о современном Китае. К счастью, т. Ивина удалось убедить, что то исключительное внимание, которое сейчас привлекает к себе Китай в самых широких кругах Советского Союза, требует немедленного издания его книги, чтобы ввести в круг китайских событий советского читателя.

Китая мы, в сущности, не знаем. Мы знаем о существовании четырехсотмиллионного народа, знаем, что он превращен империализмом почти в полуколониальную страну, мы знаем о войне между отдельными генералами, мы знаем имена Сун Ят-сена, Чжан Цзо-лина и У Пей-фу, мы время от времени читаем телеграммы о том или другом новом насилии империализма над китайским народом, мы следим за стачкой кантонских рабочих в Шамине и т. п., но мы не знаем Китая, мы не знаем борьбы, которая повседневно ведется китайскими кули, студентами, интеллигенцией, во всех углах этой необ'ятной страны, мы не знаем китайских партий, политической жизни страны, ее литературы, господствующих общественных настроений.

Правда, у нас есть смягчающие вину обстоятельства. Мы существуем 7 лет, и каких! До того ли нам было! Но сегодня, когда мы вступаем в 8-й год жизни, мы обязаны самым внимательным образом всматриваться в Китай, ибо арена международной борьбы империализма из Европы, из Атлантического бассейна переходит к берегам Тихого океана, и намечает своим центром Китай. Здесь

разыграются грядущие битвы империализма за раздел, за разграбление еще не поделенного мира.

Китай есть главная добыча, которую видят перед собой империалистические державы, та добыча, из-за которой они лихорадочно вооружают себя до зубов.

В будущей схватке империализм отводит Китаю роль пассивной жертвы, которая разве только сможет служить в качестве сырьевого и человеческого резервуара. Так хочет империализм, не желая знать, чего хочет сам Китай. Но Китай теперь не тот, что 20 лет назад. Тогда можно было ввести войска в Пекин и изнасиловать правительство богдыхана, ограбить страну, заковать ее в цепи и с исключительной утонченностью «цивилизованных наций» надглумиться над честью и достоинством страны. Тогда все это можно было проделать безнаказанно. Но сегодня, после мировой войны, после великой Октябрьской революции, потрясшей весь мир, после 7 лет существования Советских Республик, после советско-китайского соглашения, державы будут иметь дело с народом, пробудившимся к новой жизни и борьбе, народом, который лихорадочно переживает процесс своего самосознания, народом, вовлеченным в машину капиталистического развития, которая выбрасывает в стремительно развивающиеся города и порты Китая миллионы трудящихся, это бродильное начало и в то же время главную действующую силу революции и восстания против империализма.

Не только китайский пролетариат, но и широкие круги интеллигенции, учащих и учащихся, мелкая и средняя, главным образом, ремесленная и торговая буржуазия Китая вовлечены в национально-революционное движение страны.

Нет более популярного, более живого лозунга в стране, чем борьба против империализма, борьба за отмену неравных договоров. Беззастенчивое хозяйничанье и издевательство некоторых держав об'единяют в своей ненависти к иностранному хозяйничанью значительную часть страны от кули до генералов.

Правда, эта ненависть еще не приняла организованного, действенного характера, это пока скорее общественные настроения, но они с каждым днем трансформируются в сознательное, продуманное движение, которое кое-где имеет тенденцию закрепляться организационно.

Очерки т. Ивина являются попыткой зарисовать отдельные стороны китайских настроений, происходящей борьбы китайского

народа против империализма, его симпатий и надежд, обращенных в процессе этой борьбы лицом к Советскому Союзу, политики великих держав в Китае и того переполоха, который производит в империалистических кругах появление в Китае Советского Союза, значение и влияние политики Союза на борьбу Китая за независимость и т. д.

Особый интерес представляет глава о Шаминьской стачке и положение в Кантоне. В связи с конфликтом гоминдановского правительства с английскими капиталистами, они вводят нас в круг тех причин, которые так обострили недавно положение в Кантоне. Каждый из очерков носит самостоятельный характер и читается чрезвычайно легко и интересно. В некоторых из них можно найти повторения, которых, при менее спешной работе, можно было бы избежать. Но откладывать издание очерков из-за этих второстепенных обстоятельств было бы непростительно.

Очерки т. Ивина, насколько мне известно, явятся едва ли не единственным изданием, посвященным современному Китаю. Они все об'единены глубоким и близким знанием автора современной жизни и борьбы Китая. Тов. Ивин, будучи синологом, является среди них исключением, ибо его внимание направлено не на изучение тысячелетних рукописей и цитат древних китайских философов, а на изучение живого, страдающего и борющегося Китая. В своих статьях автор подходит к Китаю с правильно применяемым марксистским методом, что еще более усиливает ценность очерков.

Можно пожелать, чтобы т. Ивин не ограничился бы только изданием своих статей, а дал бы систематическую и более полную работу о современном Китае.

Соглашаясь с автором во многом в его оценке современного положения в Китае, я должен оговориться, что кое-что в его характеристике лиц и правящих кругов вызывает с моей стороны серьезные возражения, которые так естественны в моем положении посла СССР в Китае.

Л. Карахан.

I

КИТАЙ И СОВЕТСКАЯ РОССИЯ.

«Господа французы, — заявил как-то Пуанкарэ, — не должны забывать, что они являются теперь гражданами не 39, а 100-миллионной Франции». В этом заявлении представителя французских банкиров и промышленных магнатов скрывается весьма прозрачный намек на то, что та олигархия, которая в настоящее время правит Францией, не постесняется прибегнуть к помощи негров и аннамитов, чтобы потопить в крови народное восстание. Если принять во внимание все увеличивающийся контингент французских колониальных войск, то придется признать, что вышеприведенная угроза не является простой бутадой. Это — во Франции. Что касается Великобритании, всем известно, какую громадную роль играет в поддержании ее мирового могущества умелое использование того колоссального человеческого резервуара, каким является Индия. Наконец, вербовка китайских кули еще во время англо-бурской войны и уже в несравненно большем масштабе в период последней европейской бойни ясно указывает на тенденцию империализма опереться для достижения своих целей и на неисчислимые людские запасы Китая. Для всякого, кто интересуется судьбами социальной революции, вопрос о роли Азии, ее народов, не может уже поэтому не являться одним из наиболее грозных, во всяком случае, заслуживающих самого внимательнего изучения.

К сожалению, даже для сознательного социалиста бывает трудно отрешиться от того инстинктивно-полупрезрительного отношения ко всему, что лежит за пределами так-наз. «цивилизованного мира», которое можно об'яснить только нашим неве-

жеством, тем, что в наших школах почти совершенно игнорируется все, что касается Азии, хотя по своей территории мы сами являемся скорее страной азиатской. В самом деле, что дает в этой области учащейся молодежи даже средняя школа? Если в учебниках всеобщей географии можно еще найти скудные сведения об «отсталых, нецивилизованных странах», то в учебниках «всеобщей истории» вы, как общее правило, и таковых не найдете. Вся древняя история почти не выходит за пределы территории Великой Римской империи, как будто единственным очагом человеческой культуры был бассейн Средиземного моря, и ни Великая Индия, ни Великий Китай никогда не существовали, хотя на самом деле почти вплоть до второй половины XVIII века их цивилизация не только не уступала, но иногда на протяжении целого ряда столетий стояла выше европейской. Лишь паровая машина, а затем акционерная компания вознесли европейско-американские народы на ту головокружительную высоту мирового могущества, откуда все остальное человечество слилось в одну серую бесформенную массу.

Хотя, начиная с Октябрьской революции, судьбы народов Азии, тесное сближение с которыми составляет одну из основ внешней политики Совроссии, начинают привлекать к себе внимание широких кругов, тем не менее, все мировое значение азиатской проблемы, ее непосредственная связь с такими неотступными вопросами сегодняшнего дня, как крах капитализма, социальная революция, остается еще для многих весьма туманной. Все ли те, кто ежедневно пишет, обсуждает, полемизирует, не говоря о читателях и слушателях, представляют себе — не абстрактно, но ясно, конкретно—чрезвычайную сложность этих вопросов, сложных уже потому, что капитализм до сих пор остается почти исключительно явлением Запада, который представляет собою лишь остров среди океана народов, все еще пребывающих в докапиталистической стадии.

Недавно возвратившийся из поездки в Юннань американский посланник в Пекине д-р Шурман немало поразил многочисленную аудиторию тем, что чуть не половину своей публичной речи-реферата посвятил описанию того, как велик Китай и какая уйма народу его населяет. Vérités de La police, особенно для тех, кто сам живет в Китае, и однако самый факт, что такой ученый доктор вдруг стал ломиться в открытую дверь, доказывать всем, казалось бы, очевидные истины, свидетельствует о том, как

поразили его самого эти истины, когда предстали не в виде абстрактного географического понятия, а как живая реальность. Нужно, действительно, самому побродить по необозримым просторам Азии, ближе присмотреться к населяющему ее человечеству, чтобы глубоко ощутить, как мал европейский мир, и какие грандиозные проблемы встали бы завтра перед победоносной европейской революцией, если бы она решила стать мировой.

Не менее трудные задачи ставит та же Азия уже на самом пути, ведущем к социальной революции; так, например, говорить о крахе капитализма, не изучив самым тщательным образом эволюцию Восточной Азии, т.-е. главным образом Китая, значит, упускать из виду одну из наиболее важных сторон решаемой нами проблемы. «Рабочие Англии и других стран, — читаем мы в любопытном недавно появившемся труде одного английского миссионера, — проливали свою кровь, чтобы китайский народ мог покупать их продукты и тем самым оплачивать их труд; но приближается время, когда английскому рабочему будет грозить голодная смерть, вследствие того, что Китай, «открытый» его усилиями, явится конкурентом на английском рынке. Английский капиталист, направляющий политику, достаточно зорко следит за тем, куда дует ветер. Вот он уже в Китае, вот он уже строит в Шанхае и других больших городах фабрики и заводы, которым суждено процветать, в то время как заводы и фабрики метрополии будут обречены на вымирание. Отдельные капиталисты, как в самой Англии, так и в других странах будут брошены на произвол судьбы, но другие, и таких будет не мало, скорее окажутся в выигрыше, чем в проигрыше. Британский капитал, вкладываемый в китайские фабрики и заводы, является в известной мере страховкой на то время, когда китайская индустрия подорвет британскую не только на внутреннем рынке самого Китая, но и на мировом». Такие же или подобные взгляды вы можете встретить и в трудах американских и даже французских буржуазных авторов, мечтающих о блестящем будущем Индо-Китая. Цитировать их нет надобности, ибо нашей целью является лишь указание на те упования и надежды, которые империалисты всех стран возлагают на Азию и прежде всего на Китай. Недаром за последние годы буржуазная печать так много говорит о перемещении центра тяжести мировой истории на берега Тихого океана. Здесь, в Восточной Азии, на дешевом труде десятков миллионов «послушных пролетариев» мечтают уже многие короли индустрии и

заправилы финансового мира создать непобедимую цитадель нового капитализма, о которую разбились бы волны европейско-американской социальной революции.

Правда, вопрос о возможностях иммиграции европейского капитализма на тихоокеанское побережье является весьма спорным. Как раз один из наиболее видных японских business men, говоря о перспективах капиталистического развития Китая, высказывает совершенно противоположный взгляд. «Что особенно примечательно, — заявил он в интервью, появившемся на страницах *Iapan Advertiser,* — это упорный, хотя и медленный процесс индустриализации Китая, происходящий, несмотря на непрекращающуюся смуту, которая царит на всей территории республики. Японская торговля уже чувствует на себе результаты этого процесса, в будущем почувствуют их и Великобритания и Соединенные Штаты. Англия, Америка и Япония, помещая свои капиталы в Китае, сами себе роют могилу, ибо в недалеком будущем они будут вытеснены. Подобно тому, как иностранные фирмы вынуждены были с развитием японской индустрии убраться из Японии, точно так же придется им с развитием китайской торговли и индустрии убраться и из Китая».

Не входя в обсуждение этих любопытных вопросов, мы хотим лишь остановить внимание читателя на тесной зависимости судеб европ.-амер. капитализма от ближайшей эволюции Китая. Не будет большим преувеличением сказать, что последний по своей важности для всего мирового империализма начинает играть почти такую же роль, как Индия в жизни Великобритании. Вот почему большинство буржуазных писателей, говоря о неизбежности новой войны, имеют в виду непримиримость интересов великих держав именно в Китае. Как, однако, ни велико это взаимное соперничество империалистов, все они сходятся до сих пор в одном: отстоять во что бы то ни стало Китай от «зловредного влияния большевизма», понимаемого здесь главным образом, как борьба китайцев за свою национальную независимость, за уничтожение тех «священных договоров», которыми их великая страна превращена в «полуколонию». В Китае Совроссии приходится таким образом вести борьбу не с той или иной из капиталистических стран, но со всей их совокупностью, и, являясь представителем мира социализма, противостоять натиску всего капиталистического мира, ибо, по существу, дело идет о том, кому из этих двух миров удастся вовлечь в свою орбиту народ, вклю-

чающий в себе одном половину Азии. Ни в какой стране эта борьба двух враждебных сил не проявляется с такой рельефностью, как здесь, ни в какой другой стране вы не встретите такого планомерно организованного идеологического воздействия всего капиталистического мира на целый народ и прежде всего на его молодое поколение. Одним из наиболее разительных примеров этого «воздействия» может служить грандиозная «культуртрегерская работа» Америки. О размерах ее вы можете судить хотя бы по следующим цифрам и фактам.

В Китае функционирует более четырех тысяч американских школ, четырнадцать колледжей и четыре университета.

Американские духовные миссии и образовательные учреждения имеются в каждой китайской провинции; вычислено, что частные пожертвования, посылаемые на это дело из Америки, выражаются в среднем в один миллион долларов в месяц.

По словам китайского посланника в Вашингтоне Альфреда Ши, земли и постройки, занимаемые религиозными и воспитательными учреждениями американских миссионеров, представляют собою капитал, почти вдвое превыщающий общую сумму, вложенную американскими business men в различные индустриальные предприятия в Китае.

Наконец, английский язык — одно из главных орудий проведения американской культуры — преподается не только в высших и средних, но даже в низших учебных заведениях Китая, не говоря уже о миссионерских школах. В прошлом году редактор одной английской газеты, издающейся в Ханькоу, писал, что если он не доживет, то «молодые читатели, возможно, доживут до того времени, когда единственным языком Китая станет английский язык». Заявление, конечно, наивное, основанное на полном незнании культурной жизни страны, но все же характерное, как показатель изумительного прогресса, сделанного английским языком в Китае. Если читатель хорошенько вдумается в вышеприведенные цифры и факты, а также примет во внимание деятельность английских и католических миссионеров, в чьих школах тоже насчитываются сотни тысяч учащихся, он, вероятно, вынужден будет согласиться с тем, каким важным фактором в духовной эволюции Китая является эта колоссальная «культуртрегерская» работа пионеров евр.-американского империализма. То, что дело идет об империализме, а не только о «спасении душ», лучшим доказательством этого может служить всем известный здесь факт, а именно: не

только американский или английский, но и французский посланник не может удержаться на своем посту, если возбудит против себя недовольство миссионеров.

Бертран Руссель, которого никто не может заподозрить в экстремизме, в «The Problem of China», говоря о деятельности американских миссионеров, писал: «Они являются не миссионерами христианства, хотя часто им кажется, что они его проповедуют, а американизма... Если американское влияние возьмет верх, нет сомнения, благодаря гигиене оно спасет жизнь многих китайцев, делая их в то же время не стоящими спасения». Вообще, работа иностранных воспитателей, «кажется, исключительно преследует, хотя часто и бессознательно, цель создать послушные орудия капиталистического проникновения в Китай купцов и заводчиков соответствующей страны».

Если Рокфеллеры и Морганы вкладывают весьма значительные капиталы во всякого рода религиозные, педагогические и благотворительные предприятия в Китае, то дивиденды с них они рассчитывают получить еще в сем мире. Вот, между прочим, любопытный документ, тем более ценный, что исходит он от могущественной американской организации: «Положение в Китайской республике, — телеграфировала американская коммерческая палата в Шанхае президенту Гардингу во вермя его путешествия на Аляску, — чрезвычайно серьезно и требует к себе самого внимательного отношения как с вашей стороны, так и со стороны других американских лидеров, иначе четыреста миллионов китайского народа будут вынуждены отказаться от мечты о демократии, построенной по американскому образцу, и принять руководство тех, кто враждебно относится к нашим идеалам мира и человеческого благополучия. В потенции, американские интересы в Китае — величайшие во всем мире и заслуживают исключительного внимания, если мы желаем хранить их для настоящего и будущих поколений».

Итак, сделать английский, вернее, «американский язык» чуть не единственным языком Китая, забрать в свои руки идейное руководство 400-милл. народом, всемерно противодействовать тем, кто враждебно относится к «американским идеалам», чтобы в результате американские коммерческие интересы в Китае превратились в «величайшие во всем мире» — такова программа и цель сложного американского аппарата, работающего над «просвещением и воспитанием язычников-китайцев».

Посмотрим теперь, как реагирует сам Китай на этот поход американской культуры.

Китай уже давно вступил в эпоху переоценки всех ценностей. Он, который на протяжении тысячелетий считал себя носителем всей человеческой культуры, родиной всех величайших поэтов, музыкантов, философов и государственных деятелей, установивших во всех областях человеческой жизни и деятельности такие же незыблемые законы, как законы природы, вынужден был, наконец, отказаться от своей мудрости, отбросить свою гордость и смиренно сесть на школьную скамью европ.-американской культуры, чтобы жадно, без разбора, глотать все, что ему ни преподносят.

Кропоткин, Маркс, Гексли, «Дама с камелиями» и «Общественный договор»; Эйнштейн, Бергсон, Дарвин; проф. Dewey и Мопассан; Бернар Шоу и Гомер; Толстой и Арцыбашев; Ницше и Смайльс; Бертран Руссель и Конан-Дойль; Спенсер, Лабиш, Шопенгауэр, Александр Дюма, Чехов и великое множество других авторов и произведений, зачастую совершенно случайно переведенных, — все читается и изучается с одинаковым благоговением.

Как когда-то, много столетий тому назад, шли китайские пилигримы в страну Сакья-Муни, чтобы на самой родине великого учителя получить истинное знание, так и теперь, но уже более широким непрерывным потоком, стремится китайская молодежь на далекий Запад, растекается по университетам Америки, Англии, Германии, Бельгии, Франции, чтобы «овладеть наукой».

Наступает война и превращает сотни тысяч китайских кули, навербованных Европой, в гордых пролетариев, развертывается великая эпопея титанической борьбы рабоче-крестьянской России, проносится над всей страной, как освежающая буря, национальное движение 1919 года, и вот из столпотворения новых идей, чувств и настроений, разом нахлынувших со всех сторон, из великого творческого хаоса начинает все яснее и рельефнее проступать тройной лик Китая: сильно потускневший лик старого Китая, его друго-враг—американизированный Китай и юный гордый лик передового Китая, так разительно напоминающий лик революционной России.

Правит все еще старый китаец-мандарин, правда, под другим именем, но уже иностранную политику поручено вести бывшему американскому студенту, на него же и его коллег, бывших студентов европейских и японских университетов, возложена вся ответственная работа министерств и главных «ямын'ей». Ибо аме-

риканизированный Китай не только говорит по-английски, строит заводы и фабрики, участвует в банковских операциях, заботится о гигиене, танцует one step и fox trot в иностранных отелях; расхаживает под барабанный бой с Армией Спасения, гордится безукоризненным покроем своего смокинга — он еще более, чем великая армия безработных literati, «ученых», служит опорой тому своеобразному полуфеодальному строю китайской республики, который он жестоко критикует, но с которым постоянно входит в компромисс.

Было бы, однако, несправедливо сваливать в одну кучу всех бывших студентов заграничных университетов. Немало из них самоотверженно и бескорыстно работают в деле истинного просвещения, участвуют в общественном движении, являются деятельными работниками Национальной и Коммунистической партии. Как раз одному из наиболее блестящих американских питомцев, ученику философа Dewey — мы говорим о знаменитом профессоре Ху-Ши-чи — принадлежит инициатива борьбы против господства мертвого языка, являвшегося такой колоссальной преградой в деле возрождения Китая. Эта борьба, в которой наряду с Ху-Ши-чи и Цьен Сюан-тон'ом принял видное участие вождь китайской комм. партии Чэн Ту-сиу, привела к тому, что живой разговорный язык, так называемый Куо-ю (нац. язык), уже сделался литературным языком всего передового Китая и, наконец, лег в основу народного образования. Помимо чисто национального значения эта величайшая культурная победа важна в том отношении, что окончательно ломает ту «великую китайскую стену» классического языка, перебираться через которую до сих пор отваживалась лишь горсточка синологов, и открывает широкий доступ всем тем, кто интересуется Китаем, ибо овладеть живым литературным китайским языком не более трудно, чем, скажем, немецким или французским. Таким образом мечты англо-саксонцев о вытеснении китайского языка английским разлетаются в прах: не китайский народ забудет свой национальный язык, а народы Европы и Америки скоро будут вынуждены, принимая во внимание с каждым годом растущее мировое значение Китая, ввести у себя широкое преподавание современного китайского языка.

Говоря о росте мирового значения Китая, мы имеем в виду не только его роль в современном мировом хозяйстве, но также и то почтенное место, которое в недалеком будущем займет он во всех

областях культурной жизни. Одним из самых значительных вкладов Нового Китая в сокровищницу человеческих знаний будет уже то, что его все увеличивающаяся армия молодых исследователей прольет, наконец, научный свет на многотысячелетнюю историю одного из величайших очагов человеческой цивилизации, выведет, наконец, синологию из младенческого состояния, в котором она пребывает и по сие время.

Недавнее еще слепое увлечение всем западным проходит, и как одна из наиболее крайних реакций против него является то течение, которое мы назвали бы китаефильством, ибо многими чертами разительно напоминает наше славянофильство. Как и последнее, оно по существу своему является течением далеко не революционным, хотя и насчитывает в своих рядах таких людей, как Лиан Тси-чао, бывший на протяжении десятилетий «властителем дум» современного Китая, как блестящий публицист Чан Син-ен, как Леан Шу-мин, автор столь нашумевшего труда: «Культура Востока и культура Запада», и много других, вплоть до Цьян Кан-ху, одного из «первых китайских социалистов западного образца». Во всяком случае, несмотря на свою реакционность, даже «китаефильство» подчеркивает тот факт, что в самом Китае растут и крепнут силы, которые смогут дать и уже дают отпор стремительному натиску американской духовной культуры.

Первый серьезный удар пылким надеждам американских миссионеров завербовать молодое поколение был нанесен еще два года тому назад, когда на созыв интернационального конгресса христианских студентов в Пекине молодой Китай ответил широким антирелигиозным движением, целым потоком пропагандистской литературы, в которой зеленая молодежь храбро вставала «на защиту науки против предрассудков». О всем значении этого движения можно судить уже по силе бешенства американской печати, и здесь, само собой разумеется, усмотревшей всесильную руку Москвы. Наконец, только что утихший спор о «науке и миросозерцании», не сходивший в течение шести месяцев со столбцов китайской печати, спор, за которым со страстным вниманием следило все образованное общество, закончился «полным разгромом метафизики». Это был первый публичный экзамен научных и философских сил передового Китая, и нужно отметить тот громадный успех, который выпал на долю блестящих статей Чэн Ту-сиу, выступившего на защиту экономического материализма против эклектизма Ху Ши-чи.

Посмотрим теперь, как обстоит дело с «мечтою четырехсотмиллионного народа о демократии, построенной по американскому образцу».

Повидимому, опасения, высказываемые американской коммерческой палатой, о возможности принятия китайским народом

Сун Ят-сен.

«руководства тех, кто враждебно относится к нашим (американским) идеалам мира и человеческого благополучия», были не совсем лишены оснований. Чтобы не навлечь упрека в суб'ективизме, мы позволим себе привести по этому вопросу мнение такого почтенного человека, как H. T. Hodgkin, M. A. M. B. секретаря Нац.-

Христианского Совета: «Поражаешься, — говорит он, — как широко большевистские идеи распространены среди китайской молодежи... Не указан ли Россией тот путь, по которому может следовать Китай? — Вот вопрос, который ставился всеми мыслящими людьми в Китае перед моим от'ездом в конце 1920 г. По возвращении я заметил некоторую перемену... Наиболее вдумчивые лидеры, кажется, отходят от большевистских идей, боясь насилия и крайностей для такого народа, как китайский, хотя коммунизм все еще имеет над ними сильное обаяние. Капитализм повсеместно критикуется китайскими демократами, а ведь мир еще не видел другого опыта (кроме русского) организации современной индустрии. Это придает России известный престиж, окружает ее ореолом, который затрудняет правильное суждение. Я лично думаю, что поскольку дело идет о методе, здравый смысл Китая будет отталкивать его от русского образца, но что китайские мыслители будут постоянно руководствоваться русскими удачами и неудачами, будут во многих отношениях подходить к проблеме разительно сходно с Россией».

В тот момент, когда Китайская Национальная партия реорганизуется «по русскому образцу» и когда Сун Ят-сен, крупнейшая фигура в китайском политическом мире, последние месяцы не уставая, доказывает, что единственным спасением Китая является следование русским методам борьбы — было бы излишним подчеркивать всю несостоятельность утверждений почтенного миссионера относительно того, что диктует китайцам их здравый смысл. Впрочем, подобные утверждения для секретаря Национального Христианского Союза — вещь неизбежная, иначе он не мог бы оставаться секретарем, и не в них, конечно, дело, а в том, что человек, принадлежащий к противоположному нам лагерю, вынужден признать, как высоко стоит авторитет Совроссии и какую значительную роль играет в жизни передового Китая ее героический пример. Но следует ли отсюда, как из всего вышесказанного, что уже можно кричать ура и торжествовать победу? Конечно нет. Борьба только развертывается, и исход ее, по крайней мере, для ближайшего будущего, еще гадателен. Было бы грубейшей ошибкой не дооценивать мощи наших противников, с каждым годом все увеличивающих сеть своих школ и привлекающих все более и более значительные массы китайской молодежи в свои университеты. Но, что мы можем сделать, чтобы ослабить силу этого культуртрегерского натиска буржуазного

мира на вышедший из старой колеи, жадно ищущий новых путей китайский народ?

Очень многое, если только решительно станем на путь культурного сближения двух народов. Не входя здесь в детальное изложение всех возможных форм подобного сближения, укажем лишь на те вопиющие пробелы, которые нами в этом отношении допущены.

На протяжении десяти тысяч верст мы граничим с великой древней страной, целым отдельным миром, который можно поставить в параллель лишь с миром древнего Рима, граничим с одной из главных ветвей человеческой цивилизации, давшей гуманитарную философию, дивную живопись, великую поэзию и включившей в свою богатейшую историю — историю чуть не трех четвертей Азии. Но что знает об этом богатстве наше молодое поколение, наша будущая Россия? Столько же, как если бы Китай был не нашим соседом, а находился на другой планете.

Кому из учеников нашей средней школы не известны имена философов древней Греции и даже схоластов средневековья, но имена Лао-дзы, Конфуция, Мэнция, Ян-чжу, Хан Фей-дзы, как и Чу-Си и Ван Ян-мин'а, ничего или почти ничего не говорят даже студенту наших высших учебных заведений. Не суметь рассказать о Мазарини или Ришелье рассматривается как признак необразованности, но не знать Цин Ши-Хуан-ти, Ван-Ман'а или великого реформиста Вань Ань-ши считается вполне естественным. Знаем об Аттиле и его коне, но ровно ничего о той упорной, беспощадной борьбе, которую на протяжении многих и многих столетий выдерживал наш сосед, Китай с теми же гуннами. Заставляем молодежь зубрить десятки страниц о монгольском иге и не останавливаемся на том, что под тем же игом пребывал и Китай. Кто из русских детей не учил о Колумбе, но много ли взрослых слышали о Марко Поло? В наших учебниках «всеобщей истории» можно найти сведения о незначительных немецких княжествах и ничего о народе Юе-чи, сыгравшем такую важную роль в ознакомлении между собою трех великих культур эллинской, индийской и китайской. Подобными и еще более любопытными сопоставлениями можно было бы заполнить десятки страниц, и, конечно, никому это так хорошо не известно, как нашему ученому миру, на плечах которого лежит ответственность поддерживать и развивать просвещение в стране. И вот, спрашивается, считают ли наши университеты, наша академия, и в частности

наши ученые востоковеды, нормальным оставлять молодое поколение при старых учебниках «всеобщей истории», иначе говоря — в полном невежестве всего, что касается $^9/_{10}$ Азии, и не является ли их долгом перед Сов. Россией хотя на время оторваться от своей узкой специальности, чтобы как-нибудь общими усилиями дать, если не оригинальный, то хотя бы компилятивный учебник по истории азиатской культуры?

На протяжении десяти тысяч верст мы являемся соседями страны, роль которой в мировом хозяйстве растет с поразительной быстротой, соседями четырехсотмиллионного народа, ближайшая эволюция которого определит в значительной степени судьбы всей Азии. Никакая другая страна не следит с такой симпатией, как Сов. Россия, за тяжелой борьбой этого возрождающегося к новой жизни гиганта с мировым империализмом, видящим в его эксплоатации один из якорей спасения, и, однако, кажется, ни в какой другой стране язык этого великого народа так не игнорируется, как у нас. Конечно, значительная доля вины в этом лежит на русских синологах, почти ничего не сделавших, чтобы ознакомить русское общество с великим культурным завоеванием последних лет, каким является победа живого литературного китайского языка над мертвым классическим, и все еще продолжающих твердить, подобно старому китайскому бакалавру, что это язык «простой, пресный; язык, лишенный литературной насыщенности и литературно-традиционной образности», твердить, не понимая, что говорить так о языке, давшем такие бессмертные творения, как Хон Лоу-мон и Жу Лин-Вай-ши, все равно, что говорить о «вульгарном языке» Данте, Петрарки и Боккачио или о «подлом штиле» Пушкина.

Этот язык не «простой, пресный», а прекрасный, гибкий, несравненно более совершенный, чем мертвый классический, в ближайшем же будущем благодаря народной школе станет, действительно, национальным языком всего Китая. Изучение его представляет, как мы уже говорили выше, не больше трудностей, чем любого из европейских языков, и таким образом одно из главных возражений против широкой постановки его преподавания отпадает. Если мы действительно отдаем себе отчет в необходимости более тесного и скорейшего сближения с Китаем и остальной Азией, то ограничиваться восточными факультетами не приходится. Необходимо кардинально изменить программу нашей средней и высшей школы в смысле уделения должного внимания исто-

рии культуры, экономике и языкам азиатских народов и, конечно, прежде всего — китайского.

Введение изучения современного китайского языка, хотя бы в ограниченном числе наших средних и высших учебных заведений, в качестве необязательного предмета, имело бы еще то значение, что непосредственно повлияло бы на судьбу русского языка в Китае. В связи с отказом Сов. России от так называемых «боксерских вознаграждений» (700 — 800 тыс. мексик. дол. в мес.), для поддержания и развития народного образования в Китае, — вопрос о введении преподавания русского языка в программу китайской средней школы выдвигается на очередь дня. Вопрос колоссальной важности, ибо от того или иного решения его зависит, в какой степени Сов. России удастся отвести в свое русло тот громадный поток китайской молодежи, который непрерывно вливается в европ.-американские университеты. Разрешить же его вполне удовлетворительно можно будет лишь тогда, когда мы на деле докажем, что и в культурной области Сов. Россия вырвала с корнем все предрассудки капиталистического мира, в том числе и самый живучий — мы говорим о европейском шовинизме.

II

ОТКЛИК НА СМЕРТЬ ЛЕНИНА.

Накануне русско-китайского соглашения.

История не того или иного народа, того или иного материка, но история, действительно, всемирная, предопределенная сложным процессом образования мирового хозяйства, вовлекшего в единый могучий исторический поток все население земного шара, становится очевидным, реально-осязаемым фактом лишь в самые последние годы. Едва ли также можно сомневаться, что именно Великая Русская Революция должна рассматриваться как отправной пункт нового исторического этапа, основным кардинальным фактом которого является уже не борьба племен, народов и рас и даже не столько борьба сословий и классов в узких рамках наций, сколько интернациональная классовая борьба, все стремительнее группирующая человечество в две непримиримо-враждебные армии.

Этот решительный поворот в судьбах человечества никогда еще не проявлялся с такой необычайной рельефностью, как в тот день, когда траур рабоче-крестьянской России нашел глубокий сердечный отклик среди всех народов мира, стал трауром всего сознательного пролетариата и крестьянства. Мы говорим о смерти В. И. Ленина.

Какое впечатление произвела эта трагическая весть здесь, в Китае? Уже одни размеры страны, значительно превышающей и по народонаселению и по пространству всю Зап. Европу, как и специфические особенности ее социально-экономической структуры, делают точный и исчерпывающий ответ на этот вопрос задачей далеко не легкой. Если даже в Европе с ее резким классовым делением и ярко-очерченными партийными группировками

ежедневная печать далеко не всегда точно отражает чувства и настроения страны, то что и говорить о китайской прессе, о всех этих бесчисленных газетах и листках с весьма ограниченным тиражем, обслуживающих интересы мелких групп политиканов, весьма мало, или совсем не связанных с широкими общественными слоями. Что касается пекинских газет, большинство из которых является официозами многочисленных клик чжилийской партии, а то и отдельных персонажей, то с ними дело обстоит еще хуже. Передовиц или вообще статей, посвященных политическим событиям, они за весьма редким исключением не помещают. И на этот раз кроме Чэн-Бао, наиболее крупной столичной газеты, стремящейся удовлетворять запросам китайского студенчества и передовой интеллигенции, номер которой от 24 января был почти исключительно посвящен Ленину, все другие китайские газеты вышли по своему обыкновению без передовиц, но уже по тому месту, которое было уделено ими московским телеграммам, и по тем заголовкам, которыми они сопровождались, можно было безошибочно судить о том значении, которое придается даже ими смерти великого вождя пролетариата.

«Многие газеты, — с грустью констатировал на другой день пекинский корреспондент одной английской газеты, — повидимому, считают смерть Ленина более важным событием, чем даже образование рабочего правительства в Англии». Правильно оценить все значение этого заявления можно, только припомнив, какую роль на протяжении многих десятков лет играла Великобритания в жизни Китая, и какие надежды должна была, естественно, возбуждать здесь победа английской рабочей партии.

Тот отклик, который нашла весть о смерти Ленина на страницах китайских газет, есть все же лишь слабое эхо чувств и настроений Китая вообще, а тем более передового Китая. Чтобы убедиться в этом, надо было присутствовать в актовом зале Пекинского Университета на митинге студенческой федерации, послушать горячие речи многочисленных ораторов, как студентов, так и профессоров, или перенестись на конгресс Национальной Партии в Кантон, куда с'ехались делегаты со всех концов великой страны. И лишь тогда, когда мы будем располагать хотя бы частью громадной непериодической печати, издающейся кружками молодежи в сотнях больших и малых городов, можно будет дать более или менее верную картину того, как откликнулся Молодой Китай, представляющий собою чаяния и упования четверти

населения земного шара, на весть о незаменимой утрате, понесенной человечеством. Но уже и теперь на основании того, что пришлось наблюдать в Пекине, как и на основании сведений, поступающих из других центров, можно судить о том, как высоко стоит авторитет Сов. России и ее вождя в глазах китайской общественности.

Эта инстинктивная тяга к России, с каждым днем становящаяся, несмотря на колоссальную искусно организованную анти-советскую пропаганду, все более и более сознательной, является одной из самых больных заноз для всех империалистов, особенно же для американцев. Неудивительно, что американские газеты, выходящие на китайском языке, уделили так мало места смерти Ленина.

Если другие державы в своей захватнической политике опирались почти исключительно на грубую силу, Америка, стремясь к экономическому и политическому господству над Китаем, всегда рядилась в тогу бескорыстного друга. Знаменитая «Open door policy», выдвинутая в противовес политике «сфер влияния», отказ от «боксерских вознаграждений», и, наконец, столь использованный Вашингтоном «Шандунский вопрос», как и громадные средства, расходуемые Соединенными Штатами на «культуртрегерскую» работу внутри Китая, — все это давало громадному штату американских агентов возможность развить колоссальную пропаганду. И одно время казалось, что полная экономическая и духовная американизация Китая есть вопрос ближайшего будущего. Целая армия американских миссионеров, разбросанных по всем провинциям Китая, громадная сеть американских школ, воспитывающих сотни тысяч китайской молодежи, тысячи китайских студентов, получающих «окончательную шлифовку» в высших учебных заведениях самой Америки, не говоря уже о могучих экономических организациях, о блестяще поставленной американской прессе, о всякого рода американских клубах и обществах, вплоть до американских мод, американских танцев, американского кинематографа и американской «Yong men's christian association», как и множество других винтов и винтиков колоссальной машины, работающей над «воспитанием Китая», представляли такую мощную силу, что ни о какой серьезной конкуренции «американской культуре» казалось, не могло быть и речи.

В 1919 году, в самый разгар великого национального движения, «один из самых блестящих китайских журналистов», питомец американских университетов, всерьез доказывал в целом ряде ста-

тей, что чуть ли не единственным средством спасения Китая является избрание Вильсона в президенты Китайской Республики.

Америка была так уверена в прочности своей позиции, в том, что именно ей предназначено «владеть и править» умами и сердцами сотен миллионов китайского народа, что ни на минуту не задумывалась над возможностью встретить серьезного противника в лице Сов. России. Еще совсем недавно поглощенная своим соперничеством с Японией, она рассматривала нас, как своих естественных союзников на Дальнем Востоке, чем постоянно навлекала на себя упреки «в большевистских симпатиях». Между прочим, многие указывали тогда, что если пекинское правительство решилось, вопреки энергичному давлению со стороны дипломатического корпуса, допустить в Пекин миссию ДВР, возглавляемую Юриным, — то только потому, что опиралось на поддержку американского посланника. Если принять во внимание доминирующую роль, которую в течение последних лет играет Америка в иностранной политике Пекина, то вышеприведенное утверждение нужно признать более чем правоподобным. Однако, уже к приезду первой Советской Миссии, Миссии Пайкеса, дело совершенно меняется. Даже японские газеты перестают кричать об «американском флирте с большевиками», т. к. Америка с назначением в Пекин знаменитого д-ра Шурмана, быстро превращается в злейшего врага России и на Дальнем Востоке. Вся грандиозная машина американской пропаганды, ранее направленная против Японии, пускается теперь в ход, чтобы дискредитировать Советскую власть и ее представителей. И если уже при Иоффе антисоветская кампания, руководимая американским посланником, лично выступившим с рефератами против России, достигает весьма значительных размеров, то с приездом Карахана — она превращается в какую-то бешеную травлю.

В настоящее время, когда в Американском Сенате Юз мечет громы и молнии против «большевистской пропаганды», было бы весьма уместно указать членам сенаторской комиссии на всю виртуозность «американской пропаганды», инспирируемой ставленником того же самого Юза — посланником Шурманом.

Почитайте, что ежедневно сообщается американскими агентствами, пишется американскими журналистами, и вы увидите, что нет более империалистической страны, чем Сов. Россия, нет у Китая более злейшего врага, чем Сов. Правительство, как нет на свете более зловредного Маккиавели, чем Карахан, специально

якобы приехавший в Китай, чтобы аннулировать те «знаменитые ноты, которыми он свел китайцев с ума». Но, подобно чересчур большой дозе яда, эта чересчур усердная не по разуму пропаганда не дает желаемого эффекта: слишком нетрудно разгадать, в чем тут дело, чем так насолили американцам Сов. представитель. Самый приезд его, превратившийся в сплошной триумф Сов. России, какого никогда не знала Америка, явился смертельной обидой «лучшему другу Китая». Эта обида еще более усилилась, когда кит. пресса оказалась на стороне того же ненавистного Сов. представителя, давшего публичную отповедь бывшему секретарю У. М. С. А., а в настоящее время представителю русско-китайской комиссии, счевшему необходимым поставить дружественные отношения (только что подписавшей тогда Линченскую ноту) Америки к Китаю в пример России. Но, что уже окончательно привело в раж и в то же время озадачило «истинных друзей неблагодарного Китая», это то, что ни «оккупация Монголии», когда-то так легко используемая ими в целях возбуждения против России общественного мнения, ни твердая позиция, занятая русским представителем относительно КВЖД, ни даже резко им впервые поставленный перед Кит. Правительством вопрос о предварительном признании Сов. России, — ничто не в состоянии было, несмотря на все их усилия, возбудить недоверие в широких общественных кругах, которые все решительнее и решительнее требуют открытия русско-китайских переговоров и признания СССР «Sans marchandage». И вот после долгих усилий американцам приходится констатировать всю тщетность попыток привлечь к своей анти-советской кампании хотя бы незначительную часть китайской прессы.

Не лучше удается и самим китайским дипломатам, находящимся более чем когда-либо на поводу у американской миссии, создать по целому ряду вопросов, связанных с русско-китайскими взаимоотношениями, хотя бы видимость поддержки со стороны китайского общественного мнения.

Когда в ответ на обращение высших учебных заведений Пекина Советский Представитель выразил желание России, чтобы свободные суммы русской части «боксерских вознаграждений» были употреблены не на содержание Пекинских заграничных миссий, а на народное образование, то все усилия «Вай-тяопу» (Мининдел) представить это как вмешательство во внутренние дела Китая, никакого успеха не имели, лучшим доказательством чего является заем, правда сравнительно незначительный, только

что заключенный под вышеуказанные суммы Пекинским Национальным Университетом.

Далее, когда С. Т. Ван перед поездкой в Токио попытался застращать Сов. Делегацию перспективой соглашения между Китаем и Японией, то ничего кроме конфуза из сего не получилось: общественное мнение оказалось совершенно не на его стороне, вследствие чего ему пришлось потом в целом ряде интервью уверять, что никаких переговоров с Японией, касающихся России, он и не думал вести, ибо, «кому же неизвестно, что русско-китайские взаимоотношения должны быть урегулированы исключительно между Китаем и Россией без всякого постороннего участия».

Наконец, по тому, с какой неохотой тот же С. Т. Ван согласился на опубликование своей переписки с представителем России, можно судить, как мало пекинские дипломаты чувствуют за собой поддержку в стране.

Будь в Пекине правительство независимое, прислушивающееся к голосу народа, а не к велениям дипломатического корпуса, не могло бы быть и тени сомнения, что Китай признал бы нас одним из первых; но так как Советской Делегации приходится иметь дело с правительством весьма и весьма зависимым, хотя бы уже потому, что главные статьи его бюджета, излишки таможенных сборов и соляной монополии контролируются великим идержавами, каждая из которых своим «veto» может в любой момент поставить его в затруднительное положение, то не будет ничего удивительного даже в том, если Пекин признает нас после всех других держав, ибо по существу это признание будет означать поражение в Китае всего блока, противостоящего Советской России [1]).

В настоящее время душой этого блока является правительство Юза, представителю которого в Китае Цао Кунь обязан, как успехом своей «президентской кампании», так и тем, что избрание его было немедленно признано великими державами. Вполне понятно, что доктор Шурман сейчас «первое лицо» в Пекине, и он же — самый ярый противник признания Китаем Советского Правительства. В этом отношении с ним вполне солидарны его французский и японский коллеги: французский потому, что и на Дальнем Востоке русская политика Пункарэ сводится к тому, чтобы «допечь большевиков» во что бы то ни стало; японский — ибо империалистическая Япония, очутившись в результате сентябрьской ката-

[1]) Статья написана до признания СССР Китаем (Ред.).

строфы в чрезвычайно критическом положении, боится интернациональных осложнений, и, не смея сама признать нас вопреки Америке, естественно, желает помешать всякому независимому шагу Китая, который еще резче обнаружит тот факт, что она уже больше не гегемон Восточной Азии.

Признание СССР Англией и Италией взрывает изнутри тот единый враждебный нам блок, каким до сих пор являлся пекинский дипломатический корпус, сталкивая Сов. Россию, поддерживаемую китайской общественностью, с Америкой Юза. Исход этого столкновения уже предопределен, и все сводится лишь к тому, как долго давление все более и более распадающегося империалистического блока на пекинское правительство будет в состоянии перевешивать с каждым днем все более усиливающееся давление китайского общественного мнения. Таким образом, как и в других странах, так и здесь, в Китае, русский вопрос превращается в один из наиболее острых вопросов внутренней политики, и признание нас пекинским правительством будет столь же означать победу передового Китая над Китаем реакционным, как и одну из первых блестящих побед Социалистической Советской России над цитаделью мирового капитализма — Америкой Юза.

Пекинской федерацией студентов вместе с другими общественными организациями решено воздвигнуть памятник В. И. Ленину в Центральном Парке, т.-е. именно там, где официальный Китай уже поставил памятник Гардингу.

Это — не простое совпадение, это — глубочайший символ.

В самом сердце Азии, переживающей одну из грандиознейших революций, лицом к лицу сталкиваются два мира, две культуры: культура буржуазная, достигшая своего зенита, уже становящаяся прошлым, и молодая социалистическая культура будущего, только что расправляющая свои могучие крылья. Здесь, в необ'ятной стране, которая на протяжении целого ряда столетий являлась для Азии тем, чем для Европы были Греция и Рим, здесь в борьбе двух непримиримых миров за преобладание над необозримым человеческим океаном, решаются судьбы нашей планеты. Вступаем ли мы в царство социализма, или переходим в новую высшую фазу капитализма — ответ на этот роковой вопрос будет дан Азией, и прежде всего Китаем, его эволюцией в ближайшее же десятилетие.

III.

НАЗРЕВАЮЩИЙ КОНФЛИКТ.

Русско-китайское соглашение и империалистические державы.

Всякий, кто внимательно следит за событиями, развертывающимися на Дальнем Востоке, согласится, что в ближайшее же время Китаю суждено стать центром внимания международной дипломатии, при чем даже помимо нашего желания, как и независимо от отношения к нам китайских правящих кругов, китайской проблеме суждено самым тесным образом переплестись с вопросом о взаимо-отношениях капиталистических стран с Советской Россией.

Можно предвидеть, что недалеко уже то время, когда конкретные вопросы нашей политики в Азии и прежде всего в Китае придется обсудить самым тщательным образом, ибо здесь, вероятно, стремительнее, чем где-либо назревает острый конфликт Советской России со всем империалистическим миром.

Чтобы отдать себе ясный отчет во всей остроте надвигающегося конфликта, нужно не упускать из виду современного, а тем более потенциального значения Китая в экономике главных империалистических стран. Потеря такой колоссальной полуколонии была бы для всех них почти таким же ударом, как потеря Индии для Великобритании, не говоря уже о том, что освобождение Китая оказало бы решающее влияние на национальное движение не только Кореи и Формозы, но и Филиппин, Голландской Индии, Индо-Китая, Малакки, Бирмы, как и самой Британской Индии, т.-е. главных колоний Японии, Америки, Голландии, Франции и Великобритании.

Являясь центральным фокусом мирового империализма, Китай, в то же самое время представляет собою его самое уязвимое место. Уже к началу европейской войны крепкие путы договоров, связывающие Китай, настолько износились, что самим же великим державам и прежде всего Америке пришлось констатировать, что удержать в них столь быстро развивающегося гиганта представляется делом невозможным. Великое национальное движение 1919 г. показало это особенно рельефно, заставив прозреть даже наиболее ослепленных. Вашингтонская конференция и явилась в известной степени результатом такого прозрения. Решено было открыть предохранительные клапаны, ослабить чересчур тугие путы, а главное наобещать, что с течением времени, — если только Китай будет вести себя благонравно, — великие державы добровольно, по собственному почину, об'явят его совершеннолетним и освободят от «столь необходимой в настоящее время опеки».

Нужно ли говорить, что не только обещания, но и торжественно принятые в Вашингтоне решения по вопросам, касающимся экстерриториальности и повышения китайских таможенных пошлин, остаются до сих пор неисполненными. Более того, не далее как в прошлом году Великобританией Керзона была сделана в связи с Линченским инцидентом попытка поставить под свой контроль главные железнодорожные линии Китая. Таким образом, никакого ослабления пут не наблюдается, и каждое выступление разговорчивого американского посланника Шурмана, или более молчаливого представителя Макдональда, — посланника Мак Лея, как и коллективные ноты и меморандумы всего дипломатического корпуса, неизбежно заканчиваются самыми энергичными напоминаниями о «святости и неприкосновенности» старых договоров. А между тем, эти договоры все более и более трещат по всем швам, и момент насильственного разрыва их Китаем приближается с математической точностью. Самим об'ективным ходом вещей Советской России приходится в подготовлении такого разрыва играть решающую роль. Но прежде, чем коснуться этого вопроса, необходимо остановиться на наиболее примечательных чертах складывающейся в Китае кон'юнктуры.

Стремительное вовлечение Китая в сферу мирового хозяйства, колоссальное развитие его внешней торговли, рост потребностей и необычайное вздорожание жизни, не говоря уже о перенаселенности и стихийных бедствиях, потрясают до основания весь хозяйственный и социальный уклад и выбрасывают такую громадную

армию безработных, поглотить которую молодая развивающаяся китайская индустрия не в состоянии даже в том случае, если бы темп ее развития значительно ускорился. Не в состоянии поглотить этот избыток не находящих себе приложения рабочих рук, и все растущая китайская армия. Широкая волна разбоев, как хроническое явление, есть, особенно при данных политических условиях, лишь неизбежный результат бурного социально-экономического кризиса, переживаемого страной. Конечно, от этих разбоев страдает прежде и больше всего китайское население, но страдают и иностранцы; — список убитых, ограбленных, уведенных в полон в целях получения выкупа граждан великих держав с каждым днем все удлиняется. Само собой разумеется, — это порождает все более и более острые дипломатические инциденты, зачастую разрешению не поддающиеся и лишь сгущающие и без того насыщенную электричеством атмосферу.

Следующим примечательным фактом является необычайный рост китайской армии, рост не только количественный, но и качественный, отмечаемый всеми специалистами. До сих пор о китайской армии принято было говорить лишь с иронией; настает время, когда она начинает вызывать опасения. Многие империалистические органы уже бьют тревогу, указывая на все безрассудство иностранцев, снабжающих Китай всевозможным оружием, вплоть до танков и военных аэропланов. Точно определить количество оружия, импортированного в Китай, не представляется возможным; во всяком случае оно должно быть весьма внушительно, если принять во внимание, что значительная часть колоссальных военных припасов, освободившихся с окончанием европейской войны, была распродана в Китае. Это «насыщение» страны оружием не только не прекращается, но, наоборот, с каждым днем лишь все усиливается, и несмотря на известное соглашение держав, американцы, англичане, французы, итальянцы, японцы, вплоть до немцев и чехословаков, продолжают торговать наперебой, так что трудно сказать, кто из них побивает рекорд. Не приходится, конечно, доказывать, что при известных обстоятельствах эта насыщенность страны оружием как и громадный контингент лиц, умеющих владеть им, может сыграть значительную роль в деле борьбы Китая за свое национальное освобождение.

Третьим симптоматическим явлением может служить стремительное падение иностранного авторитета. С каждым днем китайцы становятся все более и более ingouvernables. Беспрерывными жало-

бами на это переполнена вся империалистическая печать. Случаи захвата иностранных подданных разбойничьими шайками не сходят, как мы уже сказали, со страниц местной прессы, ибо «прошли уже те времена, отмечает с великим прискорбием один генеральный консул — когда китайский разбойник на каждого иностранца смотрел, как на гостя, правда незванного, а иногда и нежелательного, но все же гостя, на жизнь и имущество которого посягать не полагается». Не менее показательным является и широко развитая практика бойкота иностранных товаров. Не только японцы, но и французы, и англичане, и даже американцы живут под страхом того, что в любой момент «по самому незначительному поводу» они могут стать об'ектом самого основательного бойкота, руководимого студенческими и коммерческими организациями. Наконец, самовольное взимание пошлин с предметов иностранной торговли, все чаще и чаще повторяющиеся случаи конфискации сборов «соляной монополии,» «бесцеремонное распоряжение» доходами железнодорожных линий, в которых заинтересованы иностранные акционеры, — все эти акты нарушения «священных договоров» провинциальными властями красноречиво говорят о том, что «дух неповиновения» проник уже и в китайские правящие сферы. Совсем недавно генерал-инспектор Цзянсу, Аньхойя и Цзянси, по мотивам, входить в рассмотрение которых здесь нет надобности, запретил французскому авиатору Пеллетье д'Уази, совершавшему перелет Париж-Токио, спуститься в Нанкине, пригрозив в случае неповиновения конфисковать аэроплан... Когда отныне знаменитый китайский солдат Ли И-юань, мстя за палочные удары, которым ему пришлось подвергнуться за «самовольную прогулку» по городской стене, примыкающей к дипломатическому кварталу, решил прибегнуть к «безмотивному террору» и последовательно поколотил итальянца, англичанина и, наконец, американца, то — факт знаменательный — не китайским, а иностранным газетам пришлось, согласно mot d'ordre, полученному от соответствующих миссий, замалчивать этот инцидент. Лишь речь Троцкого, комментировавшего поступок солдата, протелеграфированная агентсвом «РОСТА», заставила империалистические органы отбросить всякую сдержанность и излить накопившееся негодование чуть не в площадной брани. В самом деле, как же «им» не негодовать? Три гражданина трех великих держав подверглись «неслыханному оскорблению», а китайцы, «науськиваемые большевиками», не только не чувствуют всей глубины совершенного их соотечественником пре-

ступления, но еще смеют кричать о нарушении «каких-то суверенных прав», сотни китайских депутатов строчат телеграммы самому Макдональду, требуя ни более ни менее как отозвания «посланника Его Величества», продержавшего несколько дней «преступного солдата» в стенах английской миссии. Конечно, едва ли такой «приличный социалист», как Макдональд, обратит серьезное внимание на обращение к нему членов китайского парламента; это, однако, отнюдь не уменьшает в глазах иностранцев «чудовищной дерзости» самого факта подобных телеграмм, факта, указывающего между прочим на глубокую пропасть, отделяющую сегодняшний «зазнавшийся Китай» от «доброго старого Китая», в котором авторитет иностранцев стоял «на недосягаемой высоте».

На-ряду с жалобами на падение иностранного авторитета и воплями о необходимости поддержать его во что бы то ни стало, вы постоянно слышите иеремиады по поводу «болезненно-развитого национализма, принимающего все более и более угрожающие размеры и непосредственно ведущего к новому боксерскому восстанию». Действительно, рост национального самосознания является одним из примечательнейших фактов настоящего момента. За последние годы этот рост был особенно стремителен. После пред'явления 21 требования, перед непосредственной грозной опасностью, казалось, неминуемого японского протектората вся накопившаяся за столетие ненависть против иностранцев сконцентрировалась на Японии. Японофобское поведение всей союзнической прессы в Китае во время войны, в свою очередь, немало способствовало созданию широко-распространенных иллюзий на возможность помощи со стороны Франции, Англии и особенно Америки. Но окончилась война, была созвана Версальская конференция и оказалось, что захват японцами Шандуна уже давным давно санкционирован и Францией и Великобританией. Оставалась, однако, крепкая надежда на Америку, на Вильсона. Эти не выдадут. Но выдали и они. Во имя «высшей цели» создания Лиги Наций Вильсон счел возможным уступить Японии в шандунском вопросе. «Измена союзников», «измена Америки» всколыхнули весь Китай, создали движение 19 года, повторный пункт в истории китайского национального и общественного самосознания. И все же, особенно благодаря Вашингтонской конференции, некоторые иллюзии сохранились, и как ни пострадал авторитет союзников и Америки, китайская общественность упорно продолжала делать различие между Японией и остальными великими державами. Проходит не-

которое время, и на сцену всплывает линченский инцидент—нападение разбойников на blue express между Шанхаем и Тянь-цзином и увод в полон нескольких десятков иностранных пассажиров. Вчерашние японофобы и «китаелюбы» обнаруживают во всей наготе свою истинную сущность. Из Пекина, Тянь-цзина, Шанхая и Ханькоу от американских, английских и французских комерческих палат и др. организаций дождем сыплются телеграммы в Вашингтон, Лондон, Париж с требованием немедленной вооруженной интервенции для наведения порядка в Китае. Конечно, иностранные business men хватили через край: при тогдашней интернациональной кон'юнктуре ни о каком серьезном вооруженном вмешательстве в Китае, да еще вопреки воле Японии, не могло быть и речи, тем не менее Керзон решил использовать созданное Линченским инцидентом раздражение, чтобы реализовать уже давнишнюю мечту Foreign Office о наложении английского контроля на главные железнодорожные линии Китая. Так вновь, к неописуемому негодованию всего китайского общества, был поставлен на очередь дня знаменитый проект об «интернационализации китайских железных дорог». Проект, как известно, провалился, и что особенно пикантно — главным образом благодаря оппозиции Японии. Пройди он, и мы были бы свидетелями бойкота, на этот раз направленного уже не против Японии, а против Англии в первую голову, а затем и против Франции и Америки. Кампания в пользу вооруженной интервенции, а затем за «интернационализацию» китайских железных дорог явилась вторым решительным моментом для национального самосознания китайского общества. Начиная с этого времени, глубоко пускает корни тенденция выносить за одну скобку с Японией не только Англию или Францию, но и «бескорыстного друга», Америку. Не далее, как в прошлом году, в связи с демонстрацией американской, французской и английской флотилий в кантонских водах, в целях устранения Сун Ят-Сена, американцы очутились перед перспективой бойкота, перспективой повидимому, настолько для них неприятной, что во избежание ее они пошли даже на «потерю лица». Американские крейсера были спешно отосланы в Манильские воды, а посланник Шурман при свидании с главой Кантонского Правительства предложил даже свои услуги в качестве посредника «для мирного улажения конфликта» с Пекинским Дипломатическим Корпусом. Что касается Франции, то попытки ее заставить Китай, вопреки соглашению 1905 года, выплачивать т. н. «боксерские вознаграждения» золотым

франком вызывают такую решительную оппозицию во всех кругах китайского общества, что все усилия Цао-Куневской клики провести эту меру через парламент — терпели до сих пор полное фиаско. Между тем, Франция ставит благоприятное разрешение вопроса о золотом франке непременным условием ратификации ею постановлений Вашингтонской конференции и тем самым саботирует возможность созыва интернациональной комиссии, долженствующей повысить китайские таможенные сборы на 2½%. Принимая во внимание почти катастрофическое положение китайских финансов, «таможенный вопрос» приобретает все более и более острый характер. Неисполнение великими державами своих же собственных решений вызывает чрезвычайное раздражение. В стране уже начинается агитация за бойкот иностранных товаров, исключая русских и германских. Успех или неуспех этой агитации будет зависеть от дальнейшего поведения Пекинского Дипломатического Корпуса и представляемых им Правительств.

Говоря о взаимоотношениях между китайской общественностью и империалистическими странами, мы останавливаемся на главных, центральных вопросах; не надо, однако, забывать, что на-ряду с конфликтами в национальном масштабе существует целый ряд конфликтов провинциального масштаба. Если, скажем, день 7 мая — «день национального унижения» каждый год вызывает по всей стране более или менее внушительные демонстрации, направленные против японского империализма и в частности против «21 требования», то во многих провинциях существуют свои особые «дни». Напр., в этом году в Хунаньской провинции таким днем было 1 июня, годовщина убийства японскими моряками двух студентов, принимавших участие в анти-японском бойкоте. Словом, от русской границы до границ английской Бирмы и французского Индо-Китая, от Тибета до побережья Тихого океана вся страна,— целый материк, вмещающий в себе четверть населения земного шара, служит колоссальной ареной непрекращающихся конфликтов с империалистами и, если китайская политика Европы и Америки не будет, притом в самое же ближайшее время, пересмотрена самым кардинальным образом, то «новое боксерское движение», действительно, неминуемо. Однако и по своим размерам, и по своим материальным средствам, а главное по своей идеологии новое движение будет значительно отличаться от движения 1900 г.

Дело не ограничится лишь частью Китая, как это было четверть столетия тому назад, но неизбежно увлечет в свой колоссальный водоворот и прилегающие колониальные страны: Бирму, Индо-Китай, Малакку, Голландскую Индию, Филиппины и т. д., в большинстве из которых, не надо забывать, китайское население по своему количеству доминирует, если не над туземным, то над евр.-американским. Самого поверхностного знакомства с экономикой большинства из этих колоний достаточно, чтобы убедиться, какую громадную роль играет там не только китайский коммерсант, но и китайский пролетарий.

Движение будет отличаться и по своим материальным средствам. Мы уже касались увеличения боеспособности китайской армии, насыщенности Китая всевозможным оружием, внушительности контингента лиц, — измеряющегося не десятками тысяч, а миллионами, — умеющих им владеть. Произойди взрыв, никакой интернациональной карательной экспедиции à la 1900 г. с сегодняшним Китаем не справиться. Во время прошлогодней кампании за вооруженную интервенцию, в шуме, гвалте и воплях о мести иностранных империалистов и прислуживающей им печати, чувствовалась немалая доля bluff'а, ибо для всякого живущего в Китае и действительно знающего его, не может быть и тени сомнения, что усмирение восставшего Китая потребовало бы со стороны интервентов такого напряжения сил, таких финансовых издержек, которых бюджет ни одной из европейских стран не выдержал бы.

Теперь, что касается идеологии будущего «боксерского движения», то на этом вопросе необходимо остановиться несколько подробнее. Если говорить о «передовом Китае» (а именно о нем и приходится говорить, ибо лозунги движения, если таковое произойдет, могут быть даны только им), то уже в настоящее время и с каждым днем все более и более его идеология окрашивается социализмом. Здесь, конечно, легко навлечь на себя упрек в суб'ективизме. Нам вспоминается, по этому поводу, как одна из наших статей, касающихся приблизительно одинаковой темы, была взята под подозрение одним ученым русским синологом, особенно, когда ему пришлось ознакомиться с несколькими номерами китайских газет. Из самого текста, как и из об'явлений, он уловил так много от старого Китая, что новый современный Китай представился ему в виде незаметного придатка, какого-то досадного пятна или, если хотите, легкой накожной болезни. Если бы та-

кой же ученый китаец «русолог» попробовал на основании «*Света*» или «*Нового Времени*» судить в 1916-м или даже в 1917 году об эволюции российской жизни, то могло бы случиться, что и полевение тогдашней России, стоящей в преддверии Октября, ему показалось бы всего на всего накожной сыпью, лишь поверхностно затронувшей «незыблемые устои православия, самодержавия и народности». Впрочем даже в настоящий момент любой этнограф в самом же Ленинграде и даже в Москве, особенно в Москве нэпмановских кругов, сможет обнаружить сколько угодно пережитков самой седой старины, и, если только на основании подобных пережитков он вздумал бы судить о современной России, то, вероятно, и его выводы были бы столь же любопытны и занимательны, как и выводы нашего почтенного синолога касательно современного Китая. Если же подойти к изучению последнего не с узкоэтнографической точкой зрения и не с обывательским скептицизмом, а с серьезным желанием осмыслить происходящее, отыскать в хаосе сегодняшнего дня намечающиеся контуры будущего, то вас поразит стремительность его эволюции, как и необычайный рост влияния Советской России на его культурную жизнь. Когда читаешь ламентации на то, что «*мы находимся теперь при общем падении русской культуры, накануне ее исчезновения, быть может, с лица земли*» (В. Алексеев: «Русские писатели в китайских переводах». *Восток* № 1) или такой перл из рецензии на журнал *Новый Восток,* данный уважаемым академиком С. Ольденбургом: «*Смущает нас только его взгляд на Россию, как на вселенского учителя: нам самим надо еще столькому учиться, что немного рано нам учить других*» — то невольно поражаешься добровольной слепоте наших синологов и академиков. Правда, оба цитируемые нами ученые высказывали свои суждения до того, как им лично пришлось познакомиться с «*Европой в сумерках на пожарище войны*», что, однако, является мало смягчающим вину обстоятельством. Конечно, учиться у других нам необходимо, но многому, очень многому не только может учить, но и учит и уже научила других и Советская Россия. И если только под русской культурой не подразумевать исключительно дворянскую, помещичью культуру старой России, то опасаться исчезновения ее с лица земли вряд ли приходится. Коммунизм, интернационализм, или, скажем, отношение Советской России к угнетенным народам Востока это ведь тоже культура, новая нарождающаяся культура высшего типа. Последняя не есть, конечно, специфически русский

продукт, однако, можно ли отрицать, что в настоящий момент Советская Россия является ее наиболее ярким и живым символом. В Китае это выступает особенно рельефно. Все силы, враждебные миру капитализма и империализма, вдохновляются, главным образом, примером Советской России. О том, каким ореолом окружена последняя в глазах передовой интеллигенции, учащейся молодежи и китайского сознательного пролетариата, говорить не приходится. Манифестации и митинги по поводу смерти Ленина имели место не только в Пекине, Шанхае и Кантоне, но и в Тяньцзине, Ханькоу, Чанша, Чэнту и т. д., вплоть до уездных городов самых глухих провинций. Более того, волнующие легенды о «Партии бедных» и их вожде, которого «боятся все богатые и знатные», проникли уже в самую толщу народных масс, служат предметом долгих разговоров и оживленных споров в неисчислимых китайских поселках и деревнях. И вот, возвращаясь к вопросу об идеологии «нового боксерского восстания» можно à priori сказать: произойди, действительно, широкое народное движение, всколыхнись необозримый крестьянский океан, никакой другой идеологии, кроме самой решительной, самой радикальной, не овладеть народной стихией. Эту идеологию может дать, конечно, только новый китайский город, который за эти двадцать с лишним лет так вырос материально и духовно, что узкий каменный пояс его средневековых стен является теперь каким-то живописным анахронизмом и во многих местах уже готов уступить свое место железному кольцу рельс электрических трамваев и кружных железных дорог. Все более и более насыщаемый, по мере роста своих фабрик и заводов, идеями коммунизма, интернационализма и классовой борьбы китайский город своими легальными, полулегальными и подпольными рабочими организациями, студенческими и учительскими союзами, женским движением, вечерними курсами, воскресными школами, своими митингами, демонстрациями и забастовками, своей партийной прессой все сильнее и сильнее напоминает вчерашний русский город, стремительно шедший к Великой Революции.

Как ни поверхностен наш краткий очерк, тем не менее мы думаем, что при наличии доброй воли и воображения, читатель сможет составить себе некоторое представление, если не об общем положении в Китае, то, по крайней мере, о тех его сторонах, которые, по нашему мнению, необходимо принять во внимание

для правильной оценки русско-китайского соглашения. 31 мая 1924 г. — день подписания последнего, открывая собою новую эру в истории взаимоотношений двух республик, является в то же время завершением, итогом всей предыдущей работы по сближению китайской общественности с Советской Россией. Вот почему, прежде, чем перейти к оценке соглашения, будет нелишним указать главные вехи, отметить основные этапы того пути, которым шло это сближение.

Начиная с 1919 года, Советская Россия, неминуемая гибель которой доказывалась на протяжении двух лет чуть не с математической точностью, быстро крепнет, сметая со своей территории одни белогвардейские отряды за другими. Красная армия продвигается к Байкалу, а вскоре красные партизаны очищают от розановских банд и самый Владивосток. Китай, совершенно отрезанный чехословацким выступлением, а затем колчаковщиной от всякого общения с Советской Россией, получил, наконец, возможность вплотную следить за ее титанической борьбой со всем капиталистическим миром. Примечательно, что широкое национальное движение, вызванное санкционированием Версальской конференцией захвата японцами Шандуна, совпадает с разгромом Колчака и с полным фиаско сибирской авантюры союзников. В тот момент озлобление против союзников и разочарование в Вильсоне были настолько сильны, что весть о каждой новой победе советских армий, вызывала в Китае чувство глубокого удовлетворения. Нетрудно поэтому понять то колоссальное впечатление, которое произвело знаменитое обращение Сов. Правительства к китайскому народу и северному и южному правительствам Китая. Эффект обращения, сделавшего с тех пор Замнаркома по иностранным делам Карахана столь популярным в Китае, был тем более значителен, что исходило обращение от Советской России в момент победоносного продвижения ее армий к китайской границе.

«Ваши беспримерные в истории революций подвиги, — гласил ответ Всекитайской Федерации Студенчества, — открывают собою новую эру. Мы восхищаемся Вами и благодарим Вас. Мы сделаем все от нас зависящее, чтобы вызвать в стране горячие симпатии к Новой России».

Но, если декларация 1919 года встретила самый восторженный отклик в передовом китайском обществе, то в официальных кругах она, как и следовало ожидать, вызвала лишь тревогу и опа-

сения. Пекинское правительство не только не ответило Москве, но и пыталось представить дружественный шаг Сов. Правительства исключительно, как пропаганду и даже «обман и ловушку». Никакого действия, конечно, эти попытки не оказали. «Мы должны благодарить Советскую Россию от имени всех угнетенных наций, писал шанхайский еженедельник *Синь Тси-Тин-люн*, мы должны последовать ее примеру, напрячь все свои усилия, чтобы завоевать свободу».

Империалисты, и прежде всего Америка, прекрасно учли, чем грозит им в Китае отказ Новой России от империалистической политики царизма, ибо можно сказать вполне определенно, что резолюции, принятые на Вашингтонской конференции в пользу Китая, были вотированы не без влияния деклараций Сов. Правительства 1919 и 1920 г.г. При неимоверно быстро выросшем национальном движении в Китае, великие державы вынуждены были пойти на уступки, хотя бы только видимые, из боязни «окончательно бросить китайскую общественность в об'ятия большевизма».

Т. о. первое же выступление Сов. России в Китае немедленно сказалось на взаимоотношениях последнего со всем империалистическим миром. Начиная с этого момента, Советская Россия с каждым днем становится все более и более заметным фактором в эволюции общественного самосознания китайского народа. Прибывание в Пекине сначала миссии Юрина, затем Пайкеса и, наконец, Иоффе, правда, не дало никаких, так называемых, «реальных результатов» в виде договора, или хотя бы соглашения, тем не менее деятельность их оставила весьма глубокие следы. Особенно, конечно, трудной являлась работа Юрина, первого пионера советской дипломатии в Китае, несмотря на то, что официально он представлял лишь Д.В.Р. С его приездом была, между прочим, окончательно ликвидирована старая царская миссия, члены которой из дипломатов, признаваемых Пекинским правительством, перешли на положение обыкновенных белогвардейских эмигрантов.

Деятельность первого официального Советского представителя Пайкеса, хотя и была кратковременной и протекала в чрезвычайно трудных условиях, тем не менее уже настолько подготовила почву для будущих переговоров, что, когда был назначен Иоффе, многим казалось подписание договора и восстановление дипломатических сношений между Китаем и Сов. Россией делом уже окончательно

решенным. Однако, внезапное падение кабинета Ван Чун-хоей'я, в котором главную роль играли ставленники У Пей-фу, являвшегося сторонником соглашения с Россией, как и ярая оппозиция всего дипломатического корпуса, от которого зависело признание президентства Цао Кун'я, уже начавшего в то время подготовлять свою избирательную кампанию, — все это, не говоря уже о край-

Доктор Ван Чжен-Тин.

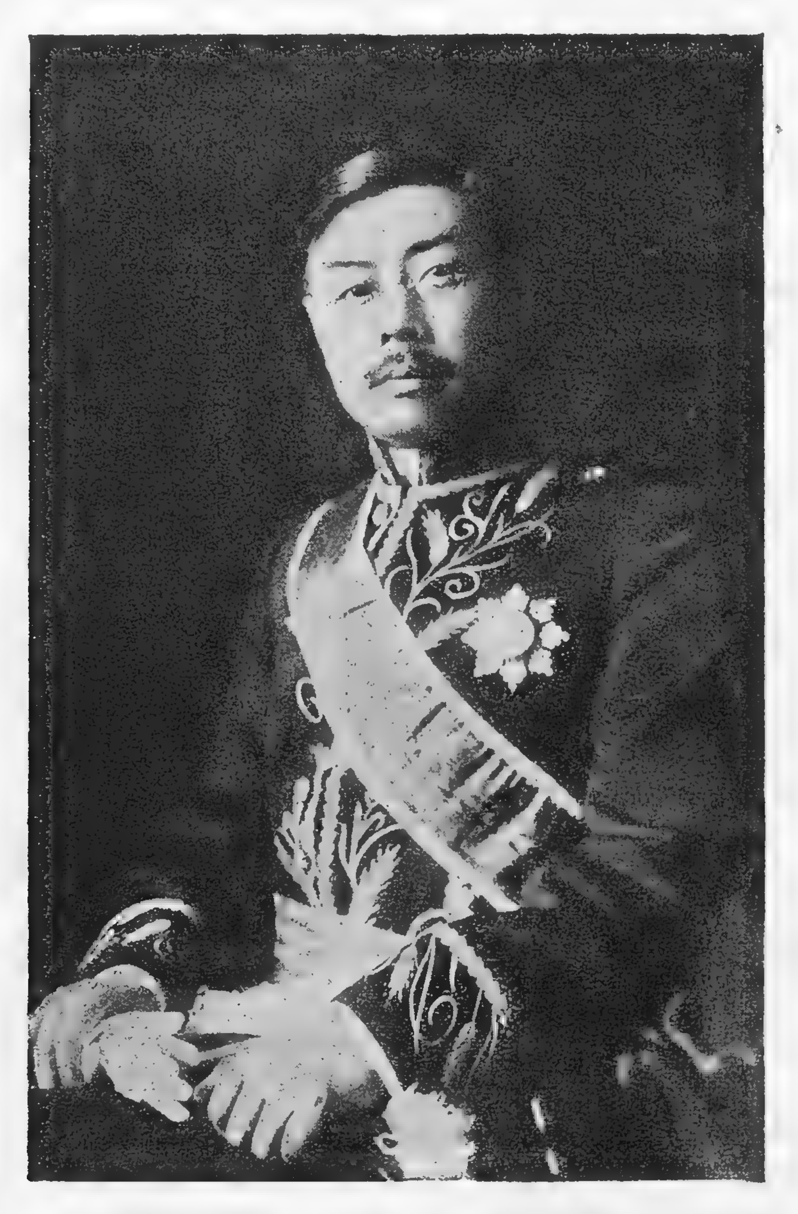
ней реакционности вновь назначенного кабинета, отодвинуло упорядочение русско-китайских отношений на неопределенное время. Те же самые причины продолжали, конечно, действовать и после назначения в Пекин Карахана. С его приездом положение все же значительно изменилось. Кампания за интервенцию, возникшая в связи с Линченским инцидентом, чрезвычайно взволновала все

китайское общество, ясно, наконец, понявшее всю ложь широковещательных обещаний Вашингтонской конференции; с другой стороны быстрое укрепление международного положения СССР отнимало у Пекинского правительства последний предлог к дальнейшему оттягиванию переговоров. Англия и Италия уже признали Советское правительство, в Пекине находится автор исторических нот 1919 и 1920 г.г.; если и при таких обстоятельствах продолжать в русском вопросе следовать указке дипломатического корпуса, то не означает ли это окончательного отказа Китая от права вести самостоятельно свою внешнюю политику?

Соглашение 31 мая, устанавливающее нормальные дипломатические сношения Китая и СССР, знаменательно прежде всего тем, что само подписание его, вопреки сильной оппозиции Пекинского Дипломатического Корпуса, «китайского сверх-правительства», является со стороны Китая революционным актом. То, что на такой революционный акт пошло совсем не революционное правительство, еще более знаменательно. Конечно, самый несообразительный член дипломатического корпуса не может не понимать, что эта революционность — вынужденная, что после того, как все китайское общество от коммунистов и гоминдановцев до милитаристов, от Чен-Ту-сиу и Сун Вэн'а до У Пей-фу и Тси Сье-юан'а, генерал-инспектора Цзянсу, Аньхойя и Цзянси, решительно выступило за немедленное подписание соглашения, Пекинское правительство не могло не капитулировать, не могло не примкнуть к «общему заговору».

Чего, однако, ни один из представителей великих держав не может простить, это того, что Пекинское правительство сознательно усыпило их бдительность, провело все прелиминарные переговоры с такой конспиративностью, какой могла бы позавидовать любая революционная организация и поставило их перед совершившимся фактом. Аресты пекинским правительством студентов-коммунистов, самовольные расстрелы У Пей-фу организаторов железнодорожного союза являются плохим утешением, теряют весь свой смысл для империалистов, если под давлением У Пей-фу Пекинское правительство действует как бы заодно с этими же самыми коммунистами, рабочими и студентами, да еще чуть не похваляется, что так ловко в союзе с Караханом надуло весь дипломатический корпус.

Если в вопросе о подписании русско-китайского соглашения и милитаристы, и кабинет, и сам президент вынуждены были действовать и даже конспирировать вместе с большевиками, то где гарантии тому, что и в дальнейшем по целому ряду других, столь же или еще более затрагивающих «жизненные интересы»

Доктор Иен.

великих держав в Китае вопросов, они самым ходом событий не будут вновь «поставлены перед необходимостью» поступать точно таким же образом.

Далее... Самый факт признания Правительства СССР Китаем делает Советского Представителя равноправным членом, а в слу-

чае назначения его послом и старшиной дипломатического корпуса. А это означает ни более, ни менее как смерть, если не дипломатического корпуса, то, во всяком случае, тех захваченных им прав и прерогатив, которые делают из него нечто вроде верховного правительства Китайской республики. О коллективных нотах и меморандумах надо будет позабыть и удовольствоваться лишь обычными функциями обычных дипломатических корпусов. Конечно, можно будет коллективно выступать от имени, скажем, «держав, охраняющих неприкосновенность Протокола 1901 г.», или от имени «держав, принимавших участие в Вашингтонской конференции». Можно-то можно, но все это «не то». — Никакой искусственной группировке не заменить того дипломатического корпуса, каким являлся Пекинский до 31 мая 1924 года.

Как ни обидны для самолюбия пекинских дипломатов сами обстоятельства, сопровождавшие подписание договора, как ни чреват зловещими последствиями готовящийся «взрыв дипломатического корпуса изнутри» благодаря вхождению в него представителя СССР, все же ахилесова пята империалистических держав в Китае лежит в самой сути Соглашения. А суть эта заключается в том, что договор 31 мая, по словам даже У Пей-фу, является первым справедливым договором, заключенным Китаем с великой державой. Дело даже не только в том, что согласно договору Китай не должен уже платить «боксерских вознаграждений», получает назад русские концессии в Тянь-цзине и Ханькоу, будет иметь право судить русских граждан, совершивших преступление на китайской территории, будет по отношению к СССР свободно устанавливать свою таможенную политику, а в том, что от всех этих прав и привиллегий такая великая держава, как Советская Россия, отказалась не в результате военного поражения, как это было с Германией, а совершенно добровольно.

Этот добровольный отказ ставит все империалистические страны в самое невозможное положение. Если и без того их авторитет за последние годы стремительно падает, если и без того их «священные договоры», как мы уже видели, с каждым днем нарушаются все чаще и чаще, то что будет теперь после подписания русско-китайского Соглашения? Два-три года тому назад известная часть китайской общественности еще могла удовлетворяться посулами Вашингтонской конференции о постепенном освобождении Китая из-под иностранной опеки, но теперь, после того,

как ни одно из главных вашингтонских решений не приведено в исполнение, и когда, с другой стороны, в руках Китая имеется соглашение с СССР, основанное на принципе полноправности, уже никакие посулы никого не обманут. На этот раз лицемерная маска, которой прикрывались империалистические державы, сорвана окончательно, и последние предстали перед китайским обществом во всей своей неприглядной наготе.

Лозунг о «пересмотре всех несправедливых договоров» уже брошен, а 16 пунктов русско-китайского Соглашения становятся очередной программой иностранной политики уже не только для Коммунистической и Национальной партий, для китайских парламентариев, но и для широких общественных кругов. *«Токио Асахи»,* говоря о Соглашении, прекрасно формулирует тревогу, охватившую империалистов: «Как отразится, спрашивает японская газета, отказ России от боксерских вознаграждений, от экстерриториальности и других прав на взаимоотношения между Китаем и великими державами?» И отвечает: «Не трудно предвидеть, что договор, по которому Китай становится в равноправные отношения с Россией, еще более усилит манию (!) китайцев добиваться возвращения своих прав, манию, столь развившуюся за последние годы. В то же самое время будет расти и тенденция действовать совместно с Россией против остальных держав».

До самого последнего времени китайская дипломатия шла на американском буксире. В 1917 году, следуя за Америкой, Китай прервал дипломатические сношения с Германией, а затем, отвечая на призыв Вильсона, окончательно присоединился к лагерю союзников. После санкционирования Вильсоном захвата японцами Шандуна, Китай перенес все свои надежды на Гардинга и Вашингтонскую конференцию. Всего год тому назад, в самый разгар кампании за вооруженную интервенцию в Китае последний опять же, несмотря ни на что, ждал помощи от той же Америки.

О силе влияния американской миссии в Пекине можно судить уже по тому общеизвестному в Китае факту, что вновь назначаемые китайские министры иностранных дел зачастую не решаются занять свой пост, не посоветовавшись предварительно с американским посланником. Неудивительно, если в саботировании кабинетом русско-китайского Соглашения, достигнутого между С.-Т.-Ваном и Советским Представителем еще в марте месяце, доктор Шурман сыграл немаловажную роль.

Соглашение 31 мая подписано не только вопреки д-ру Шурману, но и без его ведома. Это, конечно, не простая случайность, особенно, если принять во внимание, что во главе «Вайцзяобу» стоит бывший посланик в Вашингтоне, известный своими архиамериканофильскими симпатиями. Неумолимый ход событий, железная логика об'ективно складывающихся обстоятельств оказываются сильнее всяких симпатий и антипатий и заставляют даже такое по самому существу своему враждебное СССР Правительство, как Пекинское, менять помимо своей воли американскую ориентацию на русскую. Соглашение 31 мая знаменует, таким образом, серьезную победу дипломатии над дипломатией Хюза.

«Христианский» генерал Фын Ю-Сян.

Это соглашение дает в то же время СССР новое могучее орудие борьбы против империализма не только на политическом фронте, но и на фронте культурном. Общая сумма русской части боксерских вознаграждений, которую Сов. Правительство решило употребить на развитие народного образования в Китае, настолько внушительна, что даже за вычетом сумм, уже «использованных» Пекинским Правительством на погашение различных займов, составляет по самым пессимистическим исчислениям около *ста миллионов золотых рублей*. То обстоятельство, что в специальной комиссии, которая будет образована из двух делегатов от Китая и одного от СССР для заведывания вышеуказанными фондами, решения должны приниматься *единогласно*, возлагает на нас одинаковую с китайцами ответственность за наиболее разумное и целесообразное использование их. Если мы отнесемся к этому во-

просу со всем вниманием, какого он заслуживает, можно быть уверенным, что мы справимся со всеми неизбежными трудностями, дадим могучий толчок истинному просвещению Китая, окажем незаменимую услугу делу возрождения великого народа.

Шум и гвалт, поднятый местной иностранной прессой по поводу «опасности насаждения большевистских школ» ясно свидетельствует о переполохе, который вызывает в империалистическом лагере перспектива тесного культурного сближения СССР с новым Китаем. Уже строчатся проекты «более целесообразного использования боксерских вознаграждений», напр., на постройку железных дорог, на возведение новых плотин и урегулирование русла свирепой реки Хуан-хо; некоторые же в своей аргументации доходят чуть не до апологии невежества, и все это только потому, что и в такой чисто культурной области, как развитие народного образования в Китае, империалистические державы, чтобы там ни говорили некоторые уважаемые синологи и академики, страшатся конкуренции Советской России.

Очень возможно, что нарисованная нами картина многим может показаться чересчур радужной и, однако, мы все время старались не отрываться от реальной действительности, тщательно избегая поспешных обобщений, а тем более преувеличений. Перспективы, открывающиеся перед СССР в Китае, настолько блестящи, что нет никакой надобности преувеличивать и приукрашивать. Но, если ближайшее же будущее Восточной Азии чревато величайшими возможностями, это еще не значит, что в то же самое время оно не таит для нас и неприятных сюрпризов, как и грозных опасностей. Уже в начале статьи мы указывали на неизбежность обострения грандиозного конфликта, стремительно нарастающего между всем империалистическим миром, с одной стороны, и Китаем и СССР, с другой; конфликта тем более серьезного, что дело идет не только о национальной независимости китайского народа, но и о судьбе соседних ему народов, о судьбе девяти, если не десяти десятых всей Азии, ибо ключ Азиатской проблемы лежит в Китае.

Все эти договоры — наследие, главным образом, XIX века, которыми величайшая по своим естественным и людским богатствам страна обречена на жалкое существование полуколонии, уже не соответствуют более реальному соотношению сил, столь изменившемуся за последние двадцать лет. Империалистические державы поняли это слишком поздно, но даже и поняв, все еще надеются при

помощи Вашингтонской конференции, при помощи лживых обещаний, отдалить, отсрочить наступление неизбежного. Соглашение 31 мая и неминуемая, независимо от симпатии или антипатии китайских правящих кругов, ориентировка Китая на СССР, разбивая все эти надежды — выдвигает китайскую проблему на очередь дня во всем ее грозном значении. Окажутся ли «новые правительства» Великобритании, Франции, Японии, а затем и Америки настолько дальновидными, чтобы не лезть на рожон и покорно склониться перед вердиктом неумолимой истории, конечно, более чем сомнительно. А раз это так, то обострение вышеуказанного конфликта неизбежно.

Несмотря на то, что «русофил» Эррио сменил Пуанкаре, несмотря на то, что в самом же Пекине ведутся русско-японские переговоры, как и несмотря на присутствие во главе Foreign Office — Макдональда, и Франция, и Япония, и Великобритания, не говоря уже об Америке, выступают против СССР еще более сплоченным фронтом, чем когда-либо, стараясь саботировать уже подписанное русско-китайское Соглашение. Идет ли дело о проведении в исполнение пункта Соглашения касательно Китайской Восточной железной дороги, о передаче здания бывшей царской миссии, об обмене послами между Китаем и СССР — повсюду приходится наталкиваться на открытую или тайную оппозицию всего империалистского блока. Местная английская пресса, квалифицировавшая русско-китайское Соглашение как «новый Брест-Литовский договор», уже кричит о нарушении Советской Россией англо-русского соглашения. Можно быть уверенным, что после восстановления дипломатических сношений с Францией, Японией и Америкой и французская, и японская, и американская печать присоединятся к английской, ибо при самой умеренной и «лойяльной» дипломатии не сможем же мы помешать китайским студентам устраивать митинги, рабочим иностранных предприятий бастовать, журналистам писать против иностранных хищников, депутатам требовать пересмотра договоров и заключения новых по образцу русско-китайского, как не сможем и удержать китайских коммерсантов от бойкота товаров той или иной страны, или согласиться израсходовать сто миллионов золотых рублей на посылку китайских студентов для завершения образования в Америку. А раз это так, то при все растущем национальном движении, при увеличивающейся агитации против империализма, мы неизбежно будем обвинены в нарушении «пункта о пропаганде» не только русско-английского, но и русско-

японского, русско-французского и русско-американского договоров. И пожалуй наши обвинители будут не совсем неправы, ибо самый факт существования и укрепления Советской России есть наиболее действительная и перманентная пропаганда.

До сих пор мы уделяли весьма мало внимания Китаю, однако, ближайшее же будущее заставит нас изменить подобное отношение к этой великой стране, и возможно, что уже на 14-м с'езде Зиновьему придется посвятить значительную часть своего общего доклада китайской проблеме, которая все теснее и неразрывнее сплетается с проблемой Советской России.

IV

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ РУССКО-КИТАЙСКОГО СОГЛАШЕНИЯ.

Весть о происходящем в Китае министерском кризисе удивит, вероятно, немалое количество народа, ибо для европейского читателя, в том числе и русского, само выражение «министерский кризис» все еще не вяжется с традиционным представлением о Китае. Подобное событие вряд ли породит обилие статей и передовиц, ибо едва ли кто из европейских журналистов решится всерьез писать на такой экзотический сюжет. Впрочем даже в самом Китае, если не считать сравнительно ограниченного круга лиц, непосредственно заинтересованных в кризисе, да еще, пожалуй, журналистов, обычно мало кто придает значение смене кабинета. Пока у власти попрежнему остается «клика Паотинфу», группирующаяся вокруг президента Цао Куня, не все ли равно, кем будет возглавляться новый кабинет: Ку, Као, Ван'ом или Ен'ом. На этот раз положение все же несколько меняется. Приезд в Пекин Сун Хун-и, в котором многие видят кандидата маршала У Пей-фу, несколько повышает интерес к происходящему кризису и, хотя момент для замены в кабинете клики Паотинфу Лоянской кликой еще не настал, тем не менее за каждым шагом Сун Хун-и вся китайская пресса следит с неослабевающим вниманием. Но пусть даже никакого coup de théâtre не произойдет, и все по существу сведется к небольшой реорганизации старого кабинета, и в этом случае вопрос о том, в каких конкретных формах разрешится кризис, будет иметь некоторое значение в виду чрезвычайной важности переживаемого Китаем момента.

Китай, как мы уже говорили в предыдущей статье, стоит накануне радикального изменения своих взаимоотношений с империалистическими державами. За двадцать с лишним лет, что прошли с момента усмирения боксерского восстания, Китай изменился несравненно более, чем за все предшествующее столетие, и те договоры и соглашения, венцом которых явился знаменитый Протокол 1901 года, уже давно перестали отвечать реальному соотношению сил. Более того, отвечали ли они вполне, даже в момент их заключения, этому соотношению является еще большим вопросом. Поясним. Говорить о всем необ'ятном Китае с его чуть не полумиллиардным населением, как о полуколонии, приходится весьма условно. Если исходить из буквального текста договоров и той зависимости, в которой находится, так называемое, Центральное Правительство от Пекинского дипломатического корпуса, то, конечно, Китай — полуколония, а то и хуже, но если принять во внимание всю призрачность власти Центрального Правительства, всю чрезвычайную примитивность китайской государственной машины, как и сравнительную слабость проникновения иностранцев вглубь страны, когда и по настоящее время большая половина жителей Китая никогда даже в лицо не видала ни одного «иностранного дьявола», а главное тот факт, что Китай все еще остается страной земледельческой par excellence, то слово «полуколония» в применении ко всему конгломерату независимых и полунезависимых стран, составляющих Китайскую Республику, приходится употреблять с некоторыми оговорками и ограничениями. Необычайный рост внешней торговли Китая за последние десятилетия, как и медленная, но упорная индустриализация его, сопровождающиеся все большим и большим проникновением иностранцев вглубь страны, само собою разумеется, радикально меняют значение старых договоров. Нетрудно в самом деле понять, что право экстерриториальности, как и иностранный контроль над китайскими таможнями в 1924 году, приобретают характер значительно отличный от того, какой они имели, скажем, четверть столетия тому назад. Если в момент заключения договоров, последние фактически ставили в положение полуколонии лишь весьма незначительную часть китайской территории и китайского населения, то в настоящее время при наличии экономической и политической трансформации Китая сохранение тех же самых договоров грозит свести на положение полуколонии уже всю страну целиком, при чем без всяких оговорок и ограничений. Если точно формулировать истинный

смысл начинающейся агитации за уничтожение всех старых договоров, то приходится говорить не столько о борьбе китайского народа за *раскрепощение,* сколько о борьбе его против *закрепощения* Китая. Эту основную поправку нельзя игнорировать при обсуждении вопроса о взаимоотношениях Китая с империалистическими державами.

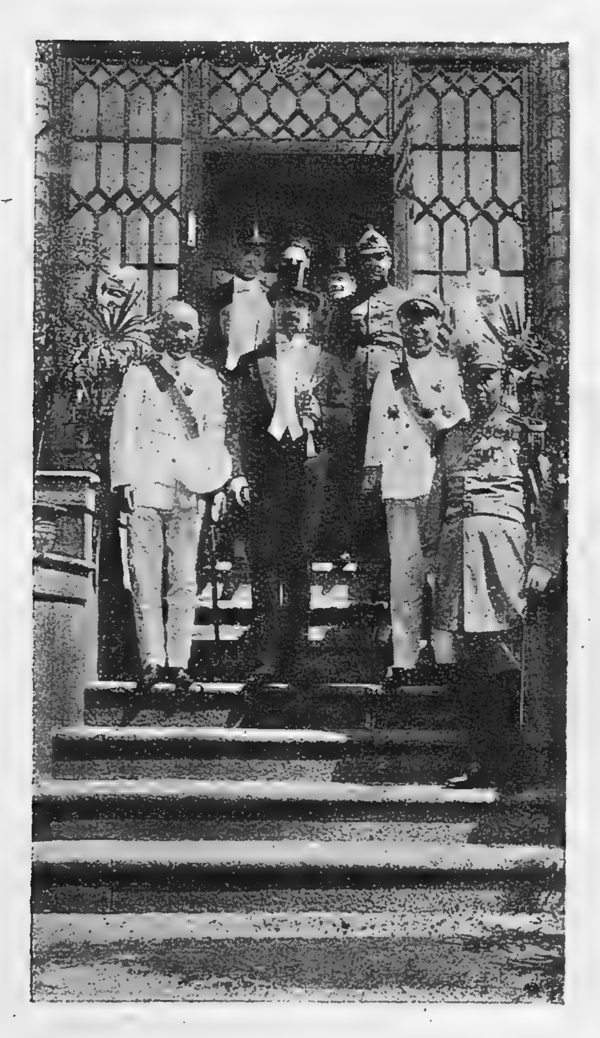
Когда мы указываем на важность переживаемого Китаем момента, мы имеем главным образом в виду то необычайно интересное положение, которое создалось здесь в результате подписания русско-китайского Соглашения. Казалось, у империалистов было достаточно времени, чтобы подготовиться к этому событию и, однако, последнее создало такой переполох, вызвало такую су-

Тов. Карахан в Пекине. Выезд на прием.

мятицу, которые ясно говорят о том, что только теперь, т.-е. posf factum, они поняли все его роковое значение. Давно ли английский «дальне-восточный официоз» The North China Daily News кричал о том, что Карахан подписал «новый Брест-Литовский договор», но вот на-днях тот же самый официоз, по поводу того же самого Соглашения помещает статьи о потере Китаем своих суверенных прав. (China's sacrifice of sovereign rights). Другая «тоже влиятельная и серьезная английская газета»: Pekiny and Tientsin Times прямо заявляет, что Соглашение 31-го мая по существу ставит Китай под протекторат Сов. России. Большевики вновь именуются mad dogs, jacals и т. п. Снова вытаскивается весь арсенал ругательств, которыми пользовались еще во времена колчаков-

ской авантюры. Само собою разумеется, сов. представителю уделяется особое внимание. Повидимому, верхом язвительности и остроумия считается величать его не Mr Karakhan, a Comrade Karakhan и с упорством твердить, что он, именно, он, а никто другой, является непосредственным виновником недавних покушений и на Веллингтона Ку и на губернатора Индо-Китая — Мерлина. Что касается Троцкого, то одно упоминание его имени вызывает у английских журналистов пляску св. Витта. Словом «печать Его Величества» ведет себя так неприлично, что Japan Chronicle'y, либеральной английской газете, издающейся в Кобэ, приходиться краснеть за своих коллег, компатриотов, и читать им нравоучения, да и не только им, а и самим членам Пекинского дипломатического корпуса.

Тов. Карахан в сопровождении высших должностных лиц Китая.

«Поведение Пекинского Дипломатического Корпуса в вопросе о передаче здания бывшей царской миссии,—пишет «Japan Chronicle», — лишено чувства всякого достоинства. В тепличной атмосфере дипломатического квартала всякого рода пустяки и мелочи занимают внимание дипломатов, и так как все, что ни делают последние, они делают с необычайной важностью, то, повидимому, они сами не замечают, что своими действиями уподобляются самым обыкновенным кляузникам. Более того, своим поведением, вызывающим лишь презрение с стороны китайцев, они думают поддержать престиж представляемых ими стран. Им не нравится, что Китай признал Россию, и потому они пытаются поме-

шать русскому представителю получить принадлежащее ему здание».

Если консульские корпуса Тянь-цзина, Ханькоу и Шанхая лишены возможности официально воспротивиться передаче зданий бывших царских консульств, то неофициально они делают в этом направлении все возможное, встречая, конечно, полное сочувствие империалистической прессы. В Шанхае, напр., Глебовские офицеры, занявшие здание русского консульства и «твердо решившие» силою оружия воспрепятствовать его передаче, живописуются английскими органами в виде каких-то героев, своего рода Леонидов, защищающих Фермопильское ущелье.

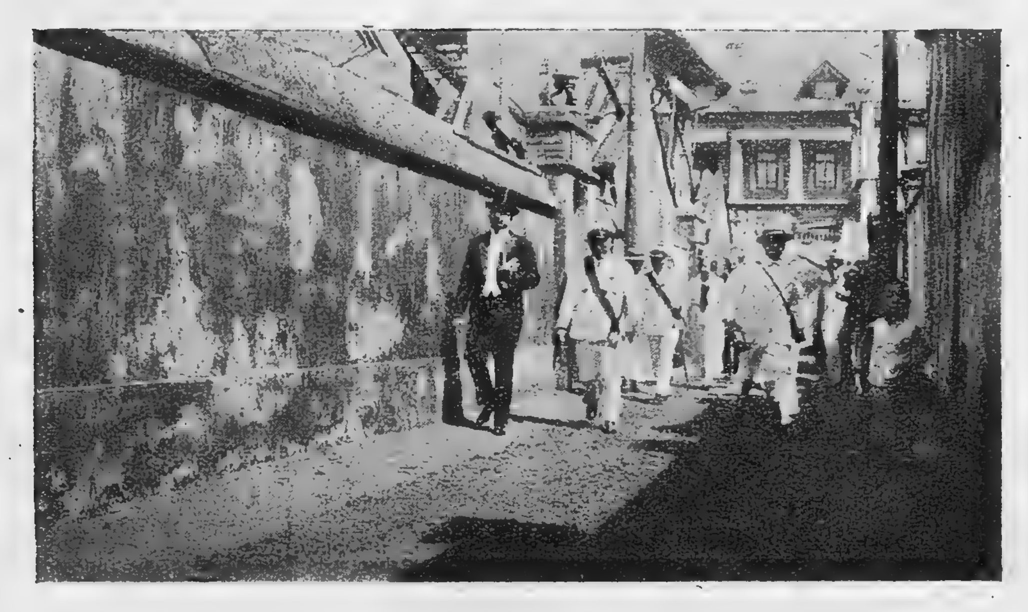
Нет никакого сомнения, что Пекинский дипломатический корпус прекрасно понимает, что вся эта комедия с передачей зданий долго тянуться не может. Тянь-цзинское и Ханькоуское консульства уже переданы, придется передать и шанхайское, а затем очередь дойдет и до здания самой миссии, и если дипломатический корпус все еще сопротивлялся неизбежному, то исключительно в надежде, если не саботировать соглашение, то по крайней мере вынудить Советского Представителя обратиться к нему за разрешением и тогда... продиктовать ему свои условия!

Не менее веселая комедия разыгрывается и вокруг вопроса о превращении Советской Миссии в Советское Посольство, превращении, делающем Советского Представителя старшиной дипломатического корпуса. Быть официально «под большевиком» — такого унижения, конечно, не в силах снести «благородные» дипломаты. А так как нет возможности требовать от Пекинского Правительства, чтобы оно отклонило предложение Москвы об обмене послами, тем более, что уже стало известно о намерениях Японии последовать примеру России, то остается лишь один выход: помешать Советскому Представителю вручить свои посольские грамоты ранее, чем это сделает Иошизава, ибо первый, официально признанный Китаем, посол — становится старшиной дипломатического корпуса. Несколько лет тому назад, благодаря ходатайству Америки и Англии Quai d'Orsay согласилось временно отказаться от перемещения своего Пекинского посланника, дабы японский представитель не смог стать старшиной дипломатического корпуса. Эта история вызвала в свое время страшное негодование в Японии. Теперь перед лицом «общей опасности» забыты расовые предрассудки, и «белые посланники» из кожи ле-

зут вон, чтобы поставить во главе себя «желтого» Иошизаву. А так как последний находится в отпуску и почему-то медлит с приездом, за ним предполагается послать в Японию Голландского посланника. Беда только в том, что Токийское Правительство не спешит с приведением в исполнение своего принципиального решения о возведении пекинской миссии в ранг посольства. Все эти закулисные махинации можно, конечно, отнести к разряду пустяков и мелочей, хотя, как справедливо отметил Japan Chronicle, пекинские дипломаты занимаются ими с необычайной важностью. Главным об'ектом саботажа является все же не вопрос о передаче зданий и не «вопрос о старшине», но вопрос о проведении в исполнение Соглашения касательно Китайской Восточной железной дороги. Помимо официальных нот Америки, Франции и Японии, как и не прекращающихся попыток воздействия на Вайтяопу (Министерство Иностранных Дел) империалисты пускают в ход все средства, чтобы использовать в своих целях вражду между Пекином и Мукденом. Благодаря позиции, занятой великими державами в вопросе о К.-В. ж. д., Чжан Тсо-лину представляется прекрасный случай как унизить Пекин, так и выторговать у него возможно более всякого рода уступок, разыгрывая в то же время роль горячего патриота, исключительно руководящегося желанием улучшить условия заключенного Центральным Правительством соглашения, и, конечно, этим случаем манчжурский диктатор пользуется во всю. Спрашивается, однако, что же делает Пекинское Правительство, чтобы положить конец столь затянувшейся комедии?

Что касается вопроса о К.-В. ж. д., то здесь, нужно признать, оно пока бессильно. В других вопросах о приведении в исполнение подписанного им соглашения, правительство, хотя и проявляет некоторую активность, но опять же главным образом лишь под давлением Советского Представителя, горячо поддерживаемого китайским общественным мнением. Это отсутствие рвения об'ясняется не только тем, что Пекинское Правительство враждебно Советской России и, если пошло на соглашение, то только потому, что не могло иначе поступить, но отчасти и тем, что во главе Вайтяопу, временно же с отставкой Сун Пао-тси и во главе кабинета, стоит любимец д-ра Шурмана, бывший посланник в Вашингтоне, Веллингтон Ку. Это обстоятельство мы и имели в виду, указывая в начале нашего письма на некоторое значение того, в каких конкретных формах разрешится происходящий министерский

кризис. Правда, Веллингтон Ку, по всей вероятности, сохранит портфель Министра Иностранных Дел, но все же, если премьером будет назначен человек с честолюбием более высокой марки, можно надеяться, что и Вайтяопу придется вести себя с большим достоинством, перестать ежедневно обивать пороги американской миссии. Помимо симпатий и антипатий Пекинского Правительства, подписанное им соглашение должно быть выполнено, точно так же, помимо его симпатий и антипатий, оно вынуждается самим об'ективным ходом вещей ориентироваться на СССР. Если «у власти» окажется премьер достаточно умный, чтобы понять это и сделать отсюда все надлежащие практические выводы, тогда происходящая реорганизация кабинета не будет лишена некоторого интереса.

Карахан в сопровождении представителей правительства в Пекине.

Соглашением 31 мая сделана такая брешь в старых договорах, которую никакими заплатами не закроешь и которая с каждым днем будет расти все более и более. Империалистические газеты могут сколько угодно доказывать, что «безумная политика» Советской России в Китае ни к чему их не обязывает, все их хитроумные доказательства неубедительны для них самих. «Есть основания думать, — откровенно признает «The Trans Pacifie», американский орган, издающийся в Токио,—что Советская Россия навеки разрушила старый Пекинский дипломатический корпус. Китай, начиная с Вашингтонской конференции, сознательно или бес-

сознательно, но упорно прибегает к одному средству за другим, чтобы сделать старые договоры недействительными и в то же время разрушить влияние и единство дипломатического корпуса. Россия в настоящее время является орудием для завершения этой работы, Великие державы не обязательно должны будут отказаться от своих прав, гарантированных договорами, но для того, чтобы последние исполнялись, необходимо, вероятно, будет создать орудие, отличное от теперешнего дипломатического корпуса». Удастся ли создать такое орудие или нет — это другой вопрос, во всяком случае, если судить по последним выступлениям японской печати, рассчитывать на дружное японо-американское сотрудничество в Китае больших оснований не имеется. Япония, как мы видели, первая решила последовать примеру СССР и возвести свою пекинскую миссию в ранг посольства; Япония же, как гласят недавние телеграммы из Токио, «не может лучше убедить Китай в своих дружеских намерениях, как предложив великим державам отказаться от права экстерриториальности, хотя бы ее предложение и встретило оппозицию со стороны последних».

Было бы, однако, неосновательно заключать из вышесказанного о кардинальном изменении японской политики в Китае. Ни назначение в Пекин посла вместо посланника, ни даже отказ от экстерриториальности, если бы таковой действительно имел место, не означали бы еще отказа Японии от самовольных действий в Китае каждый раз, когда она сочтет это необходимым. Для того, чтобы Япония решила не на словах, а в действительности уважать суверенитет Китая, перемены кабинета недостаточно, необходима перемена самого режима, необходимо, чтобы милитаристы перестали играть доминирующую роль в японской иностранной политике. Этим мы не хотим сказать, что заигрывания нового японского кабинета с китайской общественностью не имеют никакого значения. Местная английская пресса, напр., чрезвычайно встревожена известиями, идущими из Токио, и откровенно сознается, что предложение Японии касательно экстерриториальности «поставит договорные державы в весьма затруднительное положение».

Итак, не прошло двух месяцев с подписания русско-китайского соглашения, а уже влияние его на дальневосточную политику великих держав сказывается с необычайной рельефностью. О том положении, которое занимает теперь в Китае СССР, можно судить хотя бы по следующему недавнему заявлению одного аме-

риканского журнала: «тот, кто внимательно следит за событиями в Китае, согласится, — пишет «The China Weckly Review», — что руководящая роль в китайских делах далеко уже не находится в руках тех, кто дирижировал Вашингтонской конференцией. Воздерживаясь от ратификации решений последней, Франция некоторое время, при неофициальной поддержке Японии, имела возможность диктовать иностранную политику в Пекине. Теперь это делают московские большевики, тогда как Соединенные Штаты, подобно Великобритании, попали в незавидное положение «хвостистов» и «обструкционистов». Поскольку дело идет о Вайтяопу, вышеприведенные жалобы, конечно, весьма преувеличены, но, поскольку дело идет о китайской общественности, заявление американского органа вполне отвечает истинному положению вещей. Никто теперь не может оспаривать колоссальной роли, которую уже играет русско-китайское соглашение в китайском национальном движении. Послушайте, каким языком заговорила китайская пресса—не левая, не студенческие листки, не органы Гоминдана или коммунистической партии, но газеты, составляющие обычную духовную пищу китайского обывателя:

«Если народ желает, чтобы русско-китайское соглашение было проведено в жизнь, он должен быть готовым пойти за него на тяжелые жертвы, заплатить своей кровью и потом».

Эр-ши-ши-цзи-синь-вэнь.

«Если мы сами не будем бороться, а будем попрежнему полагаться на добрую волю других стран, нам дорого придется заплатить за нашу ошибку. Неужели мы будем упорствовать в своих нелепых надеждах на то, что капиталистические страны могут стать нашими друзьями?»

Сие-хо-жи-бао.

«Фальшивая маска гуманности сорвана с государств, которые ею прикрывались. Под пятой империализма нельзя добыть ни самоуправления, ни об'единения Китая, ни мира, ни свободы. Опыт последних лет должен послужить нам предостережением».

Да-вань-бао.

«Бесполезно ждать пробуждения сознания у тупых паралитиков посольского квартала. Необходимо создать могучее национальное движение, необходимо, чтобы в устах всех китайцев прозвучал лозунг: «Долой неравные договоры».

Цзин-бао.

Повторяем, вышеприведенные цитаты мы взяли из органов, никакого отношения к социализму не имеющих. Конечно, преувеличивать значение пекинской прессы не следует, однако, то обстоятельство, что последняя, несмотря на строгость цензуры, смеет на глазах у дипломатического корпуса говорить подобным языком — весьма знаменательно, как знаменательно и поведение все растущей группы пекинских парламентариев, примкнувших к движению за пересмотр всех договоров, силой навязанных Китаю. Читатели, вероятно, уже знакомы, по сообщениям «Роста», с содержанием телеграмм, посланных этой группой английской рабочей партии, Макдональду, «левому блоку», Эррио и т. д. с требованием отозвания посланников Маклея и Флерио, как и с энергичными резолюциями, принятыми ими на ряде митингов. В настоящее время на очередь дня выдвигается вопрос о создании специальной организации в национальном масштабе для ведения решительной кампании против империализма («Лига борьбы с империализмом»).

Недавнее пожелание, высказанное представителем СССР, чтобы русско-китайское соглашение стало программой действия китайского народа по отношению к империалистическим странам, начинает уже претворяться в жизнь. Отныне, под непосредственным влиянием соглашения, вопрос о пересмотре старых договоров, в том числе и знаменитого протокола 1901 г., поставлен и никакими подачками, никакими Вашингтонскими конференциями не удастся снять его с очереди дня. Такие инциденты, как Ваньсенский (когда командир английской канонерки, патрулирующей воды Ян-цзы, принудил, под угрозой бомбардирования города, расстрелять двух наиболее видных членов корпорации лодочников, убивших в драке одного американца), инциденты, неизбежные при существовании старых договоров, служат лучшим ручательством за то, что антиимпериалистическая агитация не будет ощущать недостатка в стимулах. В какие формы выльется в конечном счете эта агитация, предсказать сейчас довольно трудно, во всяком случае, можно быть уверенным, что удержать старые договоры, дальнейшее существование которых грозит превратить возрождающийся Китай чуть не в колонию мирового империализма, великим державам не удастся.

V.

ШАМИНСКАЯ СТАЧКА.

«Когда после англо-китайской войны 1861 г. иностранцы вернулись в Кантон, они нашли свои фактории и резиденции разрушенными и получили взамен Шамин. Тогда это был только песчаный и болотистый кусок земли, теперь же—это прекрасный островок, треть которого принадлежит французам, а две трети—англичанам. Здесь именно и живут иностранцы и путешественник найдет все удобства в «Victoria Hotel». Остров усажен деревьями и является одной из приятнейших резиденций тропического Китая. Нередко беспорядки, происходящие в Кантоне, как и присутствие пиратов в каналах дельты, придают особую приятную остроту жизни шаминцев». Так, приблизительно, живописуется Шамин в одном из путеводителей по Китаю. Не мешает, однако, добавить, что за разрушенные фактории и резиденции иностранцы своевременно получили сторицею, и что английская часть Шамина была, как гласит контракт, уступлена британским властям в вечное владение за годовую ренту в 1.500 коперов за му. Сии 1.500 коперов за му в год англичане продолжают платить и поныне в то время, как за то же самое «му» крестьянин самой захолустной деревушки Куантонской провинции платит несравненно дороже. Впрочем, на то он и китаец, а не английский джентльмен!

Вот в этой «приятнейшей резиденции тропического Китая» и разыгралась знаменитая стачка, продержавшая более месяца знатных иностранцев в положении щедринских генералов, очутившихся на необитаемом острове, но еще не отыскавших своего расторопного и покладистого мужичка. Эта стачка представляет собой столь любопытное явление, что на ней нельзя не остановиться. Ее

значение далеко выходит за пределы местного события, ибо, подобно Гонконгской стачке моряков, она неизбежно учтется национально-революционным движением, не только Южного Китая, как и Китая вообще, но и национально-революционного движения Бирмы, Индо-Китая, Малакки, Сингапура, Нидерландской Индии, Формозы, Филиппин, которые — не надо забывать — связаны с Южным Китаем и его столицей не только своим географическим положением, но и своей экономикой. Эти важнейшие колонии империалистических стран уже с давних пор служат местом иммиграции для чрезвычайно скученного населения Южного Китая, в особенности же для жителей Куантонской и Фукиенской провинций. Кроме того, в течение столетий, многие из них являлись местом убежища для китайцев, не желавших жить под маньчжурским игом. Наконец, совсем недавно китайское же население этих колоний оказывало немалую помощь Сун Ят-сену и людьми и деньгами в его упорной борьбе за республику. В настоящее время роль китайских коммерсантов и китайских пролетариев в экономике этих стран такова, что забастуй они, и хозяйственная жизнь последних окажется в значительной степени парализованной. Примите также во внимание, что вышеупомянутые колонии насчитывают десятки тысяч членов Гоминдана, и вы поймете все потенциальное значение революционного Кантона для судеб национального движения всей Восточной Азии. Если и раньше голландцы, французы, а особенно английские администраторы, косо смотрели на рост в их колониях гоминдановских организаций, то, начиная с Гонконгской стачки, и особенно с конца прошлого года, последние начинают подвергаться уже самым настоящим преследованиям. Реорганизация партии Гоминдан, утвержденная на последнем январском с'езде, т.-е. первая серьезная попытка превращения партии заговорщиков, какой она до того являлась, в партию массового действия, в партию, ставящую своей непосредственной целью организацию и руководство борьбой широких народных масс за полное национальное, политическое и экономическое освобождение страны, чрезвычайно встревожила все империалистические круги, как за «судьбы Китая», так и за «судьбы прилегающих к Китаю колоний». Вхождение, вопреки ярой оппозиции со стороны, так называемых, «старых гоминдановцев» в реорганизованную партию китайских коммунистов во главе с Чен Ту-сиу, публичное выступление Сун Ят-сена с заявлением о необходимости применения в Китае русских методов организации и борьбы,

наконец, грандиозная манифестация при вести о смерти Ленина, манифестация, в которой приняло участие как все Правительство in corpore, так и армия, не говоря уже о рядовых членах Гоминдана, рабочих союзов, студенческих организаций и т. п., — все это было немедленно учтено империалистами и из всего этого были сделаны ими надлежащие выводы. И первый вывод заключался в констатировании того факта, что все заградительные плотины, которые столь тщательно воздвигались для предохранения колоний от «разрушительных идей большевизма», оказались окончательно прорванными. Московские телеграммы можно не пропустить, опасную информацию, касающуюся героической борьбы в далекой Советской России, можно исказить, но замолчать речи Сун Ят-сена, изолировать очаг революционных идей, каким является Кантон, от китайцев, а тем самым от туземцев Индо-Китая, Малакки, Сингапура, Филиппин, Формозы, Явы и т. п., вещь, конечно, невозможная. Кантонская гоминдановская печать, несмотря на все рогатки, широко циркулирует во всех этих колониях. Стоит только почитать хотя бы французские газеты, издающиеся в Индо-Китае, и вы услышите, каким воем и скрежетом зубовным наполнены статьи, посвященные Кантону, succursale de Moscou, «штаб-квартире большевистской пропаганды». Неудивительно, если Кантонское Правительство вызывает у многих империалистов почти такую же ненависть, как и Советское Правительство: против Кантонского Правительства, как когда-то против Советского, ведется самая злостная кампания клеветы, и совсем недавно некоторые присяжные писаки уже дошли до обвинения Сун Ят-сена в злостном намерении приступить «в самом непродолжительном времени» к «национализации женщин».

Если подобные чувства вызывает к себе Кантонское Правительство со стороны империалистов Индо-Китая, Бирмы, Сингапура, Явы, то нетрудно представить себе отношение к нему знатных иностранцев, вынужденных спокойно сидеть на своем Шаминском острове и с чувством «особой приятной остроты» лицезреть апофеоз Ленина, слушать речи Сун Ят-сена, и тупо не понимать, почему громадные толпы народа следуют за гробом безвременно погибшего русского большевика Павлова. Для человека, не жившего в Китае, а потому незнакомого с особой разновидностью империалистов, заселяющих концессии Тянь-цзина, Шанхая, Ханькоу и т. п., трудно себе представить всю глубину нравственных мук резидентов Шамина, при виде стремительной большевизации Китая, а

также от сознания собственного бессилия отплатить проклятым кантонцам, ежедневно отравляющим кровь своим «высокомерием», своими «непомерными претензиями» и даже одним своим видом. Но если ничего нельзя поделать с Кантоном, то, по крайней мере, здесь у себя, в тенистых кварталах Шамина нужно во что бы то ни стало избавиться, хотя бы в часы отдыха, от лицезрения всюду снующих китайцев, как и вообще прибрать их к рукам, указав им их надлежащее место. И вот, у английского и французского консулов заблаговременно припасаются «новые правила», согласно которым все, как живущие, так и приходящие на работы и по своим личным делам, китайцы должны будут подвергаться унизительным обыскам, регистрироваться в полиции и иметь при себе особый паспорт с фотографической карточкой. Более того, новые правила должны будут точно раз'яснить китайцам, где, как и по каким дорогам они должны ходить, как только переступают священный порог Шамина. Беда только в том, что, зная нрав кантонцев, как и урок, данный ими два года тому назад Гонконгским властям, почтенные консульства никак не решаются обнародовать свои правила, все ожидая более счастливого стечения обстоятельств. Но вот само провидение посылает в Шамин высокого гостя в лице губернатора Индо-Китая г-на Мерлина, а вслед за ним аннамского студента, революционера, который производит известное покушение в том самом «Victoria Hotel», в котором, по словам цитированного нами гида, путешественник может рассчитывать на все удобства. Случай, конечно, весьма прискорбный для английского генерального консула, ибо покушение произошло на английской территории, притом в отеле, принадлежащем английскому начальнику шаминской полиции, но в то же время случай единственный для опубликования вышеупомянутых правил. Действительно, на следующий же день Ляо Чун-кай, губернатор Куантонской провинции, официально ставится в известность, что тяжелая ответственность падает на Кантонское правительство, которое допустило такое развитие анархических сил в Кантоне и не смогло воспрепятствовать, если только не поощряло в действительности, анти-иностранной агитации. «Вчерашнее возмутительное происшествие указывает совершенно ясно на необходимость введения строгих правил для китайцев, входящих в Шамин, чему, я не сомневаюсь, Ваше Превосходительство окажет всяческое содействие». В ответ на это, британский генеральный консул получил от Ляо Чун-кая вежливую по форме, но

полную самой жестокой иронии, отповедь, и прежде чем англо-французские власти успели опубликовать свои новые правила, все служащие Шамина, начиная с рабочих и кончая полицейскими сторожами и женской прислугой, сорганизовались в целях не допустить издевательства над собой иностранцев, и добиться во

Маршал Дуан Ун-Жуй.

что бы то ни стало, путем ли мирных переговоров или, в случае неудачи таковых, путем всеобщей стачки и байкота, отмены унизительных правил. Действительно, уже 14 июля, накануне опубликования последних, 800 чел. покинуло Шамин, а на следующий день на англо-французской концессии не осталось ни одного китайца.

«С 15 июля,—пишет один из очевидцев,—в Шамине нет ниодного китайца. Все магазины и конторы закрыты. Водопровод едва поддерживается матросами, которых иностранцы взяли из Гонконга и с близстоящих военных судов. Ам (нянь) нет ни одной, детей на улицах не видать, «куки» (повара) все отсутствуют, шаминские дамы, включая жен консулов, принуждены сами готовить обед. Из Шамина идет поголовное бегство иностранцев, спасающихся, кто в Гонкон, кто в окрестности Кантона. Оставшиеся распределили между собой работу, как напр., раздачу продуктов, и пытаются продержаться до лучших времен. Вся деятельность Шамина, торговые операции контор, банков и т. д. в настоящее время прекратились, ибо все стремления шаминцев направлены теперь лишь на то, чтобы не остаться при всех своих богатствах, голодными. Шамин представляет собой вымерший городок, по которому лишь по утрам двигаются детские колясочки, ванночки, солдатские мешки, ведра,— это иностранцы, без различия чина и ранга, тащат в них лед, молоко, хлеб и проч. продукты, привозимые из Гонконга. Бастующие строго следят за всеми ходами и выходами Шамина, чтобы туда не смел проникнуть ни один китаец. Пытавшиеся пробраться по каким-либо причинам ловились и жестоко тут же на месте наказывались. Вокруг Шамина ездят патрули бастующих, чтобы не пропускать никого с лодок. Около мостов также стоят патрули с плакатами, на которых написано: «Всякий китаец, который войдет в Шамин, будет считаться изменником». Китайская набережная почти сплошь усеяна бастующими, прохожими и зеваками. Примостившись на лодках, на крышах, перилах, как на насестах, китайцы с любопытством и насмешкой наблюдают каждого проходящего иностранца. Иностранцы стараются как можно меньше показываться на открытых улицах».

Общее количество бастующих достигает 6.500 чел., из них 3.500 составляют рабочие, служащие и прислуга, и 3.000 чел. — транспортники, работающие на линии Гонконг—Шамин. Последние, об'явив забастовку солидарности, продолжают работу между Гонконгом и Кантоном, но для Шамина всякая доставка и разгрузка товаров прекращена абсолютно. Образцовое ведение забастовки, как и стойкость бастующих, в значительной степени об'ясняются тем, что с самого же начала руководство движением взяла на себя федерация кантонских рабочих, при помощи которой был образован чрезвычайно работоспособный и хорошо спевшийся комитет из 21 человека, во главе с заместителем предсе-

дателя Союза Моряков, членом Гоминдана, и одним хорошим работником - коммунистом в качестве вице-председателя. В самом же начале при комитете были созданы — Секретариат, Отдел Пропаганды, Финансовый Отдел, Отдел Общих Дел, Ревизионная Комиссия и так называемый Отдел Контролеров для борьбы с штрейкбрехерством. Забастовка встретила полное сочувствие в самых различных слоях китайского общества. Лучше всего, конечно, это видно из того, что сбор пожертвований, произведенный на второй же день стачки, дал около 6000 долларов. Китайскими артистами, при чем совершенно бескорыстно, был устроен в пользу бастующих целый ряд благотворительных спектаклей. Командующий Хунанской армией генерал Тан Ин-кай согласился уступить бастующим громадное помещение театра Хайчоу. Любопытно также отметить, что даже такой милитарист, как Шен Хун-ин, столь же недавний, сколь и ненадежный союзник Сун Ятсена, ведущий в настоящее время борьбу с провинцией Гуаньси, прислал в комитет бастующих своего представителя для выражения рабочим искреннего сочувствия. Однако, если стачечники сумели продержаться более месяца и победить, то главная заслуга в этом принадлежит, конечно, Кантонскому пролетариату с его высоко-развитым чувством рабочей солидарности. Мы уже видели, что руководство стачкой взяла на себя федерация кантонских рабочих, что во главе Стачечного Комитета находился вицепредседатель Союза Моряков, и что с самого начала грузчики и транспортные рабочие линии Гонконг — Шамин присоединились к забастовке. Наконец, 25 июля, благодаря об'явлению стачки солидарности кули-грузчиками пароходных компаний «Тайку» и «Джитин», приходящие в Кантон океанские пароходы остаются неразгруженными. Можно сказать вполне определенно, что если бы для успеха Шаминской стачки потребовалось солидарное выступление всех служащих и рабочих иностранных предприятий Кантона и Гонконга, то в таковом выступлении сомневаться не приходилось бы. Гонконгский и Кантонский Союзы моряков с первых же дней заявили, что они готовы поддержать шаминцев всеми средствами, вплоть до забастовки. Это было прекрасно известно, как британскому генеральному консулу, так и высшей администрации Гонконга. Вот почему, помимо посылки из Гонконга нескольких военных пароходов с солдатами для охраны Шамина ни к каким военным и морским демонстрациям англо-французские власти прибегнуть не решились. Британский генеральный консул

не предполагал, что опубликованные им новые правила могут вызвать столь единодушный и решительный отпор со стороны китайских служащих, рабочих и прислуги. Натолкнувшись на этот отпор, увидав, что никакой провокацией не дезорганизовать ряды стачечников, за спиной которых стоит весь организованный пролетариат Кантона, получив, повидимому, сильную головомойку от губернатора Гонконга, не говоря уже о настойчивых представлениях со стороны японского и американского консулов о необходимости быстрейшей ликвидации стачки, причиняющей колоссальные убытки иностранным коммерсантам и банкирам, британский генеральный консул вынужден был, после длительных и весьма бурных совещаний со своим коллегой французом и представителем шаминских резидентов, согласиться на аннулирование новых правил. Кроме того, Стачечному Комитету было официально сообщено, что за исключением лишь 28% резидентов, все остальные согласились уплатить рабочим и служащим за время забастовки. Комитет готов был принять предложение шаминских властей, выразив желание покрыть из собственных средств 28% жалованья бастующих. Все были уверены, что 21, 22-го июля забастовка закончится, ибо по существу требования бастовавших удовлетворялись. Однако в последний момент, желая хоть чем-нибудь смягчить свое полное поражение, британский консул выступил с новым требованием: он категорически отказался принять обратно на службу китайских полицейских и рабочих водопровода. Это привело к окончательному разрыву переговоров, ибо представители бастующих решительно заявили, что рабочие и служащие выйдут на работу лишь при условии, что ни один из них, к какой бы категории он ни принадлежал — не потеряет своего места. Хотя весьма быстро консул уступил в вопросе о принятии на службу рабочих, тем не менее стачка продолжалась, ибо забастовавшие решили во что бы то ни стало добиться принятия на службу и полицейских сторожей, насчитывающих всего несколько десятков человек. Стачечный Комитет прекрасно понимал, что даже в случае удовлетворения этого требования, китайские полицейские будут в самом же непродолжительном времени уволены по одиночке, под предлогом провинности по службе, но для него важен был самый моральный эффект победы и в этом пункте. 12 августа, т.-е. на 29 день забастовки, британскому генеральному консулу пришлось уступить и в вопросе о полицейских. Забастовка была об'явлена законченной, и 13-го

утром все должны были выйти на работу. Однако, когда полицейские явились на службу, их принудили подписать прошение об увольнении. Это вызвало такое негодование среди бастующих, что стачка возобновилась с новой силой. К движению присоединились все рабочие и служащие иностранных резиденций Таншанского предместья, исключение было сделано лишь для «Советской Миссии». Таким образом и последний провокаторский маневр англо-французских властей потерпел полное фиаско, и лишь из уважения к Сун Ят-сену, которому пришлось выступить посредником, Стачечный Комитет согласился на то, что полицейские, после возвращения на службу, сами подадут заявление об увольнении, но зато им не только уплачено жалованье за время забастовки, как и остальным служащим и рабочим, но каждый из них получит еще наградные в размере нескольких месяцев жалованья; кроме того, все они будут зачислены в ряды полиции Кантонского Муниципалитета. 19 августа, после триумфальной демонстрации вокруг Шамина, демонстрации, сопровождавшейся оглушительными взрывами бесчисленного количества петард, необходимой принадлежности всякого китайского торжества,—все рабочие и служащие вышли на работу. Так закончилась знаменитая Шаминская стачка, которая наравне с Гонконской составит одну из славных страниц в истории китайского рабочего движения. «Необходимо отдать себе ясный отчет,—пишет North China Daily News, — что Шаминская стачка лишь внешне является забастовкой служащих, по существу же она есть не что иное, как повторение, только в меньшем масштабе, Гонконгской стачки, есть борьба между китайскими коммунистами и иностранцами». Хотя, «английский официоз Дальнего Востока» нарочито употребляет слово «коммунист» в целях устрашения, тем не менее нужно признать, что он отдает себе достаточно ясный отчет в характере Шаминской стачки. Впрочем, с самого же начала ни стачечники, ни руководители стачечников и не думали скрывать истинного значения начатой ими борьбы. В воззвании «Секретариата Транспортных Рабочих Востока» говорилось: «Эта забастовка — политическая забастовка, и потому она крайне важна. Эта забастовка непосредственно касается политической свободы Южного Китая и косвенно — всего Китая... В интересах Китая сохранить свои права и завоевать себе полную независимость, как и содействовать независимости всех народов Азии... Ибо независимость каждой страны Востока — не местный вопрос того, или иного, восточ-

ного народа, но вопрос всего Востока в целом, его борьба против мирового империализма»... «Транспортные рабочие, поддерживающие сношения со всеми странами на Востоке,—говорилось в заключении, — должны обратить все свое внимание на ход этой забастовки и оказать в случае надобности всю возможную помощь... От имени Секретарита Транспортных Рабочих Востока мы обращаемся к вам, — будьте на-страже и осуществите единый фронт угнетенных наций Востока против мирового империализма».

Именно потому, что стачка носила исключительно политический характер, что она самым живейшим образом затрагивала престиж империалистов и прежде всего престиж Британской Империи во всей восточной Азии — британскому генеральному консулу так тошно было принять все условия стачечников, расписаться в своем бессилии капитулировать перед китайскою чернью. Каждый лишний день стачки причинял колоссальный ущерб иностранным фирмам, в первую голову — британским. Однако, несмотря на это, по вине британского же генерального консула, стачка затянулась более, чем на месяц, и, если британский посланник в Пекине не счел возможным призвать консула к благоразумию для охраны интересов шаминских банкиров и коммерсантов, то и это об'ясняется опять же заботой об интересах английских банкиров и коммерсантов всех британских концессий в Китае. Ибо «если сегодня уступить в Шамине, то завтра придется уступить в Шанхае, Тянь-цзине, Ханькоу, Вейхайвее и т. д.». Уже цитированный нами английский официоз вздумал было грозить кантонцам, что в результате таких «ирредентистских движений», как Шаминская стачка, иностранные фирмы могут перенести свою деятельность в другие порты Китая. Почтенная газета в своем увлечении не приняла, вероятно, во внимание, что приведение в исполнение подобных угроз повело бы за собой перенесение деятельности всех иностранных фирм за пределы Китая. И в Тянь-цзине, и в Шанхае, и Ханькоу, как и в других «открытых портах» Китая, Шаминская стачка вместе с Гонконгской рассматривается лишь, как прелюдия, как первые страницы великой истории борьбы, начатой молодым китайским пролетариатом с насильнической политикой великих держав. Уже в двух стачках наиболее могущественная из держав вынуждена была позорно капитулировать и тем самым воочию показать всю призрачность своего могущества. Будь во главе Китая, действительно, Национальное Правительство, подобное тому, каким на юге пы-

тается сделаться Кантонское, никаких новых Вашингтонских конференций для пересмотра взаимоотношений великих держав с Китаем не понадобилось бы. Здесь, в Пекине, в Тянь-цзине, Шанхае, Ханькоу, как и в других «открытых портах», китайские кули, китайский рабочий, в союзе с китайским крестьянином, сумел бы пересмотреть свои взаимоотношения с иностранцами и заставить их признать, наконец, что в Китае они все же только гости, а не хозяева. Такого правительства еще нет, и сказать, скоро ли, будет, довольно трудно, ибо многое указывает на то, что при создающейся здесь кон'юнктуре истинно-национальным правительством в Китае может, повидимому, стать лишь Правительство, опирающееся прежде всего на рабоче-крестьянские массы.

VI

О ЧЕМ И КАК ПИШУТ КИТАЙЦЫ.

Когда появилась знаменитая книга Марко Поло: «Le livre de Marko Polo, citoyen de Venise, Conseiller privé et Commissaire impérial de Koubilai Klan», мало кто из современников обратил на нее внимание. Люди, черпавшие свои знания о далеких загадочных странах из фантастических россказней Мандевиля, нашли правдивейшее из описаний монголо-китайского мира чересчур баснословным. Так противоречил этот мир всем сложившимся понятиям того времени. То было шесть столетий тому назад, когда путешествие из Москвы в Камбалик (Пекин) требовало не менее полутора-двух лет. В настоящее время поездка в Пекин отнимает менее двух недель, однако, великий китайский мир остается для большинства из нас почти такой же terra incognita, как и для современников Марко Поло. Уэльсу, чтобы поразить воображение читателя (если бы он задавался этой целью) незачем путешествовать на луну или изобретать «машину времени», ему достаточно правдиво изобразить быт, нравы, политический и социальный строй Китая, хотя бы накануне боксерского восстания, т.-е. всего два десятка лет тому назад. При самой незначительной маскировке подобный роман смело мог бы сойти за самую фантастическую утопию из жизни неведомой планеты. Впрочем, не только для романиста, но и для историка, социолога, экономиста нет сюжета более благородного, чем Китай, в частности Китай последних двадцати лет. Читая в «Правде» или «Известиях» сообщения *Роста* о стачках китайских рабочих, о студенческих демонстрациях, о конфликте Кантонского Революционного Правительства с кантонской буржуазией, многие ли отдают себе отчет

в том, какую колоссальную ломку должен был проделать Китай, чтобы подобные явления стали возможными. Даже такой богатейшей фантазии, какой обладает автор «Борьбы миров», не создать картины более грандиозной, чем картина столкновения китайского мира с миром Запада, столкновения стремительно вовлекающего колоссальную страну чуть не с полмиллиардным населением в орбиту великой истории современности.

Присмотреться ближе к этому столкновению, к этой борьбе, познакомиться с тем, как живет, что думает, как осознает себя возрождающийся Китай в том вихре мировых событий, в котором ему суждено принимать с каждым днем все более и более активное участие, является, конечно, необходимостью для всех, интересующихся дальнейшей эволюцией человечества, для нас же, граждан Советской России, чьи судьбы имеют тенденцию переплестись в ближайшем будущем с судьбами Китая, эта необходимость является еще более настоятельной.

О Китае имеется колоссальная литература, но главным образом о Китае старом, о современном же Китае, Китае сегодняшнего дня книг более или менее ценных не столь уж много. При чем даже лучшие из них страдают кардинальным недостатком: они никак не могут поспеть за китайской действительностью. Китай так стремительно эволюционирует, что теперь каждый год, если не каждое полугодие составляет собою чуть не целую эпоху в его жизни. Вот почему китайская периодическая печать, в частности китайские «толстые журналы» являются необходимыми пособиями при изучении современного Китая. Однако, несмотря на то, что интерес к Дальнему Востоку у нас заметно повысился, ни в одном из толстых советских журналов до сих пор еще не введен отдел обозрения китайской печати, многим же редакторам сама идея подобной реформы, вероятно, не приходила в голову. Так, несмотря на географическое соседство, все еще далек от нас Китай... Чтобы показать, насколько подобное отношение к молодой печати великой пробуждающейся к новой жизни страны несправедливо, мы решили дать ряд обозрений китайских толстых журналов, останавливаясь более подробно на статьях и материалах, касающихся взаимоотношений Китая с Советской Россией.

Прежде чем знакомить читателя с китайскими коммунистическими и гоминдановскими органами, особенно богатыми указанными статьями и материалами, мы считаем уместным остановиться предварительно на наиболее распространенном, как и на

наиболее регулярно выходящем, журнале «Восток» (Тон-Фан-Цачи), издающемся «Commercial Press», знаменитый шанхайским издательством, имеющим в Китае более сорока отделений. Каждый номер этого двухнедельного журнала содержит от ста-пятидесяти до двухсот страниц приблизительно такого же формата, как «Красная Новь» или «Печать и Революция». Строго определенной физиономии журнал не имеет, ибо издательство преследует исключительно коммерческие цели, дает все, что может интересовать широкую читающую публику, т.-е. главным образом, китайскую интеллигенцию. Эта невыдержанность, отсутствие определенной мысли, конечно, большой недостаток, но в то же время недостаток, делающий «Восток» наиболее показательным для широких тенденций китайской общественности.

Обычно, каждая книжка «Востока» открывается краткими обозрениями китайских и иностранных событий; за ними следуют статьи, посвященные политико-экономическим, социальным и научным вопросам, после чего идет отдел беллетристики, состоящий главным образом из коротких рассказов и пьес; «материалы», содержащие всякого рода документы дипломатического, политического и социального характера, а также наиболее любопытные статьи, появившиеся в других органах. В конце всегда прилагается краткая летопись событий за истекшие две недели. Что особенно бросается в глаза русскому читателю — это отсутствие в «Востоке» отдела литературной критики, занимающей такое почетное место в наших толстых журналах; отсутствие, об'ясняющееся тем, что литературная критика, в современном смысле этого слова, находится в Китае пока еще в рудиментарном состоянии. Нужно, однако, отметить, что предисловиями Ху Ши, Цьен Сюан-тон'а, Чэн Ту-сиу, к новому изданию шедевров китайского романа, как и специальной работой Ю Пин-по, посвященной Хан-Лоу-мон'у, одному из величайших памятников китайской литературы, начало такой критике уже положено. Но не будем отклоняться в сторону и посмотрим, что дает читателю последняя книжка «Востока» (21-й том, № 13). Вначале, в отделе китайской и иностранной жизни помещен ряд, и на этот раз весьма популярно и довольно грамотно написанных, очерков. Для русского читателя, интересующегося Китаем, эти обозрения-сводки представляют, без сомнения, большую ценность, но, конечно, лишь в той части их, где говорится о китайских событиях, а не заграничных, ибо такие очерки, как «Политические перемены во

Франции», «Президентские выборы в Америке», «Кризис итальянского фашизма» и т. д. не только составлены на основании, главным образом, английских и американских Magazines и французских Revues, но и, в значительной степени, пропитаны их духом. Из очерков, посвященных китайской жизни, заслуживает в этом номере внимания, особенно в виду последних событий, «краткое обозрение гражданской войны в Китае за истекшее полугодие».

Переходя к главному отделу — социально-политическому и научному — мы встречаем следующие статьи и корреспонденции.

1. «Новая кон'юнктура во взаимоотношениях великих держав на Дальнем Востоке и судьба Китая» — Хау Лу.

2. «История восстановления дипломатических сношений Китая с Россией» — Чан Сен-шан'а.

3. «Доклад экспертов и решение вопроса о германских репарациях» — Хуан Вей-чи.

4. «Левые выборы и французские политические партии»—Леу Тан-сун'а.

5. «Результаты работ китайских ученых Цинской династии в области синологии (Продолжение) — Лиан Тси-чао.

6. «Новые открытия в области телефонографии» — Хан Тюан-шен'а.

Лиан Тси-Чао, китайский писатель.

7. «В стране дикарей» (заметки о быте и нравах туземцев острова Хай-нана) — Хан Ши-юан'а.

Из вышеуказанных статей наиболее ценной бесспорно является статья Лиан Тси-чао. Новое исследование знаменитого китайского публициста, посвященное синологам Цинской династии, должно, без сомнения, самым живейшим образом заинтересовать русских китаеведов. В тот момент, когда с выступлением на сцену нового поколения молодых китайских исследователей, вооруженных научными методами Запада, перед синологией открываются самые блестящие перспективы, подвести итоги, работе, проделанной в той области старыми поколениями китайских уче-

ных, весьма необходимо. То, что работа проделана ими немалая, признают уже и иностранные синологи. «В области синологии, — говорит Анри Масперо, — мы нашли готовыми немало предварительных работ, которые в других научных дисциплинах пришлось проделать ценою больших усилий; китайские ученые, не ожидая нас, составили прекрасно словари, энциклопедии, географические, библиографические и эпиграфические сборники, не говоря уже об исторических работах; они сумели установить критические издания и т. п. Общий план синологических изысканий был уже намечен, и нам не понадобилось медленно создавать его путем последовательных открытий».

Если статья Лиан Тси-чао ценна главным образом для синологов, то статья Чан Син-шен'а, а особенно статья Хуа Лу: «Новая кон'юнктура во взаимоотношениях великих держав на Дальнем Востоке» интересны уже не только для специалистов.

Как известно, вопрос о созыве «новой Вашингтонской конференции для урегулирования взаимоотношений великих держав с Китаем» опять выдвигается на очередь дня. От'езд из Пекина французского, американского, а в непродолжительном времени и английского посланников на родину для личного доклада соответствующим правительствам, как и специальная миссия, возложенная на британского посла в Токио по обследованию положения в Китае, явно свидетельствуют о том, что и Франция, и Англия, и Америка стоят накануне пересмотра своей дальне-восточной политики. Предполагаемая конференция, принимая во внимание как эволюцию Китая за эти два-три года, так и изменивруюся мировую кон'юнктуру, будет значительно отличаться от Вашингтонской. Если три года тому назад гвоздем конференции — поскольку дело шло о Китае — является шандунский вопрос или, говоря более обще, — японская политика в Китае, то на этот раз уже не японской, а советской политике в Китае суждено доминировать на предстоящих прениях. Это обстоятельство, в связи с укреплением международного положения СССР делает почти невозможным принятие каких-либо решений помимо последней. Присутствие же советской делегации на конференции может служить гарантией, что вопрос о дальнейших взаимоотношениях империалистических стран с Китаем будет на этот раз поставлен с надлежащей ясностью и решительностью. Многое также говорит за то, что именно в связи с этой конференцией определится и русская политика Америки. Все это вместе взятое является достаточным основанием,

чтобы взаимоотношения империалистических держав, как между собой, так и с Китаем, привлекли к себе внимание широких советских кругов. Знать, как разбираются в этих вопросах сами китайцы, представляет настолько значительный интерес, что мы решили остановиться на статье Хуа Лу, краткое резюме которой помещаем ниже.

Можно ли в настоящий момент считать Китай страной независимой? — спрашивает Хуа Лу в начале своей статьи. Нахождение на китайской территории иностранных гарнизонов, присутствие в китайских внутренних водах иностранных военных судов, иностранный контроль над важнейшими путями сообщения, право экстерриториальности, отсутствие самостоятельной внешней политики, затем тот факт, что главные статьи доходов Китайского Правительства, исключая лишь поземельный налог, служат обеспечением иностранных займов и, наконец, отсутствие у Китая права свободно устанавливать свою таможенную политику,—все эти ущемления китайского суверенитета,—отвечает автор, — достаточно красноречиво показывают, что о полной независимости Китая говорить не приходится. Более того, если Китай все еще сохраняет некоторое подобие независимости, если он еще не превратился окончательно в колонию мирового империализма, то этим он обязан исключительно соперничеству между собой великих держав: Англии, Франции, России, Японии, Германии, Австрии, Италии и Америки. До европейской войны роль Америки в Китае была весьма значительной; между остальными державами, разделявшимися уже тогда на две группы — Англию, Францию, Россию и Японию, с одной стороны, и Германию, Австрию, Италию, с другой — установилось т. н. «равновесие», которое временно гарантировало Китаю дальнейшее прекращение захвата его территории. Европейской войной это равновесие было нарушено. Германия и Австрия ретировались с Дальнего Востока; Англия, Франция и Италия, занятые войной, тоже стушевались. Советская Россия отказалась от захватнической политики царского режима. Остались лишь Япония и Америка, влияние которых раньше сравнительно мало сказывалось. Теперь, благодаря отсутствию конкуренции, им не только удалось сильно двинуть вперед свою торговлю, но и наложить при помощи всякого рода займов свою руку, как на естественные богатства Китая, так и на его пути сообщения. Особенно преуспела в этом отношении Япония, что, помимо географической близости, об'ясняется ростом за время

войны японского экономического и политического могущества, а также тем, что на Японии лежала защита англо-французских колоний Азии, почему ни Великобритания, ни Франция не смели решительно выступать против столь ценного союзника. Япония, естественно, не преминула использовать столь благоприятно сложившуюся для нее ситуацию, и в результате Китай вынужден был согласиться на знаменитые 21 требования. Продлись война еще в течение нескольких лет, трудно было бы сказать, что сталось бы с Китаем.

С окончанием войны Франция, Италия, а главное Англия, вновь обращают свои взоры на Китай в надежде, при помощи грабежа последнего, возместить убытки, причиненные войной. Однако в Китае и вообще на Дальнем Востоке, они натолкнулись на совершенно новую обстановку, — Япония и Америка, вытеснив европейские державы, сделались чуть не гегемонами Тихого Океана. Особенно чувствительно сказалась происшедшая перемена на стране, привыкшей считать себя владычицей Азии, т.-е. на Великобритании, чьи интересы в Китае были также наиболее солидными. Империалистическая Япония превратилась из «сторожевого пса Англии» в великую державу, начала выдвигать доктрину Монро в приложении к Азии и настаивать на своих «специальных правах» в Китае, т.-е. стала таким же опасным конкурентом для Англии, каким раньше была Германия. Англо-японский союз теряет таким образом свой raison d'êrte и вместо него намечается союз Великобритании с Америкой, в свою очередь встревоженной выросшим могуществом, как и решительным поведением Японии.

Вообще говоря, Америка является опасным конкурентом Великобритании, но на Дальнем Востоке, по крайней мере, в настоящее время, ее конкуренция не столь опасна для последней, как конкуренция Японии. Кроме того, в отличие от Америки, Япония стремится в Китае не только к приобретению экономических выгод, но и к территориальным захватам, а это обстоятельство угрожает самым основам колониального могущества Великобритании в Азии.

В Вашингтоне, вследствие совместных действий Америки и Англии, — Японии, попавшей в изолированное положение, пришлось пойти на ряд уступок в Шандунском вопросе, а главное в вопросе о своих «специальных интересах в Китае». Эта же конференция ясно показала, что отныне основным фактом дальне-восточной кон'юнктуры является соперничество Англии и Америки с Японией. Если бы конференции, говорит автор, — удалось создать

прочное равновесие между вышеуказанными державами, это дало бы Китаю передышку, которой он мог бы воспользоваться для своего освобождения из-под ига империализма. К сожалению, на длительность создавшегося равновесия рассчитывать не приходится, ибо конфликт между Америкой и Японией, повидимому, неизбежен.

Необычный рост американского индустриального и финансового могущества при падении покупательной способности Европы, как и отсутствие у Америки достаточных рынков в Азии и Африке, уже поделенных Англией и Францией, заставляют американских банкиров обратить специальное внимание на Китай с его неисчислимыми естественными богатствами и колоссальным населением. Однако за последние десять лет, не только Америка, но и Япония сделала громадный прогресс (сравнительно, конечно,) в области индустрии и промышленности, при чем для японской индустрии обладание китайским рынком является вопросом жизни или смерти. Пока Америка наживалась на Европе, американско-японская конкуренция в Китае особенно не чувствовалась, но с окончанием войны она обнаруживает тенденцию становиться с каждым днем все более и более жестокой, а параллельно с этим все более и более ухудшаются американско-японские отношения, начинает быстро назревать американско-японский конфликт. Расторжение англо-японского союза, вынужденные уступки на Вашингтонской конференции, проект расширения Сингапурской базы, явившейся враждебной Англии демонстрации по отношению к своему недавнему союзнику, сентябрьская катастрофа, наконец, провокационное поведение американского конгресса в вопросе о японских эмигрантах заставляют Японию жадно стремиться к тому, чтобы выйти из своего изолированного положения, становящегося с каждым днем все более и более опасным. И вот на очередь дня выдвигается франко-японский союз.

Далеко отставая в своем индустриальном развитии не только от Англии, но и от Германии, обладая притом значительными рынками в своих азиатских и африканских колониях, Франция сравнительно мало обращала внимания на Китай. С приобретением, в результате европейской войны, провинций, обладающих богатейшими залежами железной руды и каменного угля, перед ней открывается перспектива быстрой индустриализации, а следовательно, и ожесточенной борьбы за рынки с главными капиталистическими странами: Америкой и Англией. Если до сих пор ее

внимание было почти исключительно поглощено европейскими делами, борьбой в Африке и на Ближнем Востоке, то в недалеком будущем ей придется обратить внимание и на Дальний Восток, т.-е. главным образом на Китай. Необходимость противодействия англо-саксонскому блоку, боязнь русско-германского сближения, как и изолированное положение, толкают Францию, по мнению Хуа Лу, к союзу с Японией. В подтверждение автор ссылается на американскую печать, предсказывавшую в связи с поездкой губернатора Индо-Китая в Японию заключение в недалеком будущем франко-японского союза, в основу которого должны, якобы, лечь следующие пункты:

1. Беспрепятственное допущение японских эмигрантов в Индо-Китай;

2. Франко-японское сотрудничество по эксплоатации естественных богатств Китая;

3. Предоставление Японии, в случае Тихо-океанской войны, права пользоваться французскими морскими базами;

4. Оборонительные меры, направленные против Советской России.

Соперничество франко-японского блока с англо-американским исчерпывало бы собою новую дальне-восточную ситуацию, не будь Советской России, вновь выступившей на Дальнем Востоке, в качестве одного из могущественных факторов. В течение нескольких лет, начиная с 1914 г., Россия как бы совершенно скрывается с китайского горизонта, чтобы вернуться уже в виде новой России, стремящейся в союзе с китайским народом положить конец господству империалистов. «В глазах великих держав, имеющих касательство к Дальнему Востоку, Россия, — говорит автор, — является незванным гостем, которого они не только не желали, но и не ожидали так скоро увидеть. Старая Россия была опасным врагом для многих из них, но все же с ней, как преследующей одинаковые грабительские цели, можно было договориться и сотрудничать. Новая Красная Россия не только не может действовать заодно с империалистическими странами, но еще стремится к тому, чтобы разрушить самый фундамент, на котором они здесь держатся. Словом, с точки зрения империалистических держав СССР выступает на Дальнем востоке в роли «изменника». Неудивительно, если Карахан является занозой в глазу всех членов Пекинского Дипломатического Корпуса, источником их пессимистического настроения. Однако никакой пессимизм не может изменить того факта, что

Россия вновь становится здесь важным фактором, открывая в то же время новую эру в жизни Восточной Азии. По отношению к Китаю ей приходится вести совершенно независимую дипломатию, ибо фактически она не может присоединиться ни к англо-саксонской, ни к франко-японской группировкам».

Итак, трем силам, по мнению автора, суждено отныне играть доминирующую роль на Дальнем Востоке, из них первая представлена Америкой и Англией, вторая — Японией и Францией и третья, одинаково враждебная двум первым, сила представлена Советской Россией.

В заключение, указывая на пример Турции, автор призывает китайский народ стать на путь независимой дипломатии, работать над укреплением своего экономического и политического могущества, а главное — над «созданием хорошего правительства», «ибо, — говорит он, — главным фактором, определяющим судьбы Китая, в конечном счете явится сам же китайский народ».

Таково, приблизительно, содержание статьи Хуа Лу. Многое, конечно, можно возразить против отдельных положений автора: напр., он почти совершенно игнорирует решающую роль англо-русского соперничества в истории зарождения англо-японского договора, он преувеличивает японские уступки на Вашингтонской конференции, совершенно забывая, что последняя закрепила доминирующее военно-морское положение Японии в Восточной Азии, наконец, автором дается несколько упрощенный анализ взаимоотношений Японии, Англии и Америки, особенно последних двух. Мировой антагонизм, как прекрасно развивал Троцкий в одном из своих недавних докладов, пролегает не столько по линии борьбы франко-японских интересов с англо-саксонскими, сколько по линии борьбы интересов внутри самого же англо-саксонского мира, т.-е. по линии соперничества между Соединенными Штатами и Великобританией. Это соображение необходимо внести как корректив к картине, нарисованной автором, картине, в общем верной, поскольку она ограничивается сегодняшним днем, не захватывая широких перспектив будущего.

«История восстановления дипломатических сношений Китая с Россией», статья Чан Син-шена, на которой тоже не мешает остановиться, разбивается на две части: первая представляет собой краткий очерк захватнической политики старой России на Дальнем Востоке, начиная со второй половины XVII века и кончая падением самодержавия; во второй части автор пытается проследить исто-

рию дипломатических сношений Советской России с Китаем вплоть до подписания русско-китайского соглашения, но, нужно сказать, пытается не совсем удачно. Последнее об'ясняется главным образом тем, что автор, работая с весьма сомнительными материалами, не сумел отнестись к ним критически, вследствие чего получилась не столько история китайско-советских сношений, сколько история того, как Пекинское правительство старалось освещать (вернее искажать) эти сношения перед китайским обществом.

Напр., сам же автор вынужден в конце признать, что «начиная с 17 года великие державы являлись помехой русско-китайскому сближению» и что подписание Соглашения 31 мая многим обязано «консперативным способностям» министра иностранных дел Веллингтона Ку, сумевшего скрыть от бдительного ока представителей великих держав переговоры, предшествовавшие подписанию. Однако на всем протяжении своей статьи, разбирая последовательно деятельность миссий Юрина, Пайкеса и Иоффе, он почти совершенно игнорирует решающее влияние Пекинского Дипломатического Корпуса на поведение Китайского Правительства в русском вопросе. Статья главным образом люлюбопытна лишь потому, что даже такой мало симпатизирующий Советской России китаец, каким является ее автор, не может не признать громадного значения за Русско-Китайским Соглашением, «открывающим, по его словам, новую эру в истории китайской дипломатии».

Об интересе, проявляемом китайским обществом к русско-китайским переговорам, свидетельствует печатание «Востоком» обширных документов, касающихся последних; так в разбираемой нами книжке приведен полный текст Соглашения, как и все дополнительные ноты и документы. Интересно отметить, что ни один советский журнал этого еще не сделал — явление, свидетельствующее о том, что до сих пор у нас еще не вполне осознано все значение наших взаимоотношений с Китаем.

Мы не можем закончить наш обзор, не отметив появление в литературном отделе «Востока» комедии Луначарского «Король-артист». Не имея подлинника, трудно судить о точности перевода. Во всяком случае китайским языком переводчик владеет; пьеса читается сравнительно легко и без сомнения возбудит к себе большой интерес, тем более, что принадлежит она перу одного

из тех немногих советских деятелей, чьи имена хорошо известны широким кругам китайской интеллигенции.

Если говорить об общем впечатлении от журнала «Восток», то придется, конечно, признать, что еще многое в нем носит характер ученической подражательности, хотя встречаются и довольно ценные самостоятельные статьи. Во всяком случае, даже при всех своих несовершенствах, он указывает на громадный прогресс, сделанный Китаем за последние годы. Уже по нашему беглому обзору всего лишь одного номера, при чем далеко не лучшего, можно убедиться в широте интересов китайского читателя. Молодой Китай зорко присматривается, жадно изучает мир Запада и даже пытается критически разбираться в чрезвычайно сложном клубке переживаемых миром событий. Молодой Китай вышел из приготовительного класса, когда каждое слово Запада принималось на веру. В то же время все растущий интерес его к Советской России, сказывающийся даже на содержании журналов, издаваемых Commercial Press, служит гарантией того, что грозная опасность духовной американизации китайской интеллигенции, а главное молодого подрастающего поколения, в значительной степени уже миновала. Америка, американская конституция, американская культура, американские идеалы, всего лишь несколько лет тому назад почти безраздельно господствовавшие в умах и сердцах китайской молодежи, потеряли свое недавнее обаяние и с каждым днем все более и более тускнеют перед суровым героическим ликом Советской России.

VI.

КАНТОНСКАЯ БУРЖУАЗИЯ И ГОМИНДАНОВСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО.

Последние события в южном Китае: конфликт буржуазной милиции с гоминдановским правительством, всеобщая стачка коммерсантов в Кантоне и в близлежащих городах, а главное, вмешательство английских властей, ультиматум британского генерального консула и манифест Сун Ят-сена привлекли к революционному Кантону всеобщее внимание. И это, конечно, вполне понятно. Удержится ли гоминдановское правительство, или же будет сброшено совместными усилиями кантонской буржуазии и иностранных империалистов — вопрос далеко не местного порядка, тем более, что в настоящее время Кантон представляет собою не только центр революционного движения в Китае, но и передовой аванпост всех угнетенных народов Восточной Азии. Недаром в глазах администраторов, прилегающих к Китаю колоний великих держав, Кантон—это новая Москва, Москва, возникающая в самом уязвимом месте мирового империализма. Если даже теперь, когда власть гоминдановского правительства далеко не простирается на всю провинцию Куантон, когда затяжной финансовый кризис в значительной мере парализует его деятельность, когда большинство генералов лишь номинально признает его, когда буржуазные, компрадорские элементы вносят смуту и раздор в ряды самой партии, если даже при таких обстоятельствах британскому империализму дважды пришлось капитулировать, первый раз в *Гонконге* и второй раз в *Шамине*, то что будет, когда гоминдановское правительство укрепится, когда, благодаря смелой реформаторской деятельности ему удастся при-

влечь на свою сторону не только рабочих, но и многомиллионное куантонское крестьянство. Вот почему революционный Кантон, как непосредственная угроза для колониальных и полуколониальных владений великих держав в Восточной Азии, должен быть, по мнению последних, во что бы то ни стало раздавлен. Однако все попытки, предпринимаемые до сих пор в этом направлении, терпели полное фиаско, в том числе и недавняя попытка английских империалистов. *Ультиматум британского генерального* консула, явившийся замаскированным призывом к буржуазной милиции свергнуть гоминдановское правительство, желаемого действия, как известно, не возымел; стачка коммерсантов была ликвидирована, и уступить пришлось не правительству, что, конечно, было бы для него моральным самоубийством. Конфликт между куантонской буржуазии все же далеко нельзя считать улаженным. Носятся упорные слухи о новом выступлении буржуазных добровольческих отрядов в ближайшем же будущем. Состоится ли это выступление или нет, сказать определенно нельзя, ибо благодаря вспыхнувшей войне между Чжэцзян'ом и Цзянси (назван. кит. провинц.) сведения из Кантона поступают весьма нерегулярно. Во всяком случае, так называемое «добровольческое движение», организованное куантонской буржуазией, представляет собою настолько любопытное явление, что на нем следует остановиться.

Прежде всего мы должны сказать, что уподоблять «*шан-туан*» добровольческие отряды куантонской городской буржуазии, или «*мин-туан*» — добровольческие отряды гуандонской сельской буржуазии итальянским фашистским отрядам приходится лишь с значительными оговорками. В условиях китайской жизни организация *шан-туан* и *мин-туан* есть явление далеко не реакционное, поскольку оно знаменует собою рост классового самосознания китайской буржуазии, пытающейся сорганизоваться для вооруженного отпора милитаристским кликам, хозяйничающим во всех китайских провинциях. Говорим, «во всех китайских провинциях», ибо, вопреки попыткам некоторых русских китаеведов подвести классовый базис под происходящую милитаристскую склоку в Китае, приходится констатировать, что ни одна из существующих в Китае милитаристских клик ни на какой основной общественный класс не опирается.

Никакого сращивания *Чан Тсо-лина* с «манчжурскими аграриями» или *Цао Куня* и *У Пей-фу* с буржуазией среднего Китая, сращи-

вания, которое уже сказывалось бы в области политики, пока еще не наблюдается. И Чан Тсо-лин и У Пей-фу и Цао Кунь и *Тси Сье-юан,* генерал инспектор *Цзянсу, Анхойя и Цзянси,* не говоря уже о более мелких милитаристах северного, среднего, южного и юго-западного Китая, находятся в совершенно изолированном положении. Пожирая все государственные и провинциальные доходы на содержание своих все растущих армий и таким образом парализуя, как дело народного образования, так и все другие необходимые общественные службы, милитаристы взамен не дали даже самой элементарной безопасности. Никогда еще бандитизм не достигал таких громадных размеров, как в настоящее время, когда почти ни одна провинция не может похвастаться отсутствием более или менее значительных разбойничьих банд, от которых зачастую не спасают даже крепкие стены уездных городов. Если большие города сравнительно защищены от этой опасности, они не защищены от самоуправства солдатчины, и даже в самом Пекине коммерсантам торгового квартала Цьенмэна приходится содержать на собственные средства особую милицию для охраны своих магазинов. Что касается крестьянского населения, особенно беднейших слоев его, то как общее правило, оно относится к бандитам несравненно лучше, чем к так называемым регулярным войскам.

Ни в отношении бандитизма, ни в отношении милитаристского гнета Куантонская провинция не составляет исключения, если только не побивает рекорда.

«Последние несколько лет не прекращающейся гражданской войны создали *в провинции Гуандон* такое положение, что внутреннее сообщение в самой провинции, особенно там, где нет никаких военных частей, находится в руках бандитов, требующих уплаты им определенной таксы, или просто производящих грабежи, как и похищение самих жителей в целях получения выкупа. Ни одна джонка не может благополучно совершать своих рейсов, если пиратам не уплачена «контрибуция». Большинство деревень находится под «опекой» бандитов и вынуждены платить им «налоги», если не желают подвергнуться разграблению».

Этот любопытный документ мы заимствуем из гоминдановской газеты *Куан-Бао.* Подобных документов можно привести сколько угодно. Думаем, однако, что будет достаточно отметить еще одно характерное свидетельство другой гоминдановской газеты, тоже издающейся в Кантоне.

«За последнее время,—пишет «*Новая Республика*»,—провинция Гуандон покрыта отрядами бандитов и пиратов, не дающих коммерсантам возможности вести мирную торговлю. Нет почти таких мест в провинции, за исключением густо заселенных солдатами, где бы пираты не контролировали водное сообщение. Если так будет продолжаться и в дальнейшем, коммерсанты принуждены будут прекратить свою деятельность и ограничиться лишь местной торговлей».

Но если «густо заселенные солдатами» местности избавлены от бандитов, от этого еще их положение не становится более завидным. В то время как бандиты облагают контрибуцией главным образом богатых, или, во всяком случае, зажиточные элементы, солдаты дерут и с богатого и с бедного. Все попытки гоминдановского правительства по реорганизации так называемых «союзных армий», по подчинению их единому командованию до сих пор успехом еще не увенчались, и войска «кормятся» непосредственно на счет того населения, которое они «охраняют». Помимо того, последнее терпит от своих охранителей и другого рода притеснения.

«Позабытый было обычай арестовывать кули для переноски солдатского багажа вновь воскрес, — пишет *Куан-Бао,* — и солдаты, несмотря на запрещение своих офицеров, производят массовые аресты кули, а в деревнях — крестьян и заставляют их уходить с ними и нести их багаж. Сун Ят-сен обратился ко всем командирам военных частей с приказом пользоваться исключительно своими нестроевыми частями для переноски тяжестей и солдатского багажа, отнюдь не принуждая к тому жителей». Нужно ли прибавлять, что вне Кантона этот приказ и по сие время не исполняется. О поведении солдат «союзных армий» в самом Кантоне можно судить, хотя бы по тому, что совсем недавно Сун Ят-сену пришлось приложить немало усилий, чтобы уговорить командиров эвакуировать их «доблестное воинство» за пределы города. Все это мы приводим не в укор партии Гоминдан, особенно *реорганизованной партии Гоминдан,* которая уже совершенно неповинна в том, что положение в Куантонской провинции мало чем отличается от положения в провинциях, находящихся под пятой северных милитаристов. Во всяком случае факт остается фактом: несмотря на то, что Гуандон в течение многих лет являлся центром так называемого «конституционалистского движения», широкие народные массы куантонской провинции, как городское

население, так и в особенности крестьянство, никакого заметного улучшения своей участи от присутствия в южной столице всякого рода конституционалистских правительств не видели. Что же касается предыдущих «карательных экспедиций» Сун Ят-сена против Севера, то они являлись настоящим бичом для местного населения, наводняя деревни солдатами и бандитами.

Не для борьбы с социализмом, как и не для борьбы с гоминдановским правительством, но для борьбы с бандитизмом и произволом милитаристов и солдатчины были организованы *Шан-Туан* и *Мин-Туан,* т.-е. добровольческие отряды городской и сельской буржуазии. Организация первых добровольческих отрядов в самом Кантоне относится еще к периоду революции 1911 г. В 1912 г. кантонские коммерсанты выхлопатывают у центрального правительства разрешение не распускать, а сохранять и впредь свои отряды милиции «в целях поддержания законности и порядка». В то время общее количество добровольцев в Кантоне не превышало 1.500 человек. К началу текущего года оно уже достигло 13.000 человек, разбитых на десять полков. В каждом полку из 1.300 человек — 700 считаются настоящими добровольцами, имеющими право хранить оружие у себя на дому, и 600 человек — рекрутами, еще не получившими этого права. Чтобы стать волонтером, кандидат должен пробыть в рекрутах по меньшей мере шесть месяцев, в течение которых его обучают военному искусству; обучение обыкновенно происходит лишь по утрам. В рекруты принимаются лишь физически способные в возрасте от 20 до 45 лет; кроме того, каждый желающий записаться должен быть рекомендован двумя фирмами, которые берут на себя или только ручаются за внесение им 300 мексиканских долларов на покрытие расходов, обмундирование и обучение. Некоторые фирмы, содержат на свой счет по нескольку десятков волонтеров. В каждом из десяти участков Кантона имеется полк милиции, владеющий своими казармами и бараками, общая стоимость которых исчисляется приблизительно в два миллиона долларов. Высший командный состав состоит из главнокомандующего и двух заместителей, начальника штаба, генерального комиссара, судьи, квартирмейстера, главного инспектора и его помощников; командный состав полка приблизительно тот же самый, что и в регулярных войсках.

Что касается добровольческих отрядов сельской буржуазии, то обычно они организуются при так называемых «*Тун По Кук*», или

«Обществах Самозащиты», имеющихся с незапамятных времен почти в каждой более или менее значительной группе деревень (своего рода волости). Во главе *«Тун По Кук»* находится правление, составляемое из делегатов от деревень, каждая из которых, вернее, ее «старшие и именитые» члены имеют право делегировать от одного до пяти человек в зависимости от числа жителей, зажиточности и вносимых деревней денег. Обычная административная работа лежит на секретаре (писаре), помимо которого избирается еще председатель (старшина), вице-председатель и начальник «волостной» полиции (староста). Должности председателя и вице-председателя считаются почетными, и потому занимающие их жалованья не получают, им выдаются лишь дорожные расходы. Председатель и секретарь правления служат посредниками между уездными властями и жителями, входящими в состав данного общества; они же решают все незначительные тяжбы и дела; в более важных случаях—совместно с остальными членами правления, т.-е., как мы уже сказали, с наиболее богатыми и влиятельными членами сельских обществ и *кланов,* ибо гуандонские деревни зачастую представляют собою не только территориальные единицы, но и отдельные кланы, что, однако, отнюдь не означает общности имущества, так как даже церковные земли, т.-е. земли, приписанные к «храму предков» фактически эксплоатируются в пользу лишь немногих семейств.

Если раньше Общества, состоящие, скажем, из десяти-пятнадцати деревень содержали каких-нибудь полтора-два десятка полицейских сторожей, то теперь многими из них организованы добровольческие отряды, насчитывающие сто и более вооруженных волонтеров, навербованных «из лучших молодых людей», которых поддерживают и за которых ручаются лучшие дома и наиболее крупные торговые фирмы данной местности. Отряды отдельных Обществ, как и целых уездов, в случае нужды об'единяются и тогда представляют собою довольно внушительную силу. Утверждают, напр., что войска, посланные в прошлом году У-Пей-фу на помощь генералу *Шен Хун-ину,* потерпели поражение в значительной мере благодаря действию местных добровольческих отрядов. Непосредственной функцией последних является все же не столько борьба с северными, сколько борьба со своими собственными милитаристами, охрана жизни и имущества жителей от покушений и чрезмерных притязаний «опекающих» их регулярных войск.

Судя по тому, с какой быстротой шла за последние годы организация куантонской буржуазией своих сил (утверждают, напр., что количество добровольцев во всей провинции равняется приблизительно двум стам тысячам человек) нетрудно было предсказать, что недалеко то время, когда эта буржуазия из обороны перейдет в наступление и окончательно вырвет власть из рук военных клик, заразив своим примером и другие провинции. Со стороны тех, кто видит «спасение Китая» в завоевании власти буржуазией, организация в Кантоне добровольческих отрядов могла быть только приветствуема. Действительно, исключая коммунистические и лишь в самое последнее время левые гоминдановские органы, вся остальная пресса с большой симпатией следила и сейчас следит за продвижением к власти куантонских буржуа. Любопытно, однако, отметить на первый взгляд довольно пародоксальное явление, а именно: наибольший энтузиазм добровольческое движение возбуждает у иностранных империалистов. Французская, японская, а особенно английская и американская прессы, начиная приблизительно с конца прошлого года, т.-е. с момента, когда вопрос о реорганизации партии Гоминдан был поставлен на очередь дня, внезапно переполняется диффирамбами по адресу главнокомандующего *Чан Лим-пака* и его «доблестных добровольцев». Явление, говорим, довольно пародоксальное, ибо в самом деле: китайский буржуа идет к власти, которой он не преминет воспользоваться для освобождения себя из-под опеки иностранного буржуа, а этот последний только радуется. Чем это об'яснить? А об'яснить это можно главным образом тем, что вслед за американцами и другие империалисты начинают отдавать себе отчет, что самая непосредственная, самая реальная опасность грозит им не со стороны китайской буржуазии, а со стороны «зараженного большевизмом» китайского студента, китайского кули, а главное китайского рабочего и китайского крестьянина; со стороны не буржуазной, а народной, социальной революции. Английскому империализму первому пришлось во время *Гонконгской стачки моряков,* парализовавшей величайший мировой порт, столкнуться с китайскими рабочими и китайскими кули и... капитулировать. Его вторичная капитуляция в Шамине была еще более знаменательна, ибо на этот раз всеобщая стачка служащих и рабочих англо-французской концессии закончилась полной победой, исключительно благодаря усилиям кантонского организованного пролетариата. «Это не стачка служащих, — писали английские газеты, — это борьба китайского

большевизма с иностранцами». Таким образом, начиная с Гонконгской стачки, организованное рабочее движение в Китае рассматривается империалистами, как большевистское орудие, направленное прежде всего против их привилегий.

Что касается студенчества, то по выкладкам самих же иностранных миссионеров, половина, а то и две трети его, если не «окончательно большевизирована», то во всяком случае обнаруживает социалистические тенденции. «Миссионеры рассматриваются, как сторонники капитализма», — с сокрушением констатирует китаец-миссионер. Для социалистически настроенных китайских студентов проповедники являются потребителями, а не производителями. Раз духовные миссии, рассуждают они, финансируются иностранными капиталистами, то эти миссии неизбежно должны являться защитниками капиталитического режима. Церкви и иностранные резиденции с их прекрасной архитектурой служат предметом зависти и ненависти, они как бы символ паразитической жизни на счет плодов чужого труда. Вот почему китайская молодежь считает, что в предстоящей классовой борьбе она не только должна будет сражаться с капиталистами, но и с теми, кто связан с капиталистической системой, т.-е. христианами.

Однако ни «экстремизм студенчества», ни даже «большевизация пролетараита» при настоящих условиях не так страшат иностранных империалистов, как грозный призрак проникновения большевистских идей и лозунгов в голодную китайскую деревню, представляющую такую прекрасную почву для революционной пропаганды. Действительно, несмотря на чрезвычайно благоприятные климатические условия, несмотря на удивительное плодородие почвы, как и несмотря на каторжный труд, прилагаемый к земле подавляющее большинство китайского крестьянства живет в самых ужасных условиях. Всякого рода стихийные бедствия, столь частые в Китае, как наводнения, засухи, принимают благодаря чрезвычайной скученности и бедноте китайского населения колоссальные размеры. Можно сказать, что в любой момент Китай располагает внушительной армией голодных, готовых пристать ко всякому революционному движению, способному облегчить их участь, в настоящий же момент эта армия насчитывает миллионы, если не десятки миллионов человек.

«В Шандунской, Чжилийской, Хэнанской и Шенсийской провинциях, — пишет Рой Андерсон, один из лучших знатоков современного Китая, — имеются громадные площади с миллионами

жителей, стоящих на краю голодной смерти. Отсюда выходят разбойники, здесь же организуются и антиправительственные банды... Солдаты тоже вербуются в пораженных неурожаем местностях и, естественно, все их симпатии находятся на стороне земляков. Достаточно еще немного усилиться гнету, и целые провинции Севера перейдут на сторону революции. Революция придет, не может не притти...» Необходимо отметить, что эти слова были написаны еще до последних стихийных бедствий, обрушившихся на Китай.

Вот другое свидетельство, на этот раз китайца, которое мы находим в американском журнале The China Wllkly Reviera в статье, носящей весьма характерное заглавие: Agricultural unrest may lead to bolshevism in China.

«Говоря откровенно, — читаем мы в этой статье, — наши крестьяне живут под постоянной угрозой голодной смерти, вследствие чего среди них во многих местах существует серьезное брожение; это же обстоятельство лежит в основе бандитизма, а также заставляет многих бояться, что большевизм найдет свою дорогу в Китай».

«Опасность» проникновения большевистских лозунгов в крестьянские массы тем более реальна, что вопреки шаблонному взгляду на Китай, как на страну мелких земельных собственников par excellence в целом ряде провинций, в том числе и в Куантонской, насчитывающей более 30 милионов жителей, аграрный вопрос, взаимоотношения безземельного и малоземельного крестьянства с крупными земельными собственниками стоят весьма остро и обнаруживают тенденцию обостряться все более и более. Последние годы, годы бесцеремонного присвоения *милитаристами* и их приспешниками государственных и провинциальных доходов, как равно и сумм, доставляемых всякого рода внешними займами, годы, рассматриваемые некоторыми, как своеобразный период первоначального накопления, долженствующий превратить сотни больших и малых «тутюнов» в крупных промышленников и заводчиков, ознаменовались не столько ростом китайской индустрии, сколько концентрацией земельной собственности и дальнейшим обезземеливанием китайского крестьянина. Награбленные милитаристами миллионы обычно идут не на открытие новых фабрик и заводов, но на скупку земель, что, конечно, не дает еще оснований утверждать, будто милитаристы опираются на класс крупных земельных собственников или ведут свои непрекращающиеся войны в интересах последних.

В Гуандонской провинции этот процесс концетрации земельной собственности тем более значителен, что китайские капиталисты Голландской Индии, Сингапура, Индокитая, Сиама и т. д., обладающие зачастую колоссальными состояниями, являются главным образом выходцами из Куантона. Многие из них, возвращаясь в свою провинцию, значительную часть благоприобретенных капиталов кладывают опять же в землю.

Все вышесказанное необходимо принять во внимание для уяснения себе, каким образом такое слабое правительстов, как кантонское, может возбуждать у иностранных империалистов глубочайшую ненависть, а главное—неподдельную боязнь. В самом деле, кажется, что может быть слабее, призрачнее, чем правительство Сун Ят-сена, не могущее до сих пор ни прекратить разбоев, ни обуздать свои «союзные армии», ни разрешить финансового кризиса; правительство, для борьбы с войсками которого повсеместно и открыто организуются буржуазией добровольческие отряды, правительство, на всякую попытку которого ввести новые налоги, коммерсанты отвечают всеобщими стачками, правительство, почти исключительно опирающееся лишь на партию Гоминдан, да на «зараженных большевизмом» рабочих. Все это так и все же это слабое, это призрачное гоминдановское правительство внушает, повторяем, весьма сильный и непризрачный страх как иностранным империалистам, так и китайским реакционерам. Причина же этого странного явления в том, что приблизительно с конца прошлого года партия Гоминдан под непосредственным влиянием уроков русской Революции решительно порывает со своей прошлой деятельностью и пытается путем широкой пропаганды и организации опереться на рабоче-крестьянские массы Китая, для чего ей прежде всего приходится приступить к собственной организации, используя боевой опыт русской коммунистической партии. «Россия должна нам служить руководящим примером, — убеждает Сун Ят-сен своих сторонников, — если мы сможем при наших условиях реорганизовать нашу партию по образцу правящей партии в России, то через три года положение в Китае кардинально изменится». Слова Сун Ят-сена падают на уже подготовленную почву. Партия стремительно берется за организацию. Вот как описывает этот исторический перелом в жизни Гоминдана один из очевидцев:

«Партия Гоминдан точно ожила. Начинаются собрания за собраниями. Сун Ят-сеном выдвигается специальный комитет по

пересмотру устава и программы, устраиваются огромные, по несколько тысяч человек, митинги, на которых членам партии раз'ясняется смысл и необходимость реорганизации, выпускается огромное количество литературы, газет, листков и т. д., наконец, избирается временный Центральный Комитет, который и берет в свои руки руководство всеми партийными делами.

Кантонская партийная организация, начавшая уже было хиреть и возродившаяся точно по мановению волшебного железа, принимает стройную форму 12 районов с 60 отделами и подотделами. Все члены партии берутся под строгий учет и регистрируются. Каждый район, строго подчиняясь центру, ведет свою внутреннюю работу, устраивая регулярные собрания через свои районные комитеты, которыми он и управляется. Организованный центральный партийный орган дает директивы и широко популяризует смысл происходящих в партии Гоминдан событий, за самое короткое время (октябрь — январь) превративших ее в действительную партию, могущую выступить уже организованно перед лицом врага.

Еще 11-го ноября происходило последнее реорганизационное собрание партии, а 13-го, только что перестроившаяся организация получила уже боевое крещение. В этот день, войска *Чен Цзюнмина* подступили к самому Кантону, и сражение происходило почти в воротах города. Но партия Гоминдан, на этот раз более связанная с массами, не бросает поста, а бьет тревогу в свои районы и мобилизует все свои силы для защиты Кантона от неприятеля. Члены партии развивают небывалую деятельность, особенно в рабочих районах; организуются отряды добровольцев, куда только в первые два дня записалось из 12 районов более 500 человек; каждый отдельный район берет шефство над военными частями и снабжает их продуктами, одеждой, деньгами и подарками. На фронт бросаются отряды пропагандистов для раз'яснения значения происходящей войны, — словом, партия Гоминдан в самое короткое время связывает тыл с фронтом, и армия, получившая и материальную и моральную поддержку, перешла в наступление и разбила врага. Этот эпизод наглядно показал, что без сочувствия масс и без активного и организованного участия всей партии в целом, враг находился бы теперь в Кантоне, и что начатая работа по реорганизации партии должна продолжаться, ни минуты не ослабевая, и должна коснуться всех существующих как в Китае, так и в колониях гоминдановских организаций».

В январе месяце созывается с'езд партии, на котором присутствуют как делегаты от всех китайских провинций, так и делегаты от заграничных гоминдановских организаций Индокитая, Бирмы, Британской Индии, Сиама, Малакки, Сингапура, Голландской Индии, Филлипин, Австралии и т. д. Одно перечисление гоминдановских организаций, насчитывающих лишь в ближайших колониях великих держав десятки тысяч членов, показывает, что

Ляо-Чун-Кай, член ЦК Гомидан, б. губернатор Гуандуна и ныне министр финансов Кантонского правительства.

удельный вес гоминдановского правительства нельзя измерять, основываясь *лишь на размерах территории*, которую оно в настоящее время фактически оккупирует. Если даже общее количество членов Гоминдана, представленных на с'езде, приходится уменьшить в десятки раз, чтобы получить приблизительную цифру действительно ценных элементов, способных составить ядро реорганизованной партии, то и в таком случае последняя должна пред-

ставлять собою настолько внушительную силу, что боязни иностранных империалистов удивляться особенно не приходится. При том настроении студенчества, рабочих, а главное при том нестерпимом экономическом положении подавляющего большинства китайского крестьянства, о которых мы говорили выше, для революционной работы реорганизованной партии открывается грандиозная арена уже в самом Китае и прежде всего в Гаундонской провинции.

Продолжая опираться лишь на членов партии, на революционную молодежь и рабочих, кантонскому правительству, конечно, не устоят против натиска своих могущественных врагов; поэтому самый вопрос его дальнейшего существования неразрывно связан с вопросом: удастся ли ему, при чем в самом ближайшем будущем, привлечь на свою сторону куантонское крестьянство, что, разумеется, в свою очередь, зависит от того, удастся ли ему провести в жизнь неотложные аграрные реформы и прежде всего понижение арендной платы. Принимая, однако, во внимание великолепную организованность гуандонской сельской буржуазии, имеющей в своем распоряжении сильные добровольческие отряды, всякая реформа, затрагивающая интересы этой буржуазии, заранее обречена на неудачу, если не будет поддержана могущественными организациями малоземельного и безземельного крестьянства. И вот само правительство бросает эксплоатируемому куантонскому крестьянству лозунг: «организуйтесь».

«Главным стимулом в борьбе Гоминдана за социализм, — говорит Сун Ят-сен, обращаясь к крестьянским делегатам, — является желание освободить крестьянство от эксплоатации. Но если вы сами не будете бороться, то наша работа не может быть успешной. Помните, что у нас теперь республика, вы больше не рабы императора, а господа нации. Эта республика — ваша; она должна быть для вас и через вас. Если вы сами не освободите себя, никто не сделает этого за вас. Если вы не организуетесь в сильный союз, то можете быть уверены, что вы будете терпеть самую жестокую эксплоатацию со стороны других уже сорганизованных классов».

Нетрудно, конечно, представить себе, каким эхом должны отдаваться подобные речи главы кантонского правительства в сердце угнетенного китайского крестьянства, и как неприятно в то же время должны звучать они в ушах иностранных империалистов, прекрасно знающих, что дойдут они, эти магические слова, и до туземного крестьянства эксплоатируемых ими колоний. Одна

перспектива того, что гоминдановское правительство, имеющее тенденцию стать рабоче-крестьянским, правительство открыто заявляющее притом о своем непреклонном намерении освободить Китай из-под ига империализма, сможет окончательно утвердиться в Куантонской провинции, уже невыносима для британского импераилизма, и потому неудивительно, если последний стал изыскивать всевозможные средства, чтобы избавиться от такого опасного для его колониальных владений соседства.

Но как это сделать без открытого вмешательства, столь неудобного при существовании в Англии правительства Макдональда, вынужденного считаться с настроениями английской рабочей партии? Самое лучшее, конечно, если бы правительство Сун Ят-сена можно было ликвидировать при помощи самих же китайцев. Новая ориентация партии Гоминдан, вхождение в нее китайских коммунистов, неоднократное публичное заявление Сун Ят-сен'а о необходимости для Китая использовать в целях своего освобождения опыт русской революции, наконец, грандиозное чествование памяти Ленина, — все это, разумеется, не могло не встревожить кантонскую буржуазию, уже давно недовольную правительством за его доброжелательное отношение к рабочим союзам. И вот английская пресса, издающаяся в Китае, а особенно гонконгская, используя эту тревогу и это недовольство, начинает вопить о «большевизации Гоминдана», о намерениях Сун Ят-сена приступить в ближайшее же время к «введению коммунизма»; организация правительством военной школы изображается, как первый шаг к созданию Красной армии, (на что, мол, Советской Россией уже отпущены значительные средства), — словом дается все возможное, чтобы еще более запугать как городскую, так и сельскую буржуазию. С другой стороны, та же пресса ежедневно поет диффирамбы добровольческим отрядам, указывая, как легко могли бы они свергнуть ненавистное для населения правительство». Однако, делаются попытки не только путем прессы «пробудить классовое самосознание» гуандонской буржуазии, но и более непосредственно, что значительно облегчается следующим обстоятельством. — Во главе добровольческих отрядов стоит целый ряд буржуа, тесно связанных с английским финансовым и коммерческим миром, и прежде всего Чен Льен-по (в куантонском произношении Чан Лим-пак), компрадор Шаминского отделения.

26 мая в Кантоне по инициативе вышеуказанного Чан Лим-пака открывается с'езд добровольческих отрядов провинции, на который

прибывают делегаты от более, чем ста организаций различных городов и уездов Гаундона; ни представители прессы, ни члены Гоминдана на заседания не допускаются; Чан Лим-пак избирается главнокомандующим всех добровольческих сил и публично заявляет: «Если в ближайшее время правительство окажется неспособным восстановить тишину и порядок, то при помощи добровольческих полков граждане смогут сами взять на себя эту ответственность». Не заручившись поддержкой англичан, компрадор Гонконг-Шанхайского банка едва ли бы посмел выступить с подобным заявлением.'

Далее, хотя правительство, встревоженное поведением добровольцев, отказывается зарегистрировать созданную ими «Об'единенную Организацию», требуя изменения устава в смысле подчинения правительственному контролю, тем не менее добровольцы продолжают открыто готовиться к новому с'езду, назначенному на 13-е августа, и оповещают о предстоящих в этот день торжествах. Недели за две до с'езда Чан Лим-паку удается получить из бюро военного министерства разрешение на выписку из-за границы двух тысяч винтовок. На самом деле оружие им было давным-давно выписано, при чем в значительно большем количестве, и со дня на день должно было прийти к Кантон, при чем правительство абсолютно ничего не знало и, вероятно, так и не узнало бы, если бы сами английские власти не уведомили его. Столь неожиданная любезность со стороны последних вначале чрезвычайно озадачила кантонское правительство, лишь потом убедившееся, что за английской любезностью скрывалась самая подлинная провокация. Английские власти великолепно рассчитали, что предупрежденное ими правительство не может не задержать оружия, с другой стороны кантонская буржуазия, давшая деньги на оружие, не может не протестовать против его конфискации; что же касется добровольческих отрядов и их главнокомандующего, игра которых оказывалась раскрытой, они вынуждены будут выступить против правительства. Таким образом конфликт между куантонской буржуазией и Гоминданом делается неизбежным. Если в критическую минуту победа, благодаря вмешательству английских властей, склонится на сторону добровольцев, и правительство Сун Ят-сен'а будет ликвидировано, или крайней мере «обезврежено», кто бросит камень в английских властей за их вмешательство, вызванное «исключительно гуманитарными соображениями, желанием предотвратить кровопролитие».

Собственно говоря, почти все так и вышло, как предполагали английские власти. Гоминдановское правительство конфисковало оружие, прибывшее на норвежском пароходе «Hav», Чан Лим-пак бежал в Гонконг, комемрсанты Кантона и соседних пригородов об'явили всеобщую стачку, провинциальные добровольческие отряды стали постепенно стягиваться к Кантону, и когда 29-го числа кризис достиг наивысшего напряжения, английский генеральный консул представил правительству ультиматум, в котором, между прочим, говорилось, что «если китайские власти откроют по городу огонь, все имеющиеся морские силы Великобритании немедленно выступят против них». Иначе говоря, добровольческие отряды могли, под прикрытием пушек английских военных судов, безнаказанно переходить в наступление.

Многие утверждают, что английский генеральный консул действовал лишь с ведома гонконгских властей и что не только Макдональд, но и британский посланник в Пекине абсолютно ничего не знали об ультиматуме. Удайся, мол, генеральному консулу без шума свалить «ненавистное» правительство, он мог быть уверен, что Foreign Office увидит в его самодовольном поступке не превышение полномочий, но лишь проявление разумной инициативы и энергии. Свалить же правительство казалось в тот момент чрезвычайно легко.

Хотя Сун Ят-сен ввел часть «союзных войск» в Кантон, тем не менее вполне рассчитывать он мог лишь на свою образцовую военную школу, да на спешно организованные рабочие батальоны, еще не вполне умеющие владеть оружием. В самой партии Гоминдан дело обстояло далеко неблагополучно благодаря так называемым «старым гоминдановцам», т.-е. правому крылу, состоящему в значительной части из буржуазных элементов, а то и из развращенных политиканов, уже потерявших всякий революционный дух, если они вообще когда-либо его имели, любящих больше спокойно проживать в трудные времена на иностранных концессиях, чем вести опасную работу пропагандиста, и потому боящихся, как огня, возбудить против себя недовольство представителей великих держав, могущих в любое время закрыть для них двери своих концессий. Для этих элементов производимая реорганизация партии, вхождение в нее китайских коммунистов, ориентация на Советскую Россию были ножем в сердце. Выступление добровольцев, стачка коммерсантов, как и сам ультиматум английского консула, давали им в руки прекрасный случай

нанести смертельный удар левому крылу, вырвать Сун Ят-сена из-под «вредного влияния» и путем очищения партии от революционных элементов, путем отказа от борьбы с империализмом примирить с Сун Ят-сеном как гуандонскую буржуазию, так и английские власти. Неудивительно, если они столь решительно, столь яро стояли за компромисс и даже за капитуляцию.

Сун Ят-сен не капитулировал и не пошел на компромисс. В ответ на представленный ему ультиматум он обнародовал отненые исторический манифест, клеймивший поведение английский властей и решительно ставивший вопрос о борьбе с империализмом. Таким образом расчеты гонконгских властей и генерального консула взять на испуг гоминдановское правительство не оправдались; добровольческие отряды, несмотря на бряцание оружием, в атаку пойти не посмели; стачка коммерсантов сорвалась. Мелкие лавочники, которые к стачке присоединились с большой неохотой и на которых последняя сказалась, разумеется, наиболее чувствительно, дальше бастовать отказались, а за ними пришлось открыть свои магазины и крупным фирмам. Правительство не только не пало, но, наоборот, благодаря решительному поведению, значительно повысило свой авторитет и еще теснее сплотило вокруг себя все революционные силы. Так, во время конфликта положено было начало организации рабочих и крестьянских добровольческих отрядов, долженствующих служить противовесом отрядам городской и сельской буржуазии. Кроме того, пережитый кризис поставил на очередь дня вопрос об очищении партии от чуждых и по существу глубоко враждебных ей элементов. «В партии Гоминдан, — заявил Сун Ят-сен в интервью опубликованном на-днях «Кантонской газетой», — некоторые члены не понимают проблем, стоящих перед Китаем и, таким образом, действуют в ущерб интересам нации. Им придется изменить свои взгляды, иначе мы должны будем расстаться». Как ни болезненна и, может быть, даже опасна эта чистка, она диктуется всем опытом последних месяцев, наглядно показавшим, что включение в партию на ряду с представителями трудящихся масс представителей крупной буржуазии, компрадорских кругов, не только не ведет к усилению партии, но только ослабляет ее, парализует ее работу в то время, как от нее требуется наивысшее напряжение сил, чтобы закрепить за собою Гуандон, задача, которая, по настоящее время остается далеко не выполненной. Не следует обманываться: несмотря на одержанную победу, положение кантонского

правительства продолжает быть чрезвычайно опасным. Гуандонская буржуазия, точнее, гуандонская городская и сельская олигархия, руководящая добровольческим движением, конечно, никогда не сможет примириться с правительством, ищущим опоры в трудящихся массах; в свою очередь северные милитаристы, т.-е. прежде всего партия Чжили, ждут только первого удобного случая, чтобы разделаться с революционным Кантоном; наконец, третья и, пожалуй, сама серьезная опасность грозит со стороны английского империализма. По последним сообщениям в Гонконге под предлогом оказания помощи пострадавшим от наводнения уже собираются фонды для усиления кампании генерала Чен Цзюн-мина, еще не оставившего надежды свалить Сун Ят-сена.

Но, если в борьбе с гуандонской городской и сельской олигархией, как и в борьбе с северными милитаристами, революционному Кантону приходится полагаться лишь на поддержку китайских трудящихся масс, да на сплоченность, энергию, самоотверженность и революционное дерзание членов партии Гоминдан, то в борьбе с английским империализмом он имеет полное право рассчитывать на действенную помощь со стороны европейского пролетариата, в частности английской рабочей партии, которой конечно, никогда не смыть пятна позора, если она допустит новое вмешательство и новые ультиматумы агентов Foreign Office. Говорим: «допустим», ибо теперь, с образованием общества «Руки прочь от Китая», отговариваться неосведомленностью относительно истинного положения вещей в Китае едва ли представляется возможным.

Подводя итоги последним кантонским событиям, приходится сказать, что так называемое добровольческое движение, начинающее перекидываться и в другие провинции, являясь первоначально проявлением классового самосознания китайской буржуазии, пытающейся сбросить иго милитаристских клик, имеет тенденцию привести в конечном счете к установлению олигархии, которая в целях захвата и удержания власти не побрезгует пойти на компромисс и соглашательство с иностранным империализмом. Таким образом при обострении социальных конфликтов, как в китайском городе, так и в китайской деревне, конфликтов, призванных лишь усилить вышеуказанную тенденцию, основными элементами революции, направленной одновременно и против военных клик и против иностранных империалистов, могут быть лишь социалистически настроенная часть китайской интеллигенции, рабочий класс и крестьян-

ство, без выступления которого расчитывать на успешность национально-революционного движения в Китае едва ли представляется возможным. Принимая во внимание колоссальное потенциальное значение Восточной Азии для судеб всего капиталистического строя, а следовательно и для судеб мировой борьбы пролетариата, можно быть уверенным, что великие державы не остановятся ни перед чем, чтобы раздавить народную революцию в Китае, долженствующую неизбежно принять социальный характер. В настоящий момент, когда разгорающаяся война между так называемыми «Чжилийцами» и «Анти-Чжилийцами» делает положение в Китае весьма серьезным и даже критическим, западному пролетариату, а особенно СССР необходимо постоянно быть на страже и с удесятеренным вниманием следить за каждым шагом империалистических держав на Дальнем Востоке.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Приложение 1-е.

Две исторические декларации Китаю, определившие политику Советского правительства в отношении китайского народа.

К КИТАЙСКОМУ НАРОДУ И ПРАВИТЕЛЬСТВАМ ЮЖНОГО И СЕВЕРНОГО КИТАЯ.

В тот день, когда советские войска, разбив армию контр-революционного деспота Колчака, опиравшегося на иностранные штыки и иностранное золото, победоносно вступили в Сибирь и идут на соединение с революционными народами Сибири, Совет Народных Комиссаров обращается ко всем народам Китая со следующими братскими словами:

Советская Россия и Советская Красная армия, после двухлетней борьбы, после невероятных усилий, идут на Восток через Урал не для насилия, не для порабощения, не для завоеваний. Об этом уже знает всякий сибирский крестьянин и всякий сибирский рабочий. Мы несем освобождение народам от ига иностранного штыка, от ига иностранного золота, которые душат порабощенные народы Востока и в числе их, в первую очередь, китайский народ. Мы несем помощь не только нашим трудящимся классам, но и китайскому народу, и мы еще раз напоминаем то, о чем говорили ему со времени Великой Октябрьской Революции 1917 года, но что, может быть, было скрыто от него продажной американско-европейско-японской печатью.

Как только рабоче-крестьянское правительство взяло в октябре 1917 года власть в свои руки, оно от имени русского народа обратилось к народам всего мира с предложением установить прочный постоянный мир. Основой этого мира должен был служить отказ от всяких захватов чужих земель, от всякого насильственного присоединения чужих народностей, от всяких контрибуций. Каждый народ, велик он или мал, где бы он ни находился, жил ли он до сих пор независимой жизнью или был включен против воли в состав другого государства, должен быть свободен в своей внутренней жизни, и никакая власть не должна удерживать его насильно в своих границах.

Рабоче-крестьянское правительство вслед за этим объявило уничтоженными все тайные договоры, заключенные с Японией, Китаем и бывшими союзниками, договоры, которыми царское правительство вместе с его союзниками насилием и подкупом закабалило народы Востока и, главным образом, китайский народ, для доставления выгод русскими капиталистам, русским помещикам, русским генералам. Советское правительство тогда же предложило китайскому правительству вступить в переговоры об аннулировании договора 1896 г., пекинского протокола 1901 г. и всех соглашений с Японией с 1907—1916 г.г., а также возвращении китайскому народу всего того, что было отнято у него царскими правительством самостоятельно, либо заодно с японцами и союзниками. Переговоры по этому вопросу продолжались до марта 1918 года. Неожиданно союзники схватили за горло пекинское правительство, засыпали пекинских мандаринов и китайскую печать золотом и заставили китайское правительство отказаться от всяких сношений с российским рабоче-крестьянским правительством. Не дожидаясь возвращения китайскому народу Манчжурской ж. д., Япония и союзники захватили ее сами, вторглись в Сибирь и даже заставили китайские войска помогать им в этом преступном и неслыханном разбое. А китайский народ, китайские рабочие и китайские крестьяне не могли даже узнать правду, почему произошел набег американских, европейских и японских хищников на Манчжурию и Сибирь.

Теперь мы вновь обращаемся к китайскому народу с целью открыть ему глаза.

Советское правительство отказалось от всех завоеваний, которые сделано царское правительство, отобрав от Китая Манчжурию и другие области. Пусть народы, обитающие в этих областях, сами решат, в границах какого государства они желают быть у себя дома.

Советское правительство отказывается от получения с Китая контрибуции за боксерское восстание 1900 года, и это оно вынуждено повторить в третий раз, потому что, по дошедшим до нас сведениям, несмотря на наш отказ, эта контрибуция взыскивается союзниками для удовлетворения прихоти бывшего царского посланника в Пекине и бывших царских консулов в Китае. Все эти царские рабы давно уже лишены своих полномочий, но продолжают оставаться на своих местах и обманывать китайский народ при поддержке Японии и союзников. Китайский народ должен об этом знать и должен выгнать их со своей земли, как обманщиков и плутов.

Советское правительство уничтожает все особые привилегии, все фактории русских купцов на китайской земле. Ни один русский чиновник, поп и миссионер не смеет вмешиваться в китайские дела, а если он совершит преступление, то должен судиться по справедливости местным судом. В Китае не должно быть иной власти, иного суда, как власть и суд китайского народа.

Кроме этих главных пунктов, советское правительство готово договориться с китайским народом, в лице его уполномоченных, по всем другим вопросам и раз навсегда ликвидировать все акты насилия

и несправедливости, совершенные в отношении Китая прежними российскими правительствами совместно с Японией и союзниками.

Советское правительство хорошо знает, что союзники и Япония сделают все возможное, чтобы и на этот раз голос русских рабочих и крестьян не дошел до китайского народа, что для возвращения китайскому народу того, что было от него отнято, необходимо будет сначала покончить с сидящими в Манчжурии и Сибири хищниками. Поэтому оно посылает теперь свою весть китайскому народу вместе с своей Красной армией, которая идет через Урал на Восток на помощь сибирским крестьянам и рабочим для освобождения их от бандита Колчака и его союзника—Японии.

Если китайский народ хочет стать, подобно русскому народу, свободным и избежать той участи, которую ему приготовили в Версале с целью обратить его во вторую Корею или во вторую Индию,— пусть он поймет, что его единственный союзник и брат в борьбе за свободу есть русский рабочий и крестьянин, и его Красная армия. Советское правительство предлагает китайскому народу, в лице его правительства, ныне же вступить с нами в официальные сношения и выслать своих представителей навстречу нашей армии.

Заместитель Народного Комиссара
по иностранным делам *Л. Карахан.*

25 июля 1919 года.
г. Москва.

В МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ КИТАЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

Более чем год тому назад, 25 июля 1919 года, Народный Комиссариат по Иностранным Делам Российской Социалистической Федеративной Советской Республики опубликовал обращение к китайскому народу и к правительствам северного и южного Китая, в котором Правительство России, отказываясь от всех прежних царских договоров, заключенных с Китаем, возвращая китайскому народу все, что было у него насильно захвачено и присвоено царским правительством и русской буржуазией, — предлагало правительству Китая вступить в официальные переговоры для установления дружественных отношений.

В настоящее время вами получены сообщения о том, что наше обращение получено китайским правительством, и что самые разнообразные слои и организации китайского народа выражают свое искреннее желание, чтобы китайское правительство вступило с нами в переговоры для установления дружественных отношений между Китаем и Россией.

Правительство Китайской Республики делегировало в Москву военно-дипломатическую миссию, во главе с генералом Чжан-Сылином; мы приветствуем с великой радостью приезд китайской мис-

сии в Москву и надеемся, что путем непосредственных переговоров с Вашими представителями мы установим взаимное понимание общих интересов, связывающих Китай и Россию. Мы уверены, что между русскими и китайским народом нет вопросов, которые не могли бы быть разрешены к общему благу обоих народов. Мы знаем, что враги русского и китайского народов стараются помешать нашей дружбе и сближению, они понимают, что дружба двух великих народов и их помощь друг другу укрепит настолько Китай, что никакие иностранцы не смогут тогда закабалить и ограбить китайский народ так, как это происходит сейчас.

К сожалению, что-то мешает скорому установлению дружественных отношений между Китаем и Россией. Ваша миссия, которая могла убедиться в нашем искреннем и дружественном отношении к Китаю, не получила до сих пор надлежащих указаний, чтобы приступить к сформлению дружбы между обоими народами.

Сожалея о том, что сближение замедляется, и, таким образом, важные политические и торговые интересы обоих государств не получают осуществления, Народный Комиссариат по Иностранным Делам, желая помочь делу и ускорить установление дружбы между обоими народами, заявляет, что он неуклонно будет придерживаться тех принципов, которые изложены в обращени Русского Советского правительства от 25 июля 1919 года и положит их в основу дружественного соглашения между Китаем и Россией.

В развитие принципов упомянутого обращения Народный Комиссариат по Иностранным Делам считает необходимым для блага обеих республик предложить Министерству Иностранных Дел Китайской республики следующие основные пункты соглашения:

I.

Правительство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики объявляет не имеющими силы все договоры, заключенные прежним правительствами России с Китаем, отказывается от всех захватов китайской территории, от всех русских концессий в Китае и возвращает Китаю безвозмездно и на вечные времена все, что было хищнически у него захвачено царским правительством и русской буржуазией.

II.

Правительства обеих республик принимают все необходимые меры для немедленного установления регулярных торговых и экономических сношений. В дальнейшем об этом заключается особый договор, с соблюдением принципа наибольшего благоприятствования для обеих договаривающихся сторон.

III.

Китайское правительство обязуется:

1. Не оказывать никакой поддержки отдельным лицам, группам или организациям русских контр-революционеров и не допускать их деятельности на своей территории.

2. Разоружить, интернировать и выдать правительству РСФСР все находящиеся к моменту подписания настоящего договора на территории Китая отряды и организации, ведущие борьбу против РСФСР или союзных с нею государств, и передать правительству РСФСР все их вооружение, припасы и имущество.

3. Такие же обязательства берет на себя правительство РСФСР по отношению к лицам или организациям, ведущим мятежную борьбу против Китайской республики.

IV.

Все граждане России, проживающие в Китае, подчинаются всем законам и установлениям, действующим на территории Китайской республики, и никакими правами экстерриториальности не пользуются; китайские граждане, проживающие в России, подчиняются всем законам и установлениям, действующим на территории РСФСР.

V.

Правительство Китайской республики обязуется:

Немедленно по подписании настоящего договора прекратить сношения с лицами, присваивающими себе звания дипломатических и консульских представителей Российского государства и не имеющих полномочий от правительства РСФСР, и удалить таковых лиц за пределы Китая.

Возвратить Российскому государству, в лице правительства РСФСР, принадлежащие России на территории Китая посольские и консульские дома и прочее посольское и консульское имущество и архивы.

VI.

Правительство РСФСР оказывается от получения каких-либо вознаграждений, выплачиваемых Китаем за боксерское восстание, с условием, что правительство Китайской республики ни в коем случае не будет выдавать эти вознаграждения бывшим русским консулам или каким-либо другим лицам или русским организациям, на это незаконно претендующим.

VII.

Немедленно после подписания настоящего договора устанавливается взаимное дипломатическое и консульское представительство Китайской республики и РСФСР.

VIII.

Российское и Китайское правительства соглашаются заключить специальный договор о порядке пользования Кит. Вост. жел. дор. для нужд РСФСР, при чем в заключении договора, кроме Китая и России, участвует также и Дальне-Восточная республика.

Народный Комиссариат по Иностранным Делам сообщает изложенные пункты соглашения, как основные пункты, которые могут быть дружественно обсуждены с Вашими представителями для внесения в них тех изменений, которые Китайское правительство найдет необходимыми для общего блага.

Отношения между двумя великими народами не исчерпываются изложенным выше соглашением, и представители обоих государств должны будут урегулировать в дальнейшем в специальных соглашениях торговые, пограничные и железнодорожные, таможенные и другие вопросы.

Нами будут приниматься все меры к установлению самой тесной искренней дружбы между обеими сторонами, и мы надеемся, что со стороны Китайского правительства последуют столь же искренние и незамедлительные предложения и будет приступлено к возможно скорому заключению дружественного договора.

Заместитель Народного Комиссара
Иностранных дел *Л. Карахан.*

27 октября 1920 года
№ 6373/2
г. Москва.

Приложение 2-е.

Переписка между официальным делегатом Китайского Правительства Ван-Чжэн-Тином и т. Караханом по поводу восстановления отношений между СССР и Китаем.

23/XI — 23 г.
№ 7406 34.

Милостивый Государь

г. С. Т. ВАН.

Я получил Ваше письмо от 21 ноября, где Вы сообщаете о поездке в Японию и выражаете надежду, что я смогу установить срок открытия конференции с тем, чтобы после возвращения из Японии Вы смогли немедленно приступить к переговорам со мной.

Я был бы рад, если бы конференция могла быть открыта не только немедленно после Вашего приезда из Японии, но еще больше я был бы рад, если бы она была открыта сейчас же по моем приезде в Пекин, еще два месяца тому назад.

К сожалению, я все это время жду ответа от Министерства Иностранных Дел Китайской Республики и от Вас по вопросу о восстановлении нормальных отношений между Китаем и представляемым мною Союзом Республик. Нота Министерства Иностранных Дел от 13 числа 9 месяца текущего года извещала меня, что вопрос о вручении верительных грамот Господину Президенту Китайской Республики Министерством Иностранных Дел выясняется, и, когда момент будет признан подходящим, оно немедленно препроводит мне ответ.

Прошло более двух месяцев. Ответ мною до сих пор не получен, из чего можно судить, что с китайской точки зрения для вручения мною грамот Президенту Китайской Республики не наступило или, иначе говоря, не наступило время для возобновления нормальных дипломатических отношений между Китаем и Союзом.

Если вы помните, в беседе с Вами о сроке открытия конференции я указал, что Правительство Союза настаивает на немедлен-

ном восстановлении нормальных отношений между Китаем и Союзом, и что после этого оно готово немедленно открыть конференцию. К сожалению, Китайское Правительство до сих пор не решилось на этот шаг, который явился бы естественным выражением искренних братских и дружественных чувств китайского народа к народам Союза.

Я был бы счастлив понять Вашу глубокую надежду на открытие конференции в том смысле, что Китайское Правительство решило восстановить нормальные отношения с Союзом и тем обеспечить немедленное открытие русско-китайской конференции ко времени Вашего возвращения.

Желаю Вам благополучного путешествия и успеха в Вашей миссии.

Пользуясь случаем, прошу принять уверения в моем совершенном почтении.

ПИСЬМО ВАН ЧЖЭН-ТИНА

29 ноября 192 г.
№ 451.

На имя Полномочного Представителя СССР г. *Карахана.*
Г-н Карахан.

Мною получено письмо Полномочного Представителя от 23 числа ноября месяца, с содержанием которого я ознакомился. По поводу указания письма на то, что верительные грамоты Полномочного Представителя переданы, но не получен ответ еще М. И. Д., мною уже сообщено М. И. Д., которое обсудит и даст ответ.

Относительно же того, что еще не получен от меня ответ по вопросу о восстановлении официальных сношений между Россией и Китаем, это, повидимому, некоторое недоразумение со стороны П. П.

С самого начала при свидании с П. П. мною было заявлено, что вопрос о восстановлении дипломатических сношений должен быть разрешен вместе с другими требующими разрешения вопросами в своих главных положениях на конференции, и тогда П. П., выяснив это, согласился, почему я не мог, исходя из этой мысли, иметь неоднократные беседы с П. П. и обсуждать вопрос о восстановлении сношений вместе с другими, за исключением вопроса о КВЖД,—наши взгляды сходятся.

Если же иметь в виду вопрос о КВЖД, то взгляды обеих сторон разнятся по существу значительно. Расхождение состоит в том, что П. П., признавая, что все права на КВЖД принадлежат Китаю, считает, что сначала следует согласиться и подписать основные положения, а после иметь соглашение относительно передачи и управления.

Я же стою за то, что вопрос о КВЖД не следует выделять, а он должен быть разрешен на конференции вместе с основными положениями всех вопросов.

Таков характер имевших место бесед. Если же в настоящее время П. П. вдруг по вопросу о восстановлении дипломатических дружественных государственных сношений в письме создает затруднения, это сближение, уже постепенно достигнутое, обращает в отдаление, что ни для Китая, ни для России нисколько не выгодно.

Дело в том, что начиная с момента, когда Совроссия решила прийти с Китаем к соглашению по вопросам, требующим разрешения, и послать представителя в Пекин, прошло уже более года. Конференция не могла начаться потому, что у обеих сторон были вопросы, разрешения которых они требовали предварительно. Прежний представитель, г. Иоффе, видя это, решительно возражал против возбуждения какого бы то ни было пункта до конференции и разрешения его. Обеими сторонами это обстоятельство было окончательно выяснено. После приезда в Пекин, при свидании со мною, П. П. также видно с этим согласился.

Теперь, когда взгляды обеих сторон уже сближаются, попрежнему верю, что П. П. сможет руководствоваться этими принципами в отношении открытия конференции по возвращении моем из Японии.

Пользуюсь настоящим случаем пожелать успеха.

Ван Чжэн-Тин.

Бланк Гл. Управления по русско-китайским дипломатическим делам.

ДИРЕКТОРУ УПРАВЛЕНИЯ ПО РУССКО-КИТАЙСКИМ ПЕРЕГОВОРАМ Д-РУ С. Т. ВАНУ.

№ 7618 30/XI—23 г.

Милостивый Государь
Доктор. *Ван.*

Я получил Ваше письмо от 29 ноября текущего года за № 451 и думаю, что, действительно, имеется некоторое недоразумение и взаимное непонимание, которые требуют разъяснения. Поэтому я хочу восстановить в Вашей памяти некоторые факты и изложить Вам совершенно точно мою точку зрения, каковую прошу рассматривать, как официальную позицию Правительства СССР.

Переговоры об урегулировании отношений между Советской Россией и Китаем имели место еще в первый год существования Советского Правительства, и хотя мы уже тогда готовы были урегулировать отношения с Китаем на принципах, которые были впоследствии формулированы в известных декларациях, тем не менее переговоры эти были не по нашей вине прерваны, так как Китайская Миссия выехала из Советской России вместе с другими враждебным нам дипломатическими миссиями. Затем в 1919 и в 1920 г.г. Советское Правительство издало известные декларации, которые по своему

дружественному и братскому отношению к Китайскому народу и по духу справедливости, которым они были проникнуты, не имеют прецедента в истории сношений Китая с любым государством и в особенности с любой из так называемых великих держав.

Советское Правительство ожидало, что Китай на эти декларации ответит восстановлением нормальных отношений между обеими странами. К сожалению, оно напрасно рассчитывало на такое правильное понимание взаимных интересов. Китайское Правительство не только не восстановило нормальных отношений с Советским Правительством, но принимало участие в интервенции империалистических держав, ставящих своей целью свержение Советского Правительства, и поддерживало контрреволюционеров, оказывая им всестороннее покровительство.

Советское Правительство, уверенное в том, что правильно понятые китайские национальные интересы должны заставить Китайское Правительство изменить свою враждебную политику и стать на путь дружественных отношений с Россией, терпеливо и настойчиво в продолжение нескольких лет, добивалось и добивается восстановления нормальных отношений. Если изучить переписку между Китаем и Советской Россией, будет видно, с каким трудом удалось Советскому Правительству добиться от Китая согласия даже на обмен официальными представителями и установления между обеими странами отношений де-факто. Китайское Правительство ставило разнообразные препятствия приезду Советского Представителя в Пекин, но в конце концов должно было на это согласиться.

Правительство России надеялось, что, путем обмена представительствами, между обеими странами будет достигнуто необходимое взаимное понимание и что клевета и ложь, распространявшиеся врагами Советской России и русско-китайской дружбы, будут рассеяны. Нужно признать, что в этом направлении несомненно сделано много. В настоящее время политика Советского Правительства широко известна в Китае, и можно сказать с уверенностью, что теперь нет в Китае ни одного честного и любящего свою родину китайца, который не считал бы, что дружба с СССР является важнейшей целью теперешней китайской политики. Однако Китайское Правительство до сих пор не дало определенного ответа по вопросу о возобновлении нормальных отношений между Китаем и Россией, так как, повидимому, что-то мешает это сделать так быстро, как это было бы в интересах обеих стран.

В самом деле, нельзя считать серьезным простое заявление, что вопрос о восстановлении нормальных отношений должен быть решен на конференции в числе других вопросов. Я готов был бы ознакомиться,—если они существуют,—с теми серьезными соображениями, которые удерживают Китайское Правительство от немедленного восстановления нормальных отношений между Россией и Китаем.

Советское Правительство считает, что восстановление нормальных отношений должно предшествовать открытию конференции.

Мое правительство настаивает на этом, как на предварительном доказательстве искренности и дружелюбия со стороны Китайского Правительства, обеспечивающем благополучный исход конференции.

Русский народ имеет право требовать доказательства искренности и дружелюбия со стороны Китая, прежде чем откроется конференция. Он имеет право этого требовать, ибо Советское Правительство не может не считаться с тем, что Китайское Правительство принимало участие в интервенции во внутренние дела России против Советского Правительства, что оно поддерживало боксерскими суммами белогвардейские организации и учреждения, что территория Монголии и Маньчжурии была плацдармом нападений на Советскую Россию и что, наконец, до сих пор еще оказывается покровительство белым и допускается их враждебная деятельность против Советской России и ее граждан.

Советскому Правительству известно также, что политика Китая в отношении Союза Советских Республик согласовывается с политикой великих империалистических держав. Между тем, политика этих держав в отношении Союза ССР, в особенности в вопросе о восстановлении нормальных отношений с Советскими Республиками, направлена против дружбы с Союзом и против восстановления с ним нормальных отношений. Поэтому Советское Правительство прежде чем открыть конференцию должно быть уверено, что Китай уже стал на путь своей собственной русской политики и пренебрегает в этом деле мнением великих держав.

Таким образом восстановление нормальных отношений между Союзом и Китаем будет лучшим доказательством искренней дружбы и самостоятельной политики Китая в отношении Союза, а также лучшей гарантией успеха и благоприятного результата самой конференции. Оно покажет, что в отношении Союза Китай отказался следовать за империалистскими державами, как это было в годы интервенции и что если другие державы не признают Советского Правительства и не ищут с ним дружбы, то Китай этой дружбы хочет и твердо и смело идет к ее установлению. Мы говорим поэтому Китайскому Правительству: первый шаг был сделан нами в 1919 — 1920 г.г., сделайте теперь Вы второй шаг, восстановите нормальные отношения, и тогда конференция немедленно откроется и все вопросы будут на ней разрешены с полным соблюдением законных интересов народов Китая и Союза.

Изложенная точка зрения была Вам сообщена в первое же наше свидание, когда мы обсуждали возможность открытия конференции; но Вы со мною не согласились, настаивая, чтобы вопрос о восстановлении нормальных отношений был разрешен не до конференции, а на самой конференции в числе других вопросов. На следующем свидании, в поисках выхода из создавшегося положения, Вы сделали новое предложение, которое заключалось в том, что Вы согласны на восстановление нормальных отношений до конференции, но считаете необходимым, чтобы одновременно с этим было бы подписано соглашение, которое содержало бы в себе принципиаль-

ные основания того, как вопросы должны быть разрешены на конференции. Конференция же должна была открыться после совершения обоих этих актов.

Я был Вам очень благодарен тогда за Вашу попытку найти выход из положения, которая служила для меня лучшим доказательством Вашего искреннего желания достигнуть какого-либо соглашения с Советскими Республиками, но я сразу же указал Вам, что инструкции моего правительства расходятся с Вашим предложением. Вместе с тем, не зная точно Вашего предложения, я просил Вас ознакомить меня с ним более детально, чтобы оценить его и решить, могу ли я передать его в Москву для получения дополнительных инструкций. Частный обмен мнений между нами по этому поводу обнаружил, однако, что Вы предлагаете не столько установить принципы, на основе которых вопросы должны быть разрешены на конференции, но что Вы в самом этом соглашении хотите разрешить в окончательном виде главнейшие русско-китайские вопросы. Иначе говоря, Вы за восстановление нормальных отношений между Союзом и Китаем, хотите предварительного и окончательного разрешения всех вопросов. Само собой понятно, как я тогда же указал Вам, что я не только не могу принять Ваших предложений, но не могу даже их передать моему правительству.

Что же касается того, что у нас с Вами имеются расхождения по существу некоторых вопросов, то я думаю, что это—результат недоразумения. Я утверждаю, что нет ни одного вопроса, которого я не был бы готов разрешить таким же образом, как и Вы. И это вполне естественно, если принять во внимание, что мною руководят наши декларации 1919 и 1920 г.г., а этого достаточно, чтобы ни один вопрос не был разрешен без полного соблюдения законных интересов и прав Китайского народа. Разница между взглядами у нас заключалась не в том, что мы предлагаем разные решения того или иного вопроса, а в том, что Вы предлагаете все вопросы разрешить немедленно же в предварительном соглашении, превращая его в уплату за признание Китаем Союза ССР. Я же требую восстановления нормальных отношений между обеими странами без всякой специальной платы за это. По существу же я готов разрешить на конференции все вопросы так, как Вы это предлагаете и как это необходимо в национальных китайских интересах.

Что же касается указания Вашего письма на вопрос о КВЖД, то изложение наших расхождений в нем служит лучшим доказательством серьезного недоразумения, которое следует приписать, очевидно, переводчикам, искажавшим иногда наши мысли.

Никогда и нигде я не мог сказать, что все права на КВЖД принадлежат Китаю, этого не говорите Вы, и этого не сказал еще никто в Китае. Вы хотите и будете добиваться на конференции, чтобы права на КВЖД перешли к Китаю, и именно поэтому я, исходя из того, что права собственника дороги, как коммерческого предприятия, принадлежат Союзу, готов обсуждать на конференции любое Ваше предложение, включая и предложение о переходе всех

прав на дорогу к Китаю на условиях, установленных на конференции. Но я теперь же могу подтвердить то, что было сказано еще 4 (четыре) года тому назад, что суверенитет Китая на территории дороги нами полностью признается и что мы не будем настаивать ни на одной из привиллегий, которые имело царское правительство и которыми сегодня располагают в полосе отчуждения другие иностранные державы.

И я также согласен вполне с Вами, что вопрос о КВЖД должен быть разрешен на конференции, а не в том соглашении, которое Вы мне предлагали подписать.

Из вышеизложенного видно, что никаких новых затруднений к открытию конференции не создано, что есть только одно препятствие, и оно заключается в нежелании Китайского Правительства восстановить нормальные отношения с Союзом ССР. Я это сказал в первый день своего приезда в Пекин и повторяю его и сегодня.

Однако, желая устранить всякие недоразумения относительно позиции, которую Сов. Правительство займет на конференции, я торжественно и официально заявляю Вам от имени моего правительства, что на Русско-Китайской конференции, которая будет открыта в результате восстановления нормальных отношений между СССР и Китаем, все вопросы будут разрешены с полным соблюдением духа деклараций 1919 — 1920 г.г., каковые в официально заверных копиях и прилагаю к настоящему моему письму.

Пользуясь случаем, прошу принять уверения в моем совершенном почтении.

Л. Карахан.

P. S. За последнее время пресса сообщала различные сведения о Русско-Китайской конференции, в частности в ней появились Ваши интервью с корреспондентами. Я хотел бы, с своей стороны внести некоторую ясность в положение и поэтому предполагаю опубликовать это письмо. Но я не хотел бы делать этого без того, чтобы и Ваше письмо ко мне также было опубликовано. Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы согласились опубликовать его.

Л. К.

ПИСЬМО Д-РА ВАНА Г. КАРАХАНУ.

9/I — 24 г. № 465.

Многоуважаемый г. Карахан.

Ваше письмо от 30 ноября 1923 г. получено. Я должен, однако, отметить, что не только произошло недоразумение с Вашей стороны в связи с моим предыдущим письмом, но имеется также некоторое неправильное понимание бывших между нами разговоров.

Желая возобновить в Вашей памяти истинное положение вещей, и в надежде, что в будущем недоразумения будут устранены, я позволяю себе приложить при сем, для Вашего сведения, резюме наших предыдущих разговоров.

В Вашем письме, на которое я сейчас отвечаю, Вы любезно обещали, что согласны на разрешение всех вопросов именно так, как я предложу, и что даже по вопросу о КЕЖД Вы согласитесь обсудить всякое предложение, которое я сделал бы. Это, очевидно, доказывает, что наши обоюдные точки зрения сблизились, и я с радостью отмечаю, что поэтому перспективы предстоящей конференции улучшились.

Я уже давно отношусь с благодарностью к Вашей точке зрения, выражающейся в том, что все вопросы будут разрешены в духе 1919 и 1920 г.г., и именно благодаря существованию этих деклараций мы могли прийти к взаимному соглашению по нашим точкам зрения. Если, однако, сравнить французский текст этих деклараций, полученный Китайским Правительством телеграфом из Иркутска, я замечаю расхождения с текстом, приложенным к Вашему письму. Правда, французский текст был получен Китайским Правительством в виде телеграммы, однако, последняя была подписана и заверена, в качестве подлинной копии, г. Янсоном, Уполномоченным Совета Народных Комиссаров Сибири и Дальнего Востока по Иностранным Делам. Таким образом текст, полученный моим правительством, следует рассматривать, как авторитетный. Вай-цзяо-бу подробно остановилось на этом вопросе в своем меморандуме от 11 декабря 1922 г. и поэтому мне нет надобности далее распространяться.

Я не могу подписаться под Вашим мнением, что возобновление нормальных отношений между Китаем и Россией должно последовать в виде предварительного условия до начала конференции, ибо позиция, которой придерживается Китайское Правительство, основана на предложении бывшего Полномочного Представителя Вашего Правительства, г. Иоффе. Если Вы просмотрите меморандум г. Иоффе в Вай-цзяо-бу от 14 октября 1922 г., Вы в нем найдете соответственные подробности.

По Вашему мнению, Союз Советской России декларациями 1919 и 1920 г.г. показал полную дружественность к Китаю. Однако по мнению китайского народа, эти чувства дружественности оставляют еще желать лучшего, так как войска Вашего Правительства все еще расположены на китайской территории, а именно—во внешней Монголии.

Итак, одним словом, когда два народа желают поддерживать дружественные взаимоотношения, важно, чтобы между ними было сначала заключено формальное соглашение, которое обе стороны могли бы соблюдать. Если же, с другой стороны, лишь возобновляются нормальные отношения, тогда как разрешение спорных вопросов откладывается на какой-нибудь будущий срок, то как же можно ожидать, чтобы китайский народ был этим удовлетворен. По моему мнению, если бы формальная конференция могла открыться в ско-

ром времени, то нормальные отношения были бы скоро восстановлены и это дало бы возможность избежать спора путем обмена письмами и меморандумами, которые едва ли приносят какую-либо пользу той цели, которую мы имеем в виду.

Я поэтому искренне надеюсь, что Вы пересмотрите весь вопрос и дадите мне знать, как можно скорее, о сроке открытия конференции, которая разрешит все спорные вопросы.

Примите и пр.

Ван Чжэн-тин.

Приложения: Резюме на английском и китайском языке наших разговоров.

Копия.

ДИРЕКТОРУ УПРАВЛЕНИЯ ПО РУССКО-КИТАЙСКИМ ПЕРЕГОВОРАМ Д-РУ С. Т. ВАНУ.

Пекин, 17 января 1924 года.

Милостивый Государь,
д-р Ван.

Мною получено Ваше письмо от 9 января 1924 г., из которого видно, что действительно имеются очень серьезные недоразумения и что многие мои соображения Вами совершенно не поняты. Впрочем, я уже отметил это в своем предыдущем письме от 30 ноября, где исчерпывающе выяснил Вам точку зрения Советского Правительства на русско-китайские отношения, но, как видно, недостаточно.

Я вынужден повторить, что наши разногласия заключаются не в том, как тот или другой вопрос разрешить, а в том, что я предлагаю разрешить все вопросы на конференции после того, как в результате восстановления нормальных отношений между Китаем и Россией конференция будет открыта. Вы же добиваетесь, чтобы я сейчас же определил или разрешил спорные русско-китайские вопросы в окончательном виде.

По поводу Ваших соображений, касающихся декларации 1919 г., я не могу не выразить своего глубокого изумления, что Представитель Пекинского Правительства нашел возможным снова вернуться к вопросу, исчерпанному авторитетным разъяснением, данным в свое время Министерству Иностранных Дел, и, наконец, после того, как ему были вручены аутентичные тексты обеих деклараций 1919 и 1920 г.г. при моем письме от 30 ноября.

Мне неизвестны цели, по которым Пекинское Правительство в официальной переписке продолжает настаивать на излюбленной, но неверной редакции декларации 1919 г. В самом деле, если бы декларация 1919 г. могла бы дать какое-нибудь основание—

я не говорю уже право — Китайскому Правительству обращаться к Правительству Союза с претензиями по поводу обещаний, данных в декларации, то тогда такую настойчивость еще можно было бы объяснить. Но, как это было объяснено подробно в нотах Чрезвычайного Полномочного Представительства Китайскому Министерству Иностранных Дел от 15 ноября и 13 декабря 1923 г., декларация 1919 г. не создала никакого права для Китайского Правительства. Китайское Правительство, как известно, не приняло декларации 1919 г. и отвергло наше предложение в самой резкой форме, в форме интервенции с целью свержения Советского Правительства и продолжительной поддержки белогвардейских армий и организаций. Но от нашего предложения в 1919 г. Пекинское Правительство с чрезвычайным упорством и настойчивостью пытается теперь, спустя пять лет, обосновать на этой им отвергнутой декларации какие-то права и претензии. До сих пор Пекинское Правительство не дало Советскому Правительству никаких объяснений того, чем оно руководствовалось, когда вместо ответа на братский призыв истекавшего кровью в борьбе за свою независимость русского народа, оно приняло участие в интервенции великих держав, которые хотели уничтожить Российскую Республику, как независимое государство и поставить ее, может быть, в еще худшее положение, чем то, в котором сейчас находится Китай. Китайское Правительство также не объяснило, почему оно поддерживало боксерскими суммами белые организации вместо того, чтобы в согласии с Советским Правительством обратить их на нужды просвещения китайского народа. До сих пор русские миссия и консульства находятся в руках представителей монархических и белых организаций, которые пользуются покровительством китайских властей. Китайская Восточная жел. дор. также находится в руках белых, расхищающих и разрушающих огромную материальную и культурную ценность, которая должна служить китайскому и русскому народам. До сих пор остатки белых отрядов пользуются покровительством в китайских портах, и Китайское Правительство не считает необходимым прекратить разграбление казенного имущества на китайской территории; наоборот, известно, что оружие, принадлежащее русской республике, приобретается для нужд китайской армии и поддерживает таким образом внутреннюю войну, происходящую в Китае. В Маньчжурии и в полосе отчуждения советские граждане подвергаются преследованиям и ограничениям, которые китайские власти применяют как бы в признательность за то уважение к суверенным правам китайского народа, которое Советское Правительство проявило отказом от экстерриториальных прав для своих граждан. Русские учебные заведения в Маньчжурии подвергаются преследованиям только за то, что они воспитывают будущих советских граждан в духе своей страны в то время, как многочисленные учебные заведения, руководимые монархистами и белогвардейцами и являющиеся проводниками ненависти к Советской России, пользуются полным покровительством и поощрением китайских властей.

Перед лицом таких фактов, в особенности, можно спросить: где черпает Китайское Правительство право и основание для своих претензий и критики политики Советского Правительства и упреков в его неискренности. В действиях Советского Правительства нельзя найти ни одного аналогичного факта, враждебного китайскому народу.

Если бы Советское Правительство считало во всех этих действиях ответственным в целом китайский народ или если бы оно в своей политике не руководилось принципами, которые русской революции дороже поведения того или другого правительства, то в таком случае мое правительство должно было бы поступить иначе. Оно должно было бы заявить, что не считает себя связанным перед кем-либо декларациями 1919 и 1920 г.г., в виду недружелюбного отношения Китайского Правительства, будет поступать так же, как и все другие державы, которые Китайское Правительство, позидимому, находит более дружественными и близкими, чем Союз Советских Республик. Но мы верны своему слову, которое мы дали китайскому народу, и мы его сдержим так же, как мы сдержали его в отношении других угнетенных народов Азии, Персии, Афганистана, Турции и др. На протяжении последних лет мы видели, что политика правительства меняется, что правительства приходят и уходят, но что народы с их интересами, с их отношениями, остаются. И перед лицом таких исторических фактов мы спокойно говорим, что — какова бы ни была политика Китайского Правительства — мы надеемся, что будем в состоянии закрепить наши обещания в будущем русско-китайском договоре.

Что же касается искренности Советского Правительства, которую Вы подвергаете сомнениям в связи с вынужденным пребыванием наших войск в Монголии, то я должен объяснить Вам некоторые факты, которые, впрочем, в личных беседах с Вами и на ряде публичных собраний мною были уже разъяснены в достаточной мере. Искреннее и братское отношение к китайскому народу Советское Правительство проявило еще в 1919 г., когда оно обратилось к народу и правительству Китая. На свое обещание оно получило удар, которого меньше всего можно было ожидать со стороны Китая. Будучи сам угнетенным, Китай подерживал интервенцию, ставившую своей целью такое же угнетение, какое сам китайский народ нес на своих плечах.

События в Монголии произошли в 1921 г., т.-е- спустя два года после нашей декларации. Хотя Советское Правительство имело уже убедительные доказательства враждебности Китайского Правительства к Русской Республике, тем не менее, прежде чем отправить Красную армию в Монголию для подавления белых банд Семенова, Унгерна и других, оно обращалось с повторными просьбами к Китайскому Правительству принять меры, чтобы не допустить их к нападению на русскую территорию. Как известно, Китайское Правительство осталось безучастно к нашим просьбам и не предприняло никаких шагов к уничтожению этих белых банд. До сих пор

между прочим, неизвестно, вызывалась ли эта политика Китайского Правительства желанием поддерживать, в согласии с его международными обязательствами, нападения этих банд на Советскую Россию, или же Китайское Правительство не имело достаточных военных сил, чтобы уничтожить белые банды. При таком положении, Советскому Правительству не оставалось ничего другого, как собственными силами защищать свою независимость и свободу, что оно вполне успешно и сделало.

Я могу заявить Вам и сейчас совершенно определенно, что если бы на любой части китайской территории появились вновь белые банды и Китайское Правительство покровительствовало бы им, или, несмотря на наши просьбы, не захотело бы или не смогло бы их уничтожить, Советское Правительство так же, как и в 1921 г. в Монголии, вынуждено было бы с помощью Красной армии принять необходимые шаги для своей безопасности. Слишком тяжелой борьбой мы завоевали свою свободу и безопасность, чтобы подвергать их риску с какой бы то ни было стороны.

Что касается мнения китайского народа, то я не мог бы сказать, чтобы весь китайский народ был согласен с Вашей точкой зрения, точно также как нельзя было бы утверждать, что он одобряет участие китайских властей в интервенции, ставящей своей целью свержение представляемого мною правительства. Наше отношение к вопросу о Монголии достаточно ясно и откровенно: мы считаем Монголию частью Китая и готовы вывести стоящий в Урге отряд Красной армии, как только Китайское Правительство даст нам необходимые гарантии безопасности наших границ. Если даже допустить наиболее благоприятное объяснение для Китая, что в 1921 г. белые с китайской стороны не поощрялись и что меры к удалению их из Монголии не были приняты лишь по недостатку военных сил, то в настоящее время, когда положение на севере Китая едва ли можно считать более благоприятным, чем в 1921 году, мы должны с тем большим вниманием изучить на конференции те гарантии, которое Пекинское Правительство собирается нам дать. Мы не можем без всяких гарантий безопасности вывести свои войска из Монголии: это создаст новую угрозу нашим границам. На конференции Китайское Правительство должно будет дать нам реальные доказательства, что его политика и возможности изменились с 1921 года. Эта моя точка зрения достаточно хорошо известна, тем более, что я высказывался об этом не раз публично. Мне очень жаль, что Вы выдвинули для доказательства искренности Советского Правительства монгольский вопрос, по которому у нас как раз нет существенного разногласия. Мне это жаль в особенности потому, что монгольским аргументом пользуются враги русско-китайской дружбы, чтобы создать препятствия к восстановлению добрых отношений между Россией и Китаем.

В моем письме от 30-го ноября прошлого года я подробно развил соображения, которые заставляют мое правительство настаивать на предварительном восстановлении нормальных отношений. К сожа-

лению, Вы в своем ответном письме не привели аргументов против этого бесспорного положения. Между тем, одним из серьезнейших соображений, заставляющих Советское Правительство настаивать на своей точке зрения, является опасение, что некоторые державы, с которыми Пекинское Правительство тесно связано, возражают против восстановления сношений с Союзом Советских Социалистических Республик. Мы имеем новое доказательство того, что такое вмешательство в чужую внешнюю политику не является не обычным. Только на-днях, желая помешать восстановлению дипломатических сношений Италии с Союзом Советских Республик, французское правительство обратилось с формальным предостережением через своего посла в Риме к итальянскому правительству. Тем менее были бы удивлены таким давлением в Пекине, в особенности, если принять во внимание, что само Пекинское Правительство шло навстречу своей прошлой политикой подобным попыткам других держав. Достаточно указать, что еще в 1920 г. декретом президента, до сих пор, кажется, не отмененным, было установлено, что Китай в своей политике в отношении России будет „руководствоваться отношением к этому вопросу держав согласия“.

Что же касается единого сделанного Вами резюме наших частных разговоров, очень благодарен вам за это, так как из него видно, насколько неясно Вы поняли наши беседы и мои мысли. Я не считаю необходимым останавливаться на всех мелких неточностях Вашего резюме, так как я изложил в основном и существенном мою точку зрения в предыдущем и настоящем письмах. Кроме того, поскольку в основном вопросе о восстановлении нормальных отношений мы не достигли соглашения, то было бы бесцельно исправлять отдельные детали содержания наших бесед.

Чтобы не оставлять у Вас никаких сомнений, я подтверждаю, что на конференции, которая открылась бы в результате восстановления нормальных отношений между Россией и Китаем, все вопросы могли бы быть разрешены в духе декларации 1919 и 1920 г. и тех соображений, которые мною изложены в моих письмах к Вам. Я готов открыть конференцию в ближайшие же дни по Вашему усмотрению после того, как нормальные дипломатические отношения между Союзом Советских Социалистических Республик и Китаем будут восстановлены.

Я не теряю надежды, что в конце концов моя точка зрения с течением времени будет принята Пекинским Правительством. Я черпаю надежду в той эволюции, которая на наших глазах произошла в позиции Пекинского кабинета за последние годы. В 1918 и 1920 г.г. он принимал участие в попытках свержения Советского Правительства, затем в 1921 и 1922 г.г. он отказался от интервенции, но пока еще был против обмена представителями и не соглашался восстановить нормальные отношения, предпочитая ограничиться только торговым договором, и, наконец теперешний период, когда Китайское Правительство как будто согласно восстановить нормальные отношения, но лишь при известных условиях, которые

являются как бы ценой этого политического акта. Я надеюсь, что придет день, когда Китайское Правительство изменит и теперешнюю свою позицию, и тогда я буду вместе с Вами счастлив открыть конференцию, чтобы покончить со всеми, несомненно легко разрешимыми русско-китайскими вопросами.

Предпочитая вместе с Вами переговоры на конференции настоящей переписке, я не хочу все-таки осудить ее совершенно, ибо она, как мне кажется, разъяснила многие недоразумения, которые, вероятно, по вине переводчиков, вкрались в наши частные беседы и послужили основанием к неточности Вашего резюме.

Примите мою радость по случаю Вашего благополучного возвращения из поездки в Японию и позвольте выразить Вам мое искреннее уважение.

Л. Карахан.

P. S. Я очень признателен Вам за то, что Вы столь любезно согласились на опубликование ваших писем.

Приложени 3-е.

Переписка с МИД К Р о боксерской контрибуции в связи с просьбой 8 пекинских Высших Институтов национальной науки.

Его Превосходительству

Чрезвычайному Полномочному Представителю на Дальнем Востоке

Льву Михайловичу *Карахану*.

Ваше Превосходительство.

В виду финансовых затруднений, постигших восемь национальных высших школ в Пекине, и желая избежать грозящей опасности развала, мы, нижеподписавшиеся, будучи представителями вышеупомянутых учреждений, просим Вас употребить Ваше влияние с тем, чтобы было принято наше предложение,—а именно, чтобы до формального открытия русско-китайских переговоров, СССР отказался от всей русской части боксерских платежей при условии, что вся сумма будет употреблена на развитие просвещения в Китае, а часть ее пойдет на поддержку и основной фонд вышеуказанных учреждений.

Далее, мы просим Вас, чтобы это предложение было включено в китайско-русский договор, который будет заключен в будущем.

Так как дружеские чувства между китайским и русским народами возрастают каждый день и так как Ваша делегация неоднократно заявляла о том, что проблемы между Китаем и Россией будут разрешены согласно с волею народа обеих наций, мы надеемся,

что Ваше Превосходительство примет наше предложение и осуществит его в ближайшее, по возможности, время.

С совершенным почтением.

Представители восьми Национальных Институтов высшей науки.

1. Мо Лин-цзян—исполняющий обязанности ректора Национального Университета.

2. Т. К. Ю.—директор Национального Технического Колледжа.

3. Т. Т. Сун—директор Национального Колледжа Изящных Искусств.

4. С. И. Сюй—председатель Союза Учителей восьми Национальных Институтов высшей науки в Пекине.

ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ 8 НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ ВЫСШЕЙ НАУКИ.

Гг. Мо Лин-цзян, Т. К. Ю., Т. Т. Сун, С. И. Сюй!

Я получил Ваше обращение от 13-го ноября с. г. Я очень тронут тем доверием, которое Вы оказали мне, обращаясь с Вашей просьбой. Я благодарю Вас горячо за это. Я полностью согласен с высказанным Вами предложением и на основании Вашей просьбы отправил в Министерство иностранных Дел прилагаемую при сем в копии ноту от имени Правительства СССР. Что касается включения вопроса о боксерских платежах в русско-китайский договор, то я могу Вас заверить, что у Вас не может быть никаких сомнений, что наше предложение на конференции заключается именно в том, чтобы боксерские платежи были бы полностью предназначены на дело просвещения китайского народа. Я надеюсь, что Китайское Правительство, которое должно быть заинтересовано в развитии просвещения в Китае, примет во внимание Вашу просьбу и мою ноту и сделает этот важнейший шаг, являющийся исключительным по важности и жизненности для Китая.

Примите заверения в искренном моем уважении к Вам и позвольте заверить Вас, что я готов всеми своими силами служить и помочь Вам в дальнейшем, по скольку это будет в моих силах.

Милостивый Государь,
Господин Министр.

Пекин, 15-го ноября 1923 года.

Представители 8 национальных Институтов Высшей Науки обратились в Чрезвычайное Полномочное Представительство с нижеследующей просьбой.

Они указывают в своем обращении на тяжелое финансовое положение национальных высших учебных заведений и на необходимость немедленного изыскания денежных средств. Указанные

представители просят правительство Союза Советских Социалистических Республик согласиться с тем, чтобы, не дожидаясь советско-китайской конференции, русская часть боксерских платежей была употреблена на развитие просвещения в Китае, в частности, чтобы часть этих средств пошла на поддержку и в основной фонд представляемых ими учреждений. Из прилагаемого при сем в копии письма указанных представителей Вы усмотрите детали их просьбы.

Я внимательно рассмотрел заявление представителей высшей науки в Китае и нашел, что Правительство СССР может и обязано, со своей стороны, сделать все, чтобы пойти навстречу им.

Правительство СССР,—считая, что боксерская контрибуция была наложена на китайский народ царским правительством путем преступного насилия, которое выразилось в известном заключительном протоколе, подписанном в 1901 году—никогда не признавало себя в праве требовать уплаты этой контрибуции и более того: оно в 1919 году в устных переговорах с китайскими представителями, а в 1919 и 1920 году в нотах, обращенных к Китайскому Правительству, определенно установило, что считает своим долгом перед китайским народом отказаться от боксерской контрибуции, как от одного из преступлений царского правительства перед Китаем.

Заявляя от своей готовности отказаться от боксерской контрибуции, Советское Правительство вместе с тем настаивало, чтобы Китайское Правительство прекратило уплату боксерских платежей представителям белогвардейских организаций и банд. К сожалению, Китайское Правительство поступило в этом деле, как самое враждебное русскому народу правительство.

Советское Правительство образовалось в России 7-го ноября 1917 года. Политика Советского Правительства в отношении всех угнетенных народов была известна с первых дней и оставалась неизменной до настоящего времени, и политика Советского Правительства в отношении Китая не могла быть неизвестна Китайскому Правительству. Тем не менее в декабре 1917 года Китайское Правительство сделало распоряжение о задержании уплаты боксерского взноса за декабрь. Мы могли бы тогда приветствовать эту меру Китайского Правительства, поскольку она была продиктована желанием воздержаться от поддержки белых организаций против Советского правительства. Но как установлено документами, попытка отказа от уплаты боксерской контрибуции в 1917 году была вызвана не тем, что эти деньги могут попасть в руки белых, а боязнью, что они попадут в руки Советского Правительства. После требования дипломатических представителей великих держав, Китайское Правительство согласилось продолжать уплату боксерской контрибуции, но потребовало со стороны находившихся в Пекине белогвардейских представителей подписки, что «русская доля боксерского вознаграждения не будет передана на нужды большевиков». Таким образом пекинский кабинет, боясь, что боксерские суммы попадут в руки Советского Правительства, очень охотно предоставил их в руки белогвардейцев и таким образом поддерживал их против Со-

ветского Правительства. В 1918 году Китайское Правительство делало новые попытки прекратить платежи, но по требованию Японии и Франции оно продолжало аккуратно уплачивать боксерские суммы тем же белогвардейским представителям, и это продолжалось до 1-го августа 1920 года. В продолжение трех лет русская часть боксерских платежей Китайским Правительством отдавалась на поддержку белогвардейского движения, ставившего целью свержение Советского Правительства. Я должен обратить внимание Китайского Правительства, что оно поддерживало таким образом тех, кто стоял за восстановление старой власти и старой политики насилия в Китае и что оно таким образом наносило удар Советскому Правительству, которое было властью освободившегося народа и которое, единственное из всех иностранных правительств, в основу своей политики в отношении Китая положило признание суверенных прав китайского народа, полное уважение его интересов и отказ от всякого насилия. Таково было положение с боксерскими платежами несколько лет тому назад. Его следует вспомнить при разрешении этого вопроса ныне.

Если Советское Правительство выразило готовность отказаться от боксерских платежей, из этого нельзя делать вывод, что Китайское Правительство может свободно распоряжаться этими суммами без договора или какого-либо специального соглашения с Советским Правительством. Китайское Правительство до сих пор не делало никаких попыток достигнуть соглашения по этому вопросу с законным владельцем боксерских сумм. Наоборот, оно без ведома и согласия Советского Правительства распоряжалось этими чужими суммами по своему усмотрению. Между тем, совершенно ясно, что никакое Правительство, в том числе и китайское, не в праве распоряжаться имуществом другого государства, пользуясь случайным стечением выгодных для него обстоятельств и тем, что фактически это имущество находится в распоряжении данного государства, а также не может служить законным основанием стесненное финансовое положение Китайского Правительства.

Чрезвычайное Полномочное Представительство еще 19-го сентября 1920 года протестовало против того, что русская часть боксерских платежей используется Китайским Правительством без ведома и согласия Советского Правительства. Ответ, полученный тогда Чрезвычайным Полномочным Представительством от Министерства Иностранных Дел не был удовлетворителен и был в достаточной мере уклончив. И хотя Китайское Правительство прямо не признало, что оно тратит русскую часть боксерских платежей и не обосновало этого своего права, тем не менее растрата этих платежей продолжалась. Протестуя против таких действий пекинского кабинета, Советское Правительство меньше всего имело в виду сохранить эти суммы с тем, чтобы в будущем требовать их уплаты. Оно хотело лишь, чтобы без его согласия не распоряжались принадлежащим ему имуществом, а главное оно хотело, чтобы эти суммы были бы сохранены в полной неприкосновенности до того, пока этот вопрос не будет разрешен

особым соглашением, и чтобы при разрешении этого вопроса было бы предусмотрено, что эти суммы пойдут на благо китайского народа.

Просьба китайских национальных высших школ указывает как раз на ту высокую цель, на которую боксерские платежи должны были бы быть употреблены. Советское Правительство имеет намерение на конференции, отказываясь от боксерской контрибуции, настоять, чтобы эти суммы шли целиком на дело просвещения китайского народа, Но поскольку русско-китайская конференция еще не открылась, а финансовые затруднения высших школ в Пекине велики и угрожают развалом учебному делу, как об этом свидетельствуют руководители их, не может быть и не должно быть никаких препятствий, чтобы прийти им на помощь. Поэтому я охотно присоединяюсь к просьбе представителей 8 национальных Институтов Высшей Науки и от имени Правительства Союза Советских Социалистических Республик заявляю, что Правительство Союза согласно, чтобы русская часть боксерских платежей до конференции расходовалась исключительно на нужды просвещения и в первую очередь—для высших национальных школ Китая. Вместе с тем я согласен, чтобы часть этих сумм была использована немедленно же на выдачу высшим школам в Пекине. Я надеюсь, что Правительство Китайской Республики не будет считаться с тем, что этот вопрос подлежит разрешению на конференции и согласится с моим предложением, тем более, что предлагаемое временное разрешение вопроса, представляя громадные суммы на развитие просвещения в Китае, делается исключительно в интересах китайского народа. Я готов немедленно же поручить представителям нашей Миссии, совместно с представителями Министерства Иностранных дел, рассмотреть и установить те, может быть, необходимые, еще дополнительные формальности для немедленного осуществления этого дела.

Вместе с тем Советское Правительство должно привлечь внимание Китайского Правительства на нижеследующее. Ныне широко стало известно, и об этом печатают газеты, что пекинский кабинет принял решение использовать русскую часть боксерских платежей на нужды дипломатического ведомства.

Чрезвычайное Полномочное Представительство должно заявить решительный протест, во-первых, против того, что без согласия и ведома Правительства Союза такое решение было вынесено Китайским Правительством и еще более энергично протестовать против того, что боксерские платежи будут употреблены не на цели просвещения, которые являются важнейшими и жизненными для Китая, а на другие нужды. Если бы Китайское Правительство даже обратилось с просьбой к Правительству Союза, чтобы истратить боксерские платежи на дипломатические дела Китая, то оно, несомненно не получило бы согласия на это. Относясь с полным уважением к дипломатическому ведомству Китая, Правительство СССР тем не менее считает, что дело просвещения является наиболее жизненным и важным и поскольку это зависит от него, оно готово содейство-

вать этому делу и поэтому оно обращается с изложенным предложением в Министерство Иностранных Дел, но оно не может считать своей обязанностью поддержку дипломатических представительств Китая в других странах. Китайское Правительство, как известно, идет далеко навстречу иностранным державам в их строгих требованиях по уплате боксерской контрибуции. Я хотел бы поэтому надеяться, что мои скромные требования, которые заключаются лишь в том, чтобы эти боксерские платежи сохранить для китайского народа, будут признаны Китайским Правительством заслуживающими уважения не столько потому, чтобы пойти навстречу Правительству СССР, сколько для того, чтобы не поставить в безвыходное положение дело просвещения китайского народа.

Я надеюсь получить в самом ближайшем времени ответ Китайского Правительства по этому важному и срочному вопросу.

Благоволите принять уверение в моем совершенном уважении.

№ 7878/36.
13-го декабря 1923 г.

В Министерство Иностранных дел Китайской Республики.

Чрезвычайным Полномочным Представительством получен меморандум Министерства Иностранных Дел за № 45 от 7-го числа 12-го года, Чрезвычайное Полномочное Представительство принимает к сведению благодарность Китайского Правительства за доброе расположение и признание справедливости Советского Правительства по поводу боксерской контрибуции. Однако оно не может согласиться с теми выводами, которые изложены в меморандуме по нижеследующим соображениям:

Ноты Советского Правительства от 1919 и 1920 годов действительно говорят об отказе от боксерской контрибуции. Но одного того факта, что Китайское Правительство ознакомилось с их содержанием недостаточно для того, чтобы оно могло освободиться от формальных обязательств, наложенных на него заключительным протоколом 1901 года. Ноты Советского Правительства заключают в себе, с одной стороны, изложение точки зрения на все русско-китайские вопросы, а с другой стороны, предложение заключить на этих основах соглашение. Но, к сожалению, Китайское Правительство не дало еще надлежащего ответа на эти ноты, и, как известно, до сих пор никакого соглашения между Китаем и Союзом не заключено. То, что Китайскому Правительству известно их содержание, еще не дает никакого права последнему основывать свои действия на их тексте. Китайское Правительство приобретет права, вытекающие из принципов советских деклараций, лишь в том случае, когда эти принципы будут оформлены двухсторонним актом, имеющим международное значение.

В виду этого, Правительство Союза должно самым решительным образом протестовать против незаконного присвоения Китайским Правительством права односторонне распоряжаться русской долей

боксерской контрибуции на основании деклараций Советского Правительства. Неправильна также ссылка Китайского Правительства на то, что Советские Республики отказались от русской доли боксерской контрибуции безоговорочно. Действительно, нота 1919 года выразила готовность отказаться от боксерской контрибуции и не ставила никаких условий. Однако Китайское Правительство не только игнорировало эту ноту, но продолжало принимать участие в интервенции и поддерживало путем уплаты боксерской контрибуции белогвардейцев. Тогда, в своей второй ноте от 1920 года, Советское Правительство в п. VI заявило, что оно готово заключить соглашение на основе отказа от боксерской контрибуции при условии, что Китайское Правительство ни в коем случае не использует этих сумм для поддержки белых и не будет производить платежей их представителям. Между тем Китайское Правительство даже в том же 1920 году продолжало выплачивать боксерские суммы белогвардейским представителям.

Чрезвычайное Полномочное Представительство с сожалением может отметить то место меморандума Министерства Иностранных Дел, где Министерство отрицает помощь Китайского Правительства белогвардейцам и считает это недоразумением. Чрезвычайное Полномочное Представительство полностью поддерживает свое утверждение, что Китайское Правительство помогало белогвардейцам, и констатирует, что отрицание такой помощи, несомненно, расходится с фактами, закрепленными в документах. Оно вынуждено поэтому сослаться на документы, из которых факт поддержки белогвардейцев с очевидностью явствует.

Первый документ,— меморандум Китайского Министерства Иностранных Дел от 22-го января 1918 года № 3,—свидетельствует, что Китайское Правительство боялось лишь одного: чтобы боксерские суммы не попали в руки Советского Правительства, и охотно выразило согласие выплачивать их белогвардейцам. Второй документ, также меморандум Китайского Министерства Иностранных Дел от 2-го июля 1920 года за № 25, свидетельствует, что Китайское Правительство еще в 1920 году аккуратно выплачивало боксерские суммы белым и перестало это делать лишь после того, когда Красная армия, уничтожив белогвардейские организации во главе с Колчаком и другими, освободило от них Сибирь и пограничные с Китаем области. Таким образом Чрезвычайное Полномочное Представительство может считать поистине недоразумением, если Министерство Иностранных Дел не приняло во внимание указанных фактов, изложенных в документах, исходящих от самого же Министерства Иностранных Дел. Выдача бел-гв. представителям громадных денежных фондов боксерской контрибуции, несомненно, должна рассматриваться как финансовая помощь белогвардейцам. Если же Китайское Правительство держится другой точки зрения и не рассматривает это, как помощь белогвардейцам, то это может вызвать серьезную тревогу за будущее, так как, при повторении аналогичных действий, Китайское Правительство, очевидно, продолжало бы считать, что оно белых

не поддерживает и ведет дружественную и искреннюю политику в отношении Союза. Прямое признание Китайского Правительства, что оно помогало белогвардейцам в прошлом, имело бы больше преимуществ, чем отрицание этого, ибо первое скорее могло бы гарантировать от повторения подобных враждебных действий и явилось бы одним из доказательств того, что Китайское Правительство решило стать на путь искренней дружественной политики в отношении Советского Правительства.

Что же касается того, что Китайское Правительство само имеет назначение для русской доли боксерской контрибуции, то Чрезвычайному Полномочному Представительству это известно, и оно как раз протестовало против этого, что, не имея права распоряжаться боксерскими суммами, Китайское Правительство уже предназначило их для дипломатических представительств за границей. Китайское Правительство свое право распоряжаться этими суммами основывает на нотах Советского Правительства от 1919 и 1920 годов. Но, как было указано выше, эти ноты пока еще не создали для Китайского Правительства никаких прав. Чрезвычайное Полномочное Представительство вынуждено поэтому заявить решительный протест против того, что Китайское Правительство использует боксерские суммы без ведома и согласия Правительства Союза, не дожидаясь пока в договорном или ином порядке, имеющем международный правовой характер, будет окончательно безоговорочно установлено право Китая на распоряжение этими суммами.

Поддерживая полностью соображения и предложения, заключающиеся в меморандуме от 15-го ноября за № 7178/31, Чрезвычайное Полномочное Представительство настаивает, чтобы Китайское Правительство прекратило немедленно незаконное распоряжение русской долей боксерской контрибуции. Выражая согласие на то, чтобы эта доля до конференции расходовалась на просвещение китайского народа, оно надеется, что Китайское Правительство примет предложение Советского Правительства, тем более, что это является выражением надежд и пожеланий высшей национальной науки Китая и многих тысяч китайских учащихся, перед которыми стоит угроза закрытия высших учебных заведений.

Приложение 4-е.

Переписка тов. Карахана с Китайским Правительством в связи с срывом пекинским кабинетом, под давлением великих держав, подписанного 14 марта соглашения СССР с Китаем.

ДИРЕКТОРУ УПРАВЛЕНИЯ ПО РУССКО-КИТАЙСКИМ ПЕРЕГОВОРАМ ДОКТОРУ С. Т. ВАНУ.
16 марта 1924 г. № 1011.

Милостивый Государь
Доктор Ван.

14 марта утром мной, от имени Правительства Союза Советских Социалистических Республик, и Вами, от имени Китайского Правительства, были подписаны соглашения о восстановлении нормальных отношений между обеими странами. В течение этого же дня мы должны были подписать заново переписанные каллиграфами документы для замены подписанных предварительных текстов.

Ныне стало известно, что после подписания Вами соглашений, Китайское Правительство постановило Вашей подписи не утверждать и не позволило Вам подписать набело переписанные экземпляры.

Настоящим я имею честь поставить Вас в известность и просить Вас передать об этом Китайскому Правительству, что я готов в течение трех дней, начиная с сегодняшнего дня, ждать подтверждения со стороны Китайского Правительства подписанных мной с Вами соглашений. По истечении этих трех дней, я не буду считать себя ими связанным.

Вместе с тем я имею честь сообщить, от имени моего Правительства, что оно будет считать единственно ответственным за разрыв переговоров и срыв соглашения Китайское Правительство, на которое оно возлагает также ответственность за все будущие последствия.

Пользуясь случаем, прошу принять уверения в моем совершенном уважении. *Л. Карахан.*

Г. ПОЛНОМОЧНОМУ ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СССР КАРАХАНУ.

Милостивый Государь.

Получив Ваше письмо от 16 с. м. за № 1011, я доложил о нем Совету Министров. В ответ мною получено сообщение следующего содержания:

„По вопросам русско-китайской конференции Вами, г-н Директор, велись переговоры с русским делегатом. Все обстоятельства этих переговоров Вы докладывали Совету Министров. Правительство крайне желает в срочном порядке возобновить сношения между Китаем и Россией и стремится всеми силами к дружбе с этой страной, поэтому проекты „Соглашения о Принципах“ и „Соглашения о Временном Порядке Управления КВЖД“ подверглись детальному обсуждению в течение ряда дней. В тех пунктах, которые подверглись исправлению со стороны делегата России, во всех случаях, когда можно было пойти навстречу,—Правительство шло навстречу. Пункты же, имеющие большое значение, нельзя было не подвергнуть осторожному изучению, для того, чтобы можно было согласовать обе точки зрения и, таким образом, построить новый фундамент русско-китайской дружбы. Это доказывает, что Правительство проявляет искренность в деле восстановления сношений между обеими странами. Ныне, когда переговоры еще не окончены, русский делегат внезапно предъявляет требование в ограниченный срок признать проект, несмотря на то, что во всех прежних заявлениях России проводится мысль о стремлении к дружбе, с каковой мыслью не согласуется это требование. Наоборот, это требование может послужить препятствием к установлению дружественных сношений. Такая постановка вопроса чрезвычайно удивляет правительство. Те пункты, которые указаны в предыдущем постановлении Совета Министров, благоволите обсудить вновь с русским делегатом. Эти пункты действительно имеют весьма большую связь с суверенными правами Китая и невозможно не обсудить их заблаговременно в удовлетворительном смысле, дабы в будущем не возникли спорные вопросы. Это вытекает из совершенно искренних желаний Китая войти в дружбу с Россией. Но русский делегат не понимает этого и в своем письме создает затруднения к признанию. Если из-за этого произойдет разрыв переговоров, то полная ответственность за все последствия должна быть возложена на русское правительство, а Китай эту ответственность взять на себя не может.

Благоволите передать это русскому делегату и обсудите самым искренним образом с ним окончательно пункты, согласно постановления Совета Министров, для того, чтобы можно было в скорейшем времени разрешить вопрос“.

Получив приведенное сообщение Совета Министров, имею честь довести его до Вашего сведения.

Директор по делам переговоров с Россией

Ван Чжэн-Тин.

18 марта 1924 г. 13 года К. Р. № 509.

НОТА ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛНОМОЧНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СССР В КИТАЕ Л. М. КАРАХАНА НА ИМЯ ДИРЕКТОРА УПРАВЛЕНИЯ ПО РУССКО-КИТАЙСКИМ ПЕРЕГОВОРАМ ДОКТОРА С. Т. ВАНА от 19 марта 1924 года, № 1037.

Милостивый Государь
Доктор Ван.

В ответ на Ваше письмо от 18 марта 1924 г. за № 509, содержащее ответ Совета Министров, имею честь просить Вас передать Китайскому Правительству нижеследующее:

Совет Министров, составляя свой ответ, игнорирует создавшееся положение вещей. Поэтому надлежит восстановить факты.

1) 14 марта утром были закончены переговоры и были подписаны окончательно средактированные соглашения между обеими сторонами. В течение того же 14 марта обе стороны уговорились подписать набело переписанные каллиграфами экземпляры. Поэтому мнение Совета Министров, что переговоры не окончены, можно объяснить лишь тем, что Совет Министров не осведомлен о положении дел.

2) Совет Министров объясняет свое желание пересмотреть подписанное 14 марта соглашение серьезным отношением к делу. Наоборот, только несерьезное отношение к делу и отсутствие искренних намерений дружбы может заставить после окончания переговоров и подписания текста соглашения начинать вновь его обсуждение. Только желание не прийти ни к какому результату может руководить подобной политикой.

3) Советское Правительство считает, что за тактикой, направленной к разрыву переговоров и аннулированию достигнутого соглашения, скрываются серьезные политические обстоятельства. Широко известно, что Китайское Правительство в своей внешней политике руководствуется политикой великих держав — в особенности в отношении Советских республик. Декрет Президента, устанавливающий это, является лучшим доказательством такой политики. Нет никаких оснований думать, что Китайское Правительство перестало ныне руководствоваться политикой великих держав. По крайней мере это не зафиксировано ни в каком официальном документе.

Дезавуирование Китайским Правительством подписи своего официального делегата, несомненно, вызвано политическими обстоятельствами вышеуказанной категории. О том свидетельствуют непреложные факты. Переговоры с Китайским делегатом благополучно и нормально велись в продолжение нескольких недель. Все обстоятельства переговоров докладывались Совету Министров, что подтверждает и сообщение Совета Министров. Таким образом Китайское Правительство было точно осведомлено о ходе переговоров и всех деталях, и китайский делегат действовал при полном одобрении правительства. Но вдруг накануне подписания 12 марта произошло

событие, перевернувшее всю проделанную до сих пор работу. 12 марта Франция вручила Китайскому Правительству предостерегающую и угрожающую ноту. Вот что является непререкаемой причиной создавшегося положения. Некоторые другие державы так же предостерегали Китай, но не в столь открытой форме, как Франция, которая является наиболее откровенно враждебной нам в мире державой.

4) Соображение Совета Министров, что нужно заключить соглашение, которое полностью разрешит все вопросы, не может быть принято во внимание, так как тогда не было бы надобности в конференции, которая должна открыться в месячный срок после подписания соглашений. 14 марта было подписано соглашение, которое создавало лишь базу для работ конференции. Советское Правительство могло бы указать десятки вопросов, в которых оно заинтересовано, но которые не разрешены или разрешены неудовлетворительно в соглашениях, но оно надеется урегулировать их на конференции. Подписанные соглашения дают полное удовлетворение национальным и государственным интересам Китая в такой мере, какой Китаю никогда ни одна другая держава добровольно не даст. Китайское Правительство было бы безмерно счастливо и благодарно любой третьей державе, если бы она дала одну десятую того уважения к суверенным правам Китая и национальным требованиям китайского народа, которые содержатся в подписанных 14 марта соглашениях.

5) Указание Совета Министров, что мы создаем препятствия к дружбе и что наше требование о трехдневном сроке не согласуется с нашими прежними заявлениями, должно быть с негодованием отброшено. Советское Правительство было тем правительством, которое в 1919 и 1920 гг. предлагало свою дружбу Китаю на тех принципах, которые нашли себе полное выражение в подписанных 14 марта соглашениях. Китайское Правительство не имеет ни морального, ни политического, ни фактического права делать какие-либо упреки Советскому Правительсву, ибо оно на слова братства и дружбы ответило своим участием в нападении на русский народ, имевшем целью свергнуть Советское Правительство и задушить свободу и независимость русского народа. Китайское Правительство было тем правительсвом, которое помогало великим империалистическим державам душить Советскую Россию, помогало белым всеми средствами, до сих пор терпит их пребывание в Манчжурии и допускает их нападения на Советскую территорию. Но мы никогда не считали ответственным за грехи Китайского Правительства китайский народ, и поэтому теперь, спустя 5 лет после наших обещаний, дали в соглашениях то, что обещали много лет назад. Пять лет мы убеждали Китайское Правительство стать на путь дружбы с Советской Россией. Китайское Правительство игнорировало наши предложения, несмотря на горячие чувства симпатии к нам китайского народа. Поэтому, чтобы иметь малейшее право говорить о препятствиях, создаваемых Советским Правительством, Китайское Прави-

тельство должно дать оправдания за свое упорство и враждебность в продолжение последних пяти лет.

6) Советское Правительство было счастливо услышать о достигнутом, наконец, 14 марта соглашении. Громадная радость охватила нашу страну, когда она узнала, что 14 марта наступил день, когда открылись нормальные пути для развития и укрепления дружбы и братства со страдающим, угнетаемым, но великим китайским народом. Но столь же печальны были чувства нашей страны, когда она узнала, что соглашение вновь сорвано врагами русско-китайской дружбы. Вместе с тем, сильное возмущение охватило все народы Союза, когда они узнали о тех препятствиях и о том неуважении, которые были созданы и проявлены аннулированием всех результатов переговоров Китайским Правительством.

Китайское Правительство не имеет никаких оснований быть недовольным заключенным соглашением, если бы оно, хотя бы бегло, сравнило их с теми договорами, которые существуют между Китаем и третьими державами.

Китайское Правительство сосредоточило свое внимание на мелких деталях, умалчивая о громадной важности достижений, заключенных в соглашениях.

Достаточно указать на наш отказ от консульской юрисдикции, от специальных прав и привилегий, связанных с концессиями, от боксерской контрибуции. Китай тщетно добивался на Версальской и Вашингтонской конференциях освобождения от унизительных пут, связанных с этими привилегиями. В Вашингтоне Китаю было обещано создание комиссии, которая должна обсудить вопрос об экстерриториальных правах, но до настоящего дня эта комиссия не созвана, ибо Франция противится этому, между тем в подписанных соглашениях 14 марта имеется полный отказ от всех этих прав.

Одним из тяжелых обязательств, навязанных Китаю державами, являются таможенные соглашения, которые душат китайскую промышленность и предоставляют определение таможенных ставок — этого важнейшего орудия защиты и развития национального хозяйства — в иностранные руки. В то же время они отдают в иностранные руки полный контроль над этим важнейшим финансовым источником.

Китаю было обещано в Вашингтоне повысить таможенные ставки, но это обещание до сих пор не исполнено.

Между тем, в соглашениях от 14 марта мы отказываемся от всякого навязывания Китаю торговых и таможенных соглашений и устанавливаем в этом вопросе принцип равенства и взаимности.

По вине Китайского Правительства, не принявшего необходимых мер к ликвидации белых армий в Монголии, мы были вынуждены вступить в Монголию. Однако в соглашении точно сформулировано уважение к суверенным правам Китая и готовность вывести войска, как только на конференции будут установлены срок и гарантии.

О Китайско-Восточной железной дороге мы дали Китайскому Правительству больше, чем оно могло бы по справедливости требо-

вать. Китайское Правительство удовлетворено нашей справедливостью. Однако, оно умалчивает о своих достижениях в этом вопросе.

Советское Правительство в продолжение пяти лет добивается, чтобы покончить с преступным и позорным наследием царизма в Китае. Наконец, этот день наступил, и Китайское Правительство, которое должно было бы принять и оценить то громадное уважение к Китаю и братские чувства к китайскому народу, которые выразились в соглашениях 14 марта,— отвергает их, не останавливаясь даже перед дезавуированием своего официального представителя, подписавшего от имени Китая указанные соглашения.

После такого неслыханного действия, Правительство Союза Советских Социалистических Республик должно было констатировать, что оно истощило все свои терпеливые усилия, которые им делались в продолжение пяти лет и в особенности в продолжение решающего обмена мнений за последние полгода. Оно всячески шло навстречу Китайскому Правительству, желая облегчить ему принятие братского соглашения. Оно отказалось даже от своего требования немедленного и безоговорочного восстановления нормальных отношений, как предварительного условия конференции. Китайское Правительство не отнеслось с должным вниманием к дружеским усилиям Советского Правительства.

Китайское Правительство, которое аннулировало результат, достигнутый 14 марта между официальными делегатами обеих сторон, заставило Правительство Союза Советских Социалистических Республик поставить в письме от 16 марта вопрос ясно и определенно.

Ввиду изложенного и подтверждая мое сообщение от 16 марта, настоящим от имени Союза Советских Социалистических Республик я имею честь заявить нижеследующее: 1. Переговоры с официальным делегатом Китайского Правительства закончены 14 марта, поэтому Правительство Союза отвергает всякую попытку вернуться к обсуждению уже достигнутых соглашений. 2. Правительство Союза, после истечения трехдневного срока, предусмотренного письмом от 16 марта, не будет считать себя связанным условиями соглашений, подписанных 14 марта, и сохранит за собой полную свободу действий в отношении будущих договоров с Китаем. 3. Правительство Союза предупреждает, что на будущее время Китайское Правительство сможет возобновить переговоры лишь после того, как оно, без всяких условий и соглашений, установит официальные нормальные отношения с Союзом Советских Социалистических Республик. 4. Правительство Союза предостерегает Китайское Правительство от совершения ненормальной ошибки и от той громадной ответственности, которую оно берет на себя, срывая достигнутое соглашение. Последствия этого неосторожного шага не смогут остаться без влияния на будущие отношения Союза Советских Социалистических Республик и Китая.

Пользуясь случаем, прошу принять уверения в моем совершенном уважении.

Приложение 5-ое.

Документы, относящиеся к попытке Англии свергнуть правительство Сун Ят-Сена в Кантоне, чтобы заменить его правительством агентов британского империализма.

УЛЬТИМАТУМ АНГЛИЙСКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО КОНСУЛА В КАНТОНЕ — ДЖАЙЛЬСА К ПРАВИТЕЛЬСТВУ СУН ЯТ-СЕНА.

Британским генеральным консулом в Кантоне предъявлен правительству Сун Ят-Сена ультиматум, точный текст которого приводится ниже:

29-го августа 1924 г.

Милостивый государь,

Услышав вчера из различных источников, что китайскими властями рассматривается вопрос об открытии артиллерийского огня по городу Кантону, в частности по предместью Сай-куан, — консульский корпус, через посредство старшего консула, вчера заявил нижеследующий словесный протест гражданскому губернатору:

1) что в случае, если будет нанесен ущерб иностранным подданным или их собственности, то ответственность за это падет на правительство;

2) что консульский корпус протестует против варварского обстрела беззащитного города;

3) что в случае причинения ущерба иностранным подданным или их собственности, консульский корпус предпримет всякие меры, какие найдет желательными.

Я получил уведомление от старшего британского морского офицера о том, что им получено приказание от командующего флотом в Гонконге, что в случае, если китайскими властями будет открыт огонь по городу, против них будут предприняты немедленные действия всеми находящимися здесь британскими морскими силами.

Примите и проч.

Бертрам Джайльс, генеральный консул его британского величества.

Вышеуказанный документ был адресован г. Фу-Пинг-Шунг, комиссару по иностранным делам в Кантоне.

МАНИФЕСТ СУН ЯТ-СЕНА.

С того момента, как Чан Лим-пак, агент Ганконг-Шанхайского банка поднял открытое восстание против моего правительства, я имел основания подозревать, что его антинациональное движение, поддерживается Британским империализмом. Мне было, однако, трудно поверить этому, ибо в настоящее время в Англии у власти стоит Рабочая Партия, которая в своей программе и в своих заявлениях неоднократно выражала сочувствие эксплоатируемым народам. И я все надеялся, что Рабочее Правительство теперь, когда власть находится в его руках, останется верным своим декларациям, откажется, по крайней мере, от традиционной насильнической политики Великобритании, причинившей Китаю в прошлом столько бедствий и унижений, и откроет в сношениях с моей страной эру интернациональной честности, которая остается основным принципом политики Рабочей Партии.

Теперь мы знаем правду.

29 августа Британский Генеральный Консул послал моему правительству ноту, гласившую, что Консульский корпус в Шамине „протестует против обстрела беззащитного города". Далее следовала угроза: „Мною только что получено уведомление от старшего британского морского офицера о приказе командующего эскадрой в Гонконге всем имеющимся в наличности морским силам Великобритании выступить против китайских властей в случае, если последние прибегнут к бомбардировке города".

Мое правительство отвергает инсинуируемое обвинение в жестокости, в желании подвергнуть обстрелу беззащитный город, ибо единственной частью Кантона, против которой Правительство могло бы быть вынуждено открыть действия, является предместье Сайкуан, цитадель бунтовщиков, приверженцев Чан Лим-пака. Гнусная инсинуация, исходящая от организации, которая включает в себе виновников Сингапурской бойни, Амритсарских расстрелов и других жестокостей, совершаемых в Египте и Ирландии, — типична для лицемерного империализма. Если говорить о жестокостях в моей стране, то мне достаточно указать, хотя бы, на недавнее насилие, совершенное Великобританией в Ваньсене, где бомбардировка беззащитного города Британскими морскими силами была предотвращена только путем принесения в жертву двух моих соотечественников, которым без суда и следствия отрубили головы для удовлетворения империалистов.

Не потому ли Британский флот здесь, в кантонских водах, снова угрожает китайским властям бомбардировать другой китайский город, что подобные насилия над слабой необъединенной страной совер-

шаются безнаказанно? В вызове, брошенном моему правительству империалистической Англией, я усматриваю еще и другое, более зловещее значение. Принимая во внимание, что в течение более 12 лет империалистические державы непрерывно оказывали китайской контр-революции моральную, а также и материальную поддержку в виде всякого рода займов, — нельзя не видеть в настоящих действиях английского империализма попытки уничтожить Гоминдановское Правительство, главой которого я являюсь. В самом деле, агент, пользующийся доверием наиболее могущественнейшего аппарата Британского империализма в Китае, руководит открытым восстанием, а так называемое Британское Рабочее Правительство угрожает китайским властям расстрелом в случае, если они предпримут действия, необходимые для успешной борьбы с движением, стремящимся к их свержению.

Но что представляет собою это Гоминдановское Правительство, которое так необходимо разрушить Империализму? В настоящее время, это—единственный правящий аппарат в стране, который стремится предохранить от полного уничтожения дух Революции. Это—единственный центр сопротивления контр-революционным силам. Вот почему британские орудия направлены против него.

Было время, когда очередной задачей являлось свержение манчжурских завоевателей; теперь настал момент, когда на очередь дня должна быть поставлена борьба против империалистического вмешательства в Китае, являющегося главным препятствием для завершения исторического дела Революции.

ТЕЛЕГРАММА СУН ЯТ-СЕНА К МАКДОНАЛЬДУ.

Кантонский компрадор банка „Гонконг-Шанхай“ организовал отряд так называемых китайских фашистов, целью которых было низвержение моего правительства. Это должно было быть осуществлено, когда мятежники получили достаточное вооружение и аммуницию, привезенную из Европы на пароходе „Хав“. Пароход прибыл в Кантон 10-го августа, и был немедленно захвачен моим правительством. С тех пор в Кантоне началось восстание под видом стачки, организованной мятежниками и другими контр-революционерами. В тот момент, когда я решил вопрос о принятии необходимых мер для борьбы с восстанием, английский генеральный консул послал письмо моему правительству, содержащее следующие слова: „Я получил известие от старшего английского морского офицера, гласящее, что он получил приказ от командования в Гонконге, что в случае, если китайские власти будут стрелять по городу, должно начать немедленные действия против них всеми английскими морскими силами, находящимися на месте“. В виду дипломатической и финансовой поддержки, которую английские правительства, следовавшие друг за другом, постоянно оказывали контр-революции в Китае, и в виду того факта, что мое правительство в настоящее время является един-

ственным центром сопротивления контр-революции, я принужден сделать вывод, что истинной целью этого ультиматума является низвержение моего правительства. Я обязан протестовать самым энергичным образом против этого последнего акта империалистской интервенции во внутренние дела Китая.

Подписал Сун Ят-Сен.

ТЕЛЕГРАММА СОЮЗА БОРЬБЫ С ИМПЕРИАЛИСТАМИ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ ВЕЛИКОБРИТАНИИ МАКДОНАЛЬДУ.

Ваш Консул в Кантоне угрожает кантонским властям всем находящимся там флотом, если правительство Сун Ят-Сена примет меры к подавлению восставших купцов. Мы не забыли еще случая в Ван-сьене, когда командир Вашей канонерки приказал расстрелять двух невинных китайцев под угрозою британских пушек. Мы обращаемся к Вашему разуму и совести вождя II Интернационала, неужели подобные действия являются политикой представляемого Вами социализма. Мы требуем, чтобы ультиматум был немедленно взят обратно, чтобы английским чиновникам было запрещено вмешиваться во внутренние китайские дела. Борьба, которая идет в нашей стране, касается нас, китайцев, и иностранцы не имеют права вмешиваться в нее, Когда Вы усмиряли Ирландию, борьба там шла более кровавая и жестокая, но Вы, наверное, протестовали бы или объявили бы войну Франции или Америке, если бы они посмели отправить к берегам Ирландии флот, чтобы не допустить нападения правительственных британских войск на ирландские города, под тем предлогом, что там живут какие-либо французские или американские купцы. Мы не можем Вам объявить войну, мы слабы. Неужели это дает Вам право хозяйничать в нашей стране. Г. Макдональд, Вы играете огнем или Вы обмануты Вашими дипломатами или Консулами в Китае.

Союз Борьбы с империалистами.

Пекин. 3/9—24 г.

ТЕЛЕГРАММА СОЮЗА БОРЬБЫ С ИМПЕРИАЛИЗМОМ Д-ру СУН ЯТ-СЕНУ.

Сун Ят-Сену

Общество борьбы против империализма шлет Вам братский привет и восхищение борьбой, которую Вы ведете против империализма. Впервые в истории Китая представитель власти заговорил с империалистами языком, в котором вылились вся боль и страдания нашего

народа, забитого и загнанного великими державами. В эти дни, когда Вы бросаете на алтарь борьбы свою жизнь, власть, во имя чести и свободы, знайте, что китайский народ — с Вами. Все, кто любит свой народ, с восхищением и тревогой следят за Вашей борьбой и за судьбой горячего революционного сердца — Кантона.

Примите наш почтительный привет и пожелание победы.

Союз Борьбы против империализма.

Пекин 3/9 1924 г.

Приложение 6-ое.

Обращение „Лиги борьбы с империализмом“ ко всем угнетенным народам мира.

К вам, народы Индии, Кореи, Формозы, Бирмы, Филиппин, Сиама, Аннама, Персии, Египта, Аравии, Малакки, и к вам, народы черной расы, обращаемся мы.

Все мы находимся под гнетом Америки, Англии, Японии, Франции и других империалистических держав, и потому только совместной борьбой сможем мы вырваться из-под их ига. Мы должны использовать настоящий момент, когда их захватническая и насильническая политика достигла своего зенита, чтобы объединить все угнетенные народы мира, создать единый фронт и немедленно перейти в общее наступление.

Мы, угнетенные народы, составляем две партии всего человечества, т.-е. подавляющее большинство. СССР находится на нашей стороне. Германия, Австрия, Венгрия — не против нас, ибо Версальским договором они превращены в полуколонии великих держав.

Подумайте хорошенько: кто против нас, кто те враги, что душат нас, кто те бандиты, что грабят нас и другие народы Востока? Вот первостепенной важности вопрос для всех нас, но на него мы уже имеем ясный определенный ответ. — Англия, Франция, Япония и Америка, вот кто душит нас, кто является главными империалистическими державами. Остальные, как Голландия, Бельгия, Испания и т. п., не более как империалистические шавки. Теперь, разве вы не знаете, что население империалистических стран не достигает и 300 миллионов, тогда как угнетенные народы включают в себе более миллиарда?

Но почему, несмотря на нашу многочисленность, мы так слабы, что не можем справиться с кучкой интернациональных бандитов, без особых усилий забравших нас в свои руки? Потому что мы не выступаем единодушно против них и потому еще, что наши враги прекрасно организованы. В настоящее время могущество империалистических держав достигло своего зенита. Насильственным образом они поделили между собой целые народы, превратив их в своих рабов. Так, индусы и бирманцы являются рабами Англии, филип-

пинцы — рабами Америки, корейцы и формозцы — рабами Японии, аннамиты — рабами Франции, жители Конго — рабами Бельгии, и хотя наш четырехсотмиллионный народ еще не подвергся той же участи, тем не менее и он является объектом их грабежа.

Но чаша нашего терпения переполнилась, и мы решили вступить с ними в „классовую борьбу“. Наши требования не ограничиваются лишь требованием свободы только для нас самих, мы требуем свободы для всех слабых и угнетенных народов мира. Мы предпочитаем страдать в борьбе, чем страдать в угнетении, мы готовы жертвовать своей жизнью лишь бы вырваться из-под гнета империалистических держав. А для этого всем угнетенным народам желтой, черной и белой рас необходимо создать единый блок.

Друзья! Мы, китайцы, уже создали „Лигу борьбы с империализмом“ и стремимся, не ограничиваясь соотечественниками, сорганизовать воедино всех единомышленников.

Мы знаем, что и вы желаете бороться с империалистическими державами, но мы не знаем ни ваших сил, ни способов вашей борьбы, как не знаете того же и вы относительно нас, что является большой помехой. Мы должны связаться между собою, должны поделиться своим опытом, должны подать друг другу братскую руку помощи. Мы горячо желаем войти в тесные сношения с вами и надеемся, что солидарной борьбой сумеем преодолеть все препятствия, покончим с империализмом и добьемся освобождения всех угнетенных народов.

Поэтому мы просим вас сообщать нам новости о ваших организациях и единомышленниках: необходимо только, чтобы даваемые вами сведения были точны. С своей стороны, мы будем ставить вас в известность о нашей борьбе и ее методах.

Мы верим, что, благодаря объединению, мы с большим воодушевлением двинемся на борьбу, сможем покончить с империализмом и освободить все угнетенные народы.

Братья! Да здравствует наш общий союз!

Да здравствуют угнетенные народы мира!

Долой мировой империализм!

Лига Борьды с империализмом.

СОДЕРЖАНИЕ.

